

Мэйдзин

1

Мэйдзин Сюсаи, двадцать первый в династии Хонинбо, скончался утром восемнадцатого января 1940 года в городе Атами в гостинице “Урокоя”. Ему было шестьдесят шесть лет по японскому счёту.

Эту дату я никогда не забуду и не спутаю с другой, потому что каждый год 17 января в Атами отмечаются Дни памяти писателя Одзаки Коё. Именно в этот день Наньити, главный герой романа Коё “Золотой демон” произносит на берегу моря в Атами свой знаменитый монолог “Сегодня луна...”.

Мэйдзин умер на следующий день после начала праздника.

В те времена было в обычае к Дням памяти Коё приурочивать некоторые другие торжества литературного мира, и в год смерти Мэйдзина эти празднования получились как никогда пышными.

Кроме Одзаки Коё город Атами описывали в своих произведениях Такаяма Тёгю и Цубоути Сё - их имена тоже поминали в заупокойной службе. В тот год благодарственные адреса от города за описание Атами в недавно изданных книгах получили три романиста - Такэда Тосихико, Осораги Дзиро и Хаяси Фусао. Я тоже был тогда в Атами и участвовал в Днях памяти Коё.

Вечером семнадцатого января мэр города давал банкет в гостинице «Дэсураку», где остановился и я, а на рассвете восемнадцатого меня разбудил телефонный звонок - мне сообщили о смерти Мэйдзина. Я сразу же отправился в гостиницу “Урокоя”, затем вернулся к себе, позавтракал и присоединился к приехавшим на Дни памяти Коё писателям, которые вместе с хозяевами из мэрии направлялись возлагать венки на могилу Цубоути. После кладбища я вновь зашел к себе в гостиницу, побыл недолго на банкете в павильоне Бусёан в Сливовом саду, а с середины вновь ушел в Урокоя и сфотографировал Мэйдзина на смертном ложе. Попозже я ещё раз пошел туда проститься с покойным - его в тот же день увозили в Токио.

Мэйдзин приехал в Атами пятнадцатого января, а восемнадцатого - умер. Как будто он специально приехал в Атами, чтобы умереть. Шестнадцатого я навестил Мэйдзина в гостинице, и мы сыграли две партии в японские шахматы - сёги. Вечером, едва я ушел, Мэйдзину вдруг стало плохо. Те две партии в любимые им сёги оказались последними в его жизни. Мне довелось быть наблюдателем от газеты на Прощальной партии в Го - последней официальной партии, сыгранной Мэйдзином Сюусаем; я был последним партнером Мэйдзина в сёги, и я же сделал последние фотографии покойного.

Моё знакомство с Мэйдзином началось в ту пору, когда газета “Токио Нити-нити” (ныне “Майнити”) поручила мне вести репортаж о ходе Прощальной партии. Хотя встречу организовала газета, тем не менее, игра получилась невероятно затяжной. Началась она 26 июня в зале Коёкан в парке Сиба в Токио, а закончилась в городе Ито 4 декабря. Одна партия в Го заняла почти полгода. Она откладывалась четырнадцать раз. Я опубликовал в газете шестьдесят четыре репортажа о ходе игры. Правда, в середине партии Мэйдзин слёг, поэтому случился перерыв на три месяца, - с середины августа до середины ноября. Может быть, виной тому болезнь, но Прощальная партия для Мэйдзина окончилась трагически. Казалось, именно она отняла у него жизнь. После игры здоровье к Мэйдзину так и не вернулось, а через год его не стало.

2

Прощальная партия Мэйдзина закончилась 4 декабря 1938 года в 2 часа 42 минуты пополудни. Последним был 237 ход черных.

Не произнося ни слова, Мэйдзин сделал движение, собираясь заполнить нейтральные пункты на доске. В этот момент один из судей, Онода Шестой дан, сказал: “Кажется, пять очков” - голос его был полон почтительности, и сказал он это из сочувствия к Мэйдзину - перестановка камней и подсчет очков на доске сделали бы поражение Мэйдзина слишком явным.

- Да-а,... пять очков... - пробормотал Мэйдзин, поднял тяжелые веки и убрал руку от камней.

Заполнившие зал зрители и члены организационного комитета молчали. Будто желая разрядить тяжелую атмосферу, Мэйдзин тихо произнёс: “Не попади я в больницу, мы бы закончили ещё в августе в Хаконэ”. Затем он спросил о своем расходе времени.

- Белые - девятнадцать часов пятьдесят семь минут... без трёх минут половина лимита, - ответил один из молодых профессионалов, который вел запись расхода времени каждым из партнеров.

- Чёрные - тридцать четыре часа девятнадцать минут...

На одну партию профессионалам высокого класса обычно даётся по десять часов. Однако для этой партии было сделано исключение, и партнёрам отвели по сорок часов, в четыре раза больше обычного. Чёрные истратили почти весь лимит - тридцать четыре часа, - огромное время. Случай небывалый с тех пор, как в Го ввели контроль времени.

Игра закончилась около трёх часов, и горничная принесла обед. Все присутствовавшие по-прежнему молча и неотрывно смотрели на доску.

- Что там? Фасолевый суп? - спросил Мэйдзин у своего противника Отакэ, мастера седьмого дана.

Когда игра была закончена, молодой Седьмой дан сказал: “Сэнсэй, покорно вас благодарю”. Он поклонился Мэйдзину и застыл с низко опущенной головой: руки сложены на коленях, белое лицо стало ещё бледнее.

По примеру Мэйдзина, смешавшего камни. Седьмой дан принялся складывать черные камни в чашу. Мэйдзин не сказав ни слова об игре, встал и как ни в чем не бывало вышел из комнаты, как всегда. Конечно, ни слова не проронил и Седьмой дан. Иное дело, если бы проиграл он.

Я тоже вернулся в свою комнату и, случайно глянув в окно, увидел Отакэ Седьмого дана - он каким-то чудом успел переодеться в ватное кимоно и теперь одиноко сидел на скамейке во дворе. Его руки были скрещены на груди и напряжены, бледное лицо опущено вниз. Близился пасмурный зимний вечер. На широком и холодном дворе виднелась лишь фигура погруженного в раздумья Отакэ.

Я открыл застекленную дверь на веранду и окликнул его: “Отакэ-сан, Отакэ-сан!”. Он резко, будто в гнев, оглянулся на мой зов и снова отвернулся. Мне показалось, что на лице у него слёзы.

Я отошёл от двери и увидел, что у меня в комнате находится супруга Мэйдзина - она зашла поблагодарить меня.

- Вы так долго нам помогали ... были так любезны.

Пока я разговаривал с ней, фигура Отакэ исчезла со двора. Он вновь с непостижимой быстротой переделся в кимоно с гербами и уже совершал торжественный обход в сопровождении своей жены. Он поблагодарил Мэйдзина, членов оргкомитета, зашёл и в мою комнату. Я в свой черёд отправился благодарить Мэйдзина.

Едва закончилась эта растянувшаяся на полгода партия, как на следующий же день все причастные к ней люди поспешно разъехались по домам. Это было как раз накануне пробного пуска железнодорожной ветки на город Ито.

Городок Ито, к которому подвели железную дорогу, в ожидании зимнего курортного сезона украсил свою главную улицу и выглядел нарядным.

У профессиональных игроков Го есть правило - во время матча они “консервируются”. Вместе с ними сидел безвыходно в гостинице и я. Теперь, когда мы ехали в автобусе, оживленность города особенно бросалась в глаза. Я испытывал облегчение, словно вышел из погреба.

Вблизи железнодорожного вокзала виднелся свежий грунт новой дороги, стояли наскоро построенные домики. Весь этот хаос чем-то напоминал редакцию и казался мне подлинным лицом внешнего большого мира.

Когда автобус выкатился из Ито и побежал вдоль берега, нам навстречу попало несколько женщин с вязанками хвороста за спиной. У некоторых к хворосту была привязана рябина. Меня неожиданно потянуло к людям, как бывает, когда перевалишь через гору и вдруг увидишь дымки деревни.

От обыкновенных житейских дел вроде подготовки к Новому году, веяло теплом и уютом. Мне казалось, что я вырвался из какого-то ненастоящего мира. Вот женщины набрали хвороста и теперь, должно быть, идут домой готовить ужин. Тускло светилось море, и нельзя было понять, где находится солнце. Так бывает зимой, когда быстро темнеет.

Но и в автобусе я продолжал думать о Мэйдзине. Меня пронизывало сострадание к нему и, может быть поэтому, я испытывал сочувствие ко всем людям вообще.

Все, кто имел отношение к Прощальной партии, покинули городок. В гостинице города Ито остался лишь Мэйдзин с супругой.

“Непобедимый” Мэйдзин проиграл свой последний в жизни поединок и никто не удивился, если бы он уехал первым. Ему пришлось одновременно бороться с двумя противниками - Отакэ и болезнью, и он нуждался в отдыхе. Это правда. Но и отдыхать было бы лучше где-нибудь в другом месте. Неужели Мэйдзин мог так бесстрастно, так равнодушно относиться к своему поражению? Ни члены оргкомитета, ни я не хотели оставаться там ни одной лишней минуты и сразу разъехались по домам, словно сбежали. Остался только побежденный Мэйдзин. Унылая, гнетущая атмосфера... Всё это Мэйдзин предоставил людскому воображению, а сам... Сам он сидел тихо, как всегда, и лицо у него было бесстрастным, будто все происшедшее его не касалось. Его противник, Отакэ Седьмой дан, уехал в числе первых. У него в отличие от бездетного Мэйдзина была большая семья.

Спустя два-три года после Прощальной партии я получил от жены Отакэ письмо, в котором она сообщала, что их семья увеличилась до шестнадцати человек. Семья в шестнадцать человек, - в этом чувствовался характер Седьмого дана или даже, если угодно, его жизненная позиция. Мне захотелось навестить его. Вскоре после этого умер отец Отакэ, и семья уменьшилась до пятнадцати человек. Я отправился к ним выразить соболезнование. Правда, для соболезнования было немного поздно, потому что со дня похорон прошло, по-моему, уже больше месяца. Это был мой первый визит и оказалось, что Отакэ в отъезде, но его жена так тепло встретила меня, что я прошел в гостиную. Когда я закончил слова приветствия, жена Седьмого дана подошла к двери и кому-то сказала: “Позови-ка всех!”. Послышались шаги, и в комнату вошло несколько подростков. Они выстроились в ряд и застыли как по команде “смирно”. Все они походили скорее на живущих в доме учеников и были в возрасте

от десяти-двенадцати до двадцати лет. В их числе была краснощекая, круглая и крупная девочка.

Жена Седьмого дана назвала меня и сказал: “Поздоровайтесь с сэнсэем!”. Ученики одновременно поклонились резким поклоном. Чувствовалось, что это очень дружная семья. В этом доме не было никакой нарочитости, все делалось в естественной манере. Едва мальчишки вышли из комнаты, как послышался шум, которым они наполняли просторный дом. Жена Седьмого дана пригласила меня подняться на второй этаж. Там я сыграл лёгкую партию в Го с одним из учеников. Жена Седьмого дана угощала одним блюдом за другим, и я засиделся у них допоздна.

В число шестнадцати членов семьи, конечно же, входили и домашние ученики. Никто из молодых профессионалов кроме Отакэ не содержал в своём доме столько учеников. Разумеется, свою роль в этом играли и его известность, и заработки, но всё же главным, пожалуй, была широта натуры Отакэ Седьмого дана, привязанного к семье и без памяти любившего детей.

Когда он был противником Мэйдзина в Прощальной партии и “сидел в консервной банке”, то закончив игровой день, сразу уходил в свою комнату и звонил по телефону жене:

- Здравствуй, милостью сэнсэя мы продвинулись до такого-то хода.

Только это. Ни одного неосторожного слова, которое могло бы намекнуть на положение в партии. Когда голос Седьмого дана, говорившего по телефону, доносился до моей комнаты, я не мог не испытывать к нему симпатии.

4

На церемонии открытия Прощальной партии в зале Коёкан в парке Сиба черные и белые сделали по одному ходу. На следующий день партия продвинулась до двенадцатого хода. После этого игра должна была продолжаться в городе Хаконэ. Мэйдзин, Отакэ Седьмой дан и все члены оргкомитета ехали вместе, одним поездом, а вечером в день приезда Мэйдзин отдыхал за чашкой сакэ. Игра по-настоящему ещё не началась, разногласия между партнерами ещё были впереди. Мэйдзин говорил оживленно, чуть ли не жестикулируя.

Большой стол в гостиной, куда нас сначала привели, был отлакирован, кажется, в стиле Цугару. Зашел разговор о лаке. Мэйдзин сказал: “Не помню точно, когда это было, но мне довелось видеть доску для Го целиком из лака. Не лакированную! А целиком сделанную из твердого лака. Её изготовил интереса ради один мастер по лаку из Асмори. Потратил на неё двадцать пять лет. Подождет, пока один слой высохнет, и накладывает новый слой. Вот почему работа заняла столько времени. Чаши для камней и крышка для доски тоже были из лака. Весь этот набор тот мастер передал на выставку. Хотел за него получить пять тысяч йен, да только покупателя не нашлось. Тогда он принес её в Ассоциацию Го и просил помочь продать за три тысячи. Но не знаю, не знаю... Уж слишком она была тяжелая. Тяжелее меня. Весила килограммов пятьдесят”.

Мэйдзин посмотрел на Отакэ.

- Отакэ-сан, как будто, снова поправился, да?

- Шестьдесят кило...

- Хо-о! Ровно вдвое тяжелее меня. А ведь моложе меня в два раза.

- Мне уже тридцать, сэнсэй. Плохой возраст - тридцать лет. Когда сэнсэй позволял мне приходить к нему домой и давал уроки, я был тощим как щепка, правда? - Отакэ Седьмой дан вспомнил свою юность.

- Когда сэнсэй давал мне уроки и я заболел, супруга сэнсэя выходила меня. Я никогда этого не забуду.

Разговор перекинулся на курортное местечко в префектуре Синсю, откуда родом была жена Седьмого дана, а затем перешел на семейные темы. Отакэ Седьмой дан женился в возрасте двадцати трех лет. В то время у него был лишь пятый дан. С тремя детьми и тремя домашними учениками его семья насчитывала десять человек.

Он рассказал, что его дочь научилась играть в Го, когда ей было шесть лет, причем научилась, глядя на игру взрослых.

- Тогда я попробовал сыграть с ней на форе в девять камней, запись партии я сохранил.

- Хо-о! На девяти камнях? Молодец! - сказал Мэйдзин.

- Младшей четыре годика, но уже понимает, что такое атари. Есть у них способности или нет, пока не знаю. Будь они постарше...

Никто из присутствовавших, казалось, не знал, что ответить на это.

Похоже и впрямь Седьмой дан - один из корифеев мира Го, садится играть со своими крошечными детьми, и если уж найдет в них искру Божию, то непременно сделает из них профессионалов, таких как он сам. Принято считать, что способности к Го проявляются в десятилетнем возрасте, и что если в этом возрасте не начать серьезные занятия, то больших успехов не добиться. И все же на меня рассказ Седьмого дана произвел странное впечатление. Может быть в нем говорила молодость. Тридцать лет. Игра уже полностью его захватила, а усталость от игры ещё не пришла. Помню, я ещё тогда подумал, что у него, наверное, счастливая семья.

Мэйдзин завел разговор о своем тогдашнем доме в Токио, в районе Мэтагая. Из 530 квадратных метров участка постройка занимала целых 250 метров, поэтому двор был пустоват, и они с супругой хотели бы перебраться в новый дом, где двор по шире. Сейчас они живут вдвоем. Домашних учеников у него нет.

5

Когда Мэйдзин выписался из Больницы Святого Луки, прерванная на три месяца партия была продолжена. Играли в гостинице “Данкоэн” в городке Ито. В первый день было сделано всего пять ходов - от сто первого до сто пятого, после чего вновь начались споры и назначить новый игровой день все никак не удавалось. Мэйдзин требовал изменить условия игры, так как был болен, а Отакэ Седьмой дан на это не соглашался и угрожал отказаться от доигрывания. Клубок противоречий запутался ещё больше, чем в Хаконэ.

И партнеры, и члены оргкомитета сидели в гостинице. Мучительно тянулись и попусту пропадали дни. Тогда-то Мэйдзин и предпринял поездку в Кавана, чтобы немного развеяться. Примечательно, что предложил поездку сам Мэйдзин, хотя по натуре он был домоседом. С ним поехали его ученик Симамура Пятый дан, девушка-секретарь, которая вела запись ходов, трое профессионалов из Ассоциации и я.

Однако едва мы вошли в гостиницу “Канко” в Кавана, как сразу стало ясно, что сидеть в креслах в вестибюле гостиницы и пить чай - а больше там делать было нечего - Мэйдзину совершенно не подходило.

Вестибюль представлял собой полукруглый, со всех сторон застекленный фонарь, выступавший из здания в сад. Он больше походил то ли на смотровую беседку, то ли на солярий. Справа и слева от широкого, заросшего травой двора виднелись поля для игры в гольф, принадлежавшие командам “Фудзи” и “Осима”. И двор гостиницы, и площадки для гольфа вплотную подходили к морю.

Я с давних пор любил светлые и просторные пейзажи Каваны и надеялся, что скучавшему Мэйдзину захочется ими полюбоваться. Я следил за его выражением лица, но Мэйдзин задумался, и нельзя было понять, заметил ли он, какая красота его окружает. Не смотрел он и на других обитателей гостиницы. Лицо его оставалось непроницаемым. Ни слова не проронил он ни о пейзаже, ни о гостинице. Как всегда, за него говорила супруга. Она хвалила красивый пейзаж и обращалась к Мэйдзину, ища подтверждения. Однако Мэйдзин не выражал ни согласия, ни протеста.

Мне хотелось, чтобы он побыл хоть немного на солнце, и я пригласил его выйти во двор.

- Да-да, давайте выйдем. На улице тепло. Тебе не повредит. Может, почувствуешь себя лучше, - уговаривала его супруга. Мэйдзин не возражал.

Стояла золотая осень, и площадка “Осима” виднелась как бы сквозь дымку. Над холодным морем завис коршун. Двор, заросший травой, окаймляли сосны и море. На линии, отделявшей зелень травы от моря, виднелось несколько пар молодоженов, приехавших сюда в свадебное путешествие. Сказывалось ли здесь ощущение простора и света, но они не выглядели кричаще одетыми, как обычно выглядят молодожены в свадебном путешествии. Кимоно невест четко выделялись на фоне моря и сосен, и издалека казалось, излучали свежесть. Сюда приезжали новобрачные из богатых семей. Я почувствовал зависть, которая, впрочем, больше походила на сожаление, и обратился к Мэйдзину.

- Это все молодожены...

- Какая скука... - проворчал Мэйдзин. Это безразличное ворчание мне потом не раз вспоминалось. Мне хотелось пройтись по траве, посидеть на ней, но Мэйдзин стоял, не двигаясь, и я должен был стоять рядом с ним.

На обратном пути мы заехали на озеро Ицубеки. Крошечное озеро, пустынное в вечерний час поздней осени, было на удивление красивым. Мэйдзин тоже вышел из машины и постоял немного, глядя на озеро.

Отель в Кавана был настолько хорош, что на следующий день утром я пригласил съездить туда и Отакэ Седьмой дан. Из всех сил старался я развеять дурное настроение Седьмого дана, но тот словно нарочно сопротивлялся. Вместе с нами поехали секретарь Ассоциации Го Явата и корреспондент “Нити-нити симбун” Сата. На обед мы сами приготовили скияки в деревенской хижине, стоявшей на территории гостиницы. Я хорошо знал гостиницу в Кавана, потому что бывал здесь и раньше по приглашению Окуры Киситиро, основателя фирмы “Окура”, по приглашению танцевальных ансамблей, да и сам по себе.

Осложнения с партией продолжались и после поездок в Кавана. Улаживать разногласия между Хонинбо Мэйдзином и Отакэ Седьмым даном приглашали даже меня, хотя я был всего лишь наблюдателем от газеты. Наконец, двадцать пятого ноября состоялось доигрывание.

Мэйдзин попросил поставить рядом большой горшок с углями - хибачи, а сзади - ещё одно длинное хибачи, на котором кипел чайник, чтобы можно было греться паром. По настоянию Седьмого дана Мэйдзин обмотал шею шарфом, который с изнанки выглядел тканым, а с лицевой стороны - валяным. Кроме того, Мэйдзин завернулся в какой-то плед, смахивавший на женскую накидку. Этот плед он не снимал даже у себя в комнате. В тот день у Мэйдзина была небольшая температура.

- Сэнсэй, какая у вас обычно температура? - спросил Седьмой дан, не отводя глаз от доски.

- Э-э..., тридцать пять и семь, тридцать пять и восемь... Что-то около того... Тридцать шесть не бывает никогда, - тихо ответил Мэйдзин, будто смакуя слова.

В другой раз, когда Мэйдзина спросили, какой у него рост, он сказал: “В молодости, когда проходил военную медкомиссию, во мне было метр пятьдесят один. Потом я ещё вырос на девять сантиметров и стал метр шестьдесят. Но с возрастом рост стал уменьшаться и сейчас - метр пятьдесят два”.

Когда в Хаконэ в разгар игры Мэйдзин заболел, врач, который его осматривал, сказал: “У него тело недокормленного ребенка. Что это за икры? В них совершенно нет мяса. Удивляюсь, как у него хватает сил двигаться? Лекарства в полной дозе ему давать нельзя. Ему нужно давать детские дозы, как тринадцатилетнему”.

6

Сидя за доской, Мэйдзин казался крупным человеком. Конечно, свою роль в этом играли его мастерство, звание, умение держаться. Но надо сказать, что для роста метр пятьдесят два его тело было непропорционально длинно. Большим и удлинненным было и его лицо. Нос, рот, уши - также были велики. Сильно выступал вперед подбородок. Все это было заметно и на снятой мною посмертной фотографии.

Пока фотографии не были отпечатаны, меня очень беспокоило, как на них вышел Мэйдзин. Проявить пленку и отпечатать снимки я попросил в фотоателье высшего разряда “Нономия сясинкай”. Я их предупредил, что на пленке снимки покойного Мэйдзина и попросил обращаться с ней поосторожнее.

После Дней памяти Коё я ненадолго заехал домой, а потом вновь должен был ехать в Атами. Перед отъездом я настрого наказал жене переслать фотографии в Атами в гостиницу Дзюраку, как только она получит их. Ни жена, ни кто-либо другой не должны были видеть эти фотографии. Ведь эти снимки любительские, и если покойный Мэйдзин получился на них плохо, то пусть ни одна душа не увидит их и не узнает об их существовании. Если фотографии плохие, то я не стану их показывать ни вдове, ни ученикам Мэйдзина, а просто сожгу. К тому же в моем фотоаппарате иногда заедал затвор, и я не был уверен, что вообще хоть что-нибудь получится.

Жена позвонила мне как раз в тот момент, когда я вместе с другими участниками Дней памяти Коё вяло жевал скияки из индейки на банкете в павильоне Бусёан. Она сказала, что супруга Мэйдзина просит меня прийти и сфотографировать покойного. Дело в том, что когда я утром вернулся к себе в гостиницу после прощанья с Мэйдзином, мне пришла в голову эта мысль, и я через свою жену, которая шла к супруге Мэйдзина выражать соболезнование, предложил свою помощь: если нужно, я смог бы сделать фотографии или гипсовую маску. Маску вдова не захотела, а на фотографии согласилась, и жена позвонила, чтобы сказать мне об этом.

Когда настало время действовать, я вдруг потерял уверенность, что смогу выполнить эту нелегкую миссию - сделать хорошие фотографии. В моём фотоаппарате иногда заедал затвор, и я боялся, что у меня может ничего не выйти. Поэтому очень обрадовался, когда в павильон неожиданно зашел фотокорреспондент, которого прислали для съёмки торжеств на Днях памяти. Я попросил его пойти со мной и сфотографировать покойного Мэйдзина. Фоторепортёр сразу же согласился. Правда, вдове и другим могло не понравиться то, что я без предупреждения приведу постороннего фотографа, но я решил рискнуть. Это все-таки лучше, чем снимать самому. Однако распорядители Дней памяти заявили, что они очень сожалеют, но не могут отпустить фотографа. Было трудно что-либо возразить. Смерть Мэйдзина касалась только меня. Моё настроение совершенно не совпадало с настроением других участников Дней памяти. Тогда я попросил фотокорреспондента взглянуть, что с затвором. Он объяснил мне, что на худой конец можно оставить объектив постоянно открытым и прикрывать объектив ладонью вместо затвора. Он также зарядил в аппарат новую плёнку, и я на такси отправился в гостиницу “Урокая”.

В комнате, где лежал покойный, были закрыты ставни и горела лампочка. Вместе со мной в комнату вошли вдова и её младший брат. Брат сказал: “Темно, не хватит света. Я открою ставни”.

Я сделал около десятка снимков. Чтобы не рисковать, я открыл затвор и действовал рукой, как научил меня фотограф. Мне хотелось сделать снимки с разных направлений и углов, однако атмосфера благоговения не позволяла мне бесцеремонно расхаживать вокруг тела и я фотографировал с одного места.

Когда жена посылала готовые фотографии из Камакура, она мне написала на обороте фирменного пакета ателье “Нономия”: “Только что получила из ателье. Внутрь не заглядывала. Тебе нужно зайти четвертого в пять часов в канцелярию храма насчёт праздника”.

Приближался праздник весны сэцубун, и на церемонию разбрасывания бобов в храме Хачимана в Цуругаока на роль “старейшин” были приглашены камакурские литераторы.

Первое, что мне бросилось в глаза, едва я достал фотографии из пакета, было лицо покойного Мэйдзина. Снимки получились хорошие.

Мэйдзин на них казался спящим, но в то же время ощущался и покой смерти.

Я фотографировал слегка присев, примерно на уровне живота покойного, поэтому Мэйдзин был виден мне снизу наискосок. Знаком смерти было отсутствие подушки - из-за этого лицо хранило выражение глубокой скорби. Это выражение подчеркивалось выступавшим подбородком и слегка приоткрытым ртом. Мощный нос казался настолько большим, что становилось немного не по себе. От складок закрытых век до погруженного в густую тень лба - все передавало выражение скорби.

Свет от окна с полуоткрытыми ставнями падал на покойного с изножья, свисавшая с потолка лампочка также освещала лицо снизу, изголовье было опущено. Поэтому лоб находился в тени. Свет падал от подбородка на щеки и освещал другие выступающие части лица: запавшие веки, надбровья, переносицу.

Присмотревшись, я заметил, что нижняя губа была в тени, а верхняя - освещена. Между ними лежала густая тень рта, в котором поблескивал один из верхних зубов. В коротко стриженных усах видны были седые волоски. На правой, дальней от меня щеке были две большие родинки. Они тоже давали тени, которые получились на снимках. Получилась даже тень от набухшей вены, которая шла от виска ко лбу. Темный лоб пересекала поперечная морщина. В одном месте свет достигал стриженных ежиком волос надо лбом. Волосы у Мэйдзина были жёсткие.

7

На правой щеке были две большие родинки, и волоски правой брови на снимке выглядели очень длинными. Их концы изгибались дугой и почти достигали линии смыкания век. Почему они казались такими длинными. И длинные волоски бровей, и большие родинки придавали мёртвому лицу грустное выражение.

Увидев эти длинные волоски в бровях, я с грустью вспомнил, как шестнадцатого января, за два дня до смерти Мэйдзина, мы с женой зашли проведать его в гостиницу Урокая. Его супруга обратилась ко мне, сперва взглянув на Мэйдзина, как бы извиняясь.

- Да, вот ещё что... Я хотела вам сказать при встрече... Вы помните насчёт брови?... - она ещё раз взглянула на Мэйдзина, словно прося разрешения продолжить.

- Это было как раз двенадцатого числа. Было довольно тепло. Мы как раз собирались в Атами, ему нужно было побриться получше и мы пригласили нашего парикмахера. Тот брил

его на веранде, на солнце, и вдруг муж говорит: “Господин парикмахер! В левой брови у меня есть длинный волосок. Говорят, это примета долголетия. Вы уж постарайтесь, господин парикмахер, не заденьте его случайно” - так он сказал парикмахеру. А тот убрал руки от лица и говорит: “Как же, как же, волосок на месте. У сэнсэя есть волосок счастья. Сэнсэй будет долго жить. Не беспокойтесь. Ни в коем случае не задену”.

А муж посмотрел на меня и говорит: “Про этот волосок господин Ураками, кажется, даже в газете написал. У господина Ураками острый взгляд, если он замечает такие мелочи. Правда? Пока он не заметил этот волосок, я о нём даже не подозревал». Вот так он и сказал. И знаете, даже настроение поднялось.

Пока жена говорила, Мэйдзин, как всегда молчал, лишь тень пробежала по его лицу, как от пролетевшей птицы. Мне стало неловко. Я и вообразить не мог, что Мэйдзин умрёт через два дня, после разговора о длинном волоске в брови, который пощадил парикмахер, как примету долголетия.

Конечно, не Бог вещь какое событие - заметить длинный волосок в брови у старика да написать об этом. Но писал я это в такой трудный момент, когда казалось, что даже какой-то волосок может повлиять на ход событий. В Хаконэ в гостинице “Нарая” я написал следующий репортаж:

“Старого Мэйдзина сопровождает супруга, и всё время находится с ним в гостинице. Супруга Отакэ постоянно ездит в Хаконэ из Хирацука, потому что у неё в Хирацука трое детей. Самому старшему из них исполнилось лишь шесть лет. Больно смотреть со стороны, как страдают эти две женщины. Обе они заметно осунулись и побледнели с 10 августа, то есть, с тех пор, как Мэйдзин оправился после болезни”.

Супруга Мэйдзина никогда не бывает рядом с ним во время игры, но в этот день она сидела в соседней комнате и внимательно следила за Мэйдзином. На доску она не взглянула ни разу.

Супруга Отакэ тоже не появлялась в комнате, где проходит игра, но и спокойно дожидаться перерыва она, по-видимому, была не в силах. Она то стоит, то ходит по коридору, наконец, не выдержав, заглядывает в Оргкомитет:

- Отакэ ещё думает?

- Да... видите ли, положение трудное...

- Я знаю... Если бы он хоть немного поспал, было бы легче.

Отакэ Седьмой дан промучился всю ночь, пытаюсь решить, допустимо ли снова начинать игру с Мэйдзином, который ещё не оправился после болезни. Всю ночь он и глаз не сомкнул, а утром всё-таки пришел на игру.

В 12.30, когда партию нужно откладывать, - был ход чёрных. Прошло полтора часа, а хода всё нет. Об обеде никто и не вспоминает. Госпожа Отакэ, конечно, не может усидеть в своей комнате. Она тоже провела бессонную ночь.

Единственный в семействе Отакэ, кому ночью сегодня удалось поспать, - это Отакэ - младший, замечательный малыш восьми месяцев от роду. Спроси меня кто-нибудь о характере Отакэ Седьмого дана, - я просто показал бы ему этого малыша - живое воплощение бойцовского духа и мужества отца. Сегодня на взрослых тяжело смотреть, и единственное моё спасение - этот Момотаро.

В этот день я случайно заметил в брови у Хонинбо Мэйдзина седой волосок длиной около дюйма. И этот длинный волосок на лице Мэйдзина с припухшими веками и вздувшейся веной был для меня якорем спасения.

Атмосферу в комнате, где идет игра, вполне можно назвать гнетущей. Я стоял на веранде и смотрел вниз на раскаленный солнцем двор. Там какая-то модно одетая барышня беззаботно бросала в пруд карпам кусочки печенья. Мне казалось, что я невольно стал свидетелем некоего тайного действия. Даже не верилось, что игра и это действие совершаются в одном и том же мире.

Обе женщины - и супруга Мэйдзина, и супруга Отакэ были взволнованы, лица их побледнели, черты обострились, выражение лиц стало жестче. Когда началась игра, супруга Мэйдзина, как всегда, вышла из комнаты, однако сегодня она вопреки привычке вскоре вернулась и наблюдала за Мэйдзином из соседней комнаты. Онода Шестой дан закрыл глаза и опустил голову. Обозревателю Мурамацу Сёфу тоже не по себе, Даже Отакэ Седьмой дан не произносит ни слова. Кажется, будто он избегает прямо смотреть на Мэйдзина, своего противника.

Вот вскрывают конверт с записанным при откладывании 90 ходом белых. Мэйдзин то и дело склоняет голову то вправо, то влево, 92 ходом он пошел на взаимное разрезание. Обдумывание 94 хода заняло 1 час 9 минут. Мэйдзин то закрывал глаза, то смотрел в сторону, иногда наклонялся вниз, будто борясь с приступом тошноты. Похоже, ему нездоровилось. Вид его не выражал внутренней силы, как бывало прежде. Может быть, виной тому освещение, или что другое, только контур лиц Мэйдзина казался размытым, словно призрачным. Даже тишина в комнате была какой-то необычной. Игроки сделали 95, 96, 97 ходы. Стук камней о доску вселял смутную тревогу, словно эхо в пустынном ущелье.

Над 98 ходом Мэйдзин вновь думал больше получаса. Он часто моргал, рот его был слегка приоткрыт, а веером он размахивал так яростно, словно старался раздуть пламя где-то в глубине своего существа. Трудно понять, как можно играть в таком состоянии.

В это время в комнату вошел Ясунага Четвёртый дан. Переступив порог, он сделал традиционный поклон. Это был очень почтительный поклон, по всем правилам. Но ни один из соперников его поклона не заметил. Когда Мэйдзин или Седьмой дан поворачивались в ту сторону, где сидел Ясунага, тот сразу же почтительно опускал голову. Ничего другого ему не оставалось делать. Вся сцена выглядела так, словно какие-то демонические силы сошлись в ужасной битве.

Едва был сделан 98 ход белых, как девушка-секретарь объявила время: 12 часов 29 минут. В 12.30 откладывание.

- Сэнсэй, если вы устали, то может быть, отдохнёте?.. - обратился к Мэйдзину Онода Шестой дан. Только что вернувшийся из туалета Отакэ тоже присоединился к просьбе.

- Отдохните, пожалуйста. Не церемоньтесь со мной. Я один подумаю над ходом и запишу его. Обещаю ни у кого не просить подсказки, и впервые за весь день все рассмеялись.

Все сочувствовали Мэйдзину и не хотели, чтобы он оставался сидеть за доской. Отакэ должен был лишь записать свой ход, поэтому особой необходимости сидеть у Мэйдзина не было. Он наклонил голову и некоторое время раздумывал, уйти или остаться...

- Пожалуй, я посижу ещё немного...

Однако он тут же встал и отправился в туалет. Вернувшись, он зашёл в соседнюю комнату и затеял веселый разговор с Мурамацу Сёфу. Вдали от доски Мэйдзин выглядел против ожидания бодро.

Оставшись в одиночестве Отакэ Седьмой дан впился глазами в позицию белых в правом нижнем углу. Он думал 1 час 13 минут, но записанный им уже во втором часу девяносто девятый ход был подзюки в центре доски.

В то утро, когда члены Оргкомитета зашли в комнату Мэйдзина и поинтересовались, где он сегодня хотел бы играть: во флигеле или на втором этаже главного корпуса, Мэйдзин ответил:

- Я пока не могу выходить на улицу и предпочел бы главный корпус. Но ведь ещё раньше Отакэ-сан говорил, что в главном корпусе ему мешает шум водопада. Спросите лучше Отакэ-сан. Будем играть там, где он захочет. Таков был ответ Мэйдзина.

8

Волосок Мэйдзина, о котором я написал в репортаже, был седым и рос в левой брови. Однако на снимке покойного все волоски правой брови получились длинными. Не могли же они вдруг вырасти после смерти. И потом, брови у Мэйдзина были не такими уж длинными. На снимке волоски были явно длиннее, чем в натуре, но ведь фотография не может врать.

Вряд ли дело было в обработке пленки. Я фотографировал аппаратом “Контактс” с объективом “Зонар 1.5”, и пусть я плохо разбираюсь в технике съёмки, но всё же вижу, что объектив сработал так, как надо. Для него все одинаковы: живые ли, мёртвые ли, всё равно, люди это или предметы. Незнакомы ему ни восхищение, ни чувствительность. Если я не напутал при съёмке, то “Зонар 1.5” снял всё точно. Благодаря объективу снимок покойного получился по тональности богатым и мягким.

До глубины души поразило меня то настроение, которым веяло от снимков. Несомненно, это настроение создавалось мёртвым лицом Мэйдзина. Ведь лицо человека всегда что-то выражает, хотя у покойного, конечно, за этим выражением не скрывается никаких чувств. Мне даже стало казаться, что фотографии изображают человека не живого, но и не мёртвого. Ведь он получился как живой, только спящий. Нет! И это не так. Смотришь на снимок и знаешь, что это покойный, но все равно чувствуешь в нем что-то, одинаково говорящее и о жизни, и о смерти. Может быть, это объясняется тем, что на снимках у покойного такое же лицо, какое бывает у живых? Может быть, это лицо напоминает о многом, что случалось, когда Мэйдзин был жив? Или может быть, дело в том, что передо мной не само мертвое лицо, а лишь его фотография? Удивительно и то, что лицо мертвого гораздо отчетливей и подробнее видно на фотографии, чем воочию. И ещё мне подумалось, что эта фотография стала для меня символом чего-то тайного, на что непозволительно смотреть.

Потом я пожалел, что сделал фотографии покойного. Всё-таки, это был бездушный поступок. Нельзя сохранять мёртвое лицо на фотоснимках. Хотя правда и то, что эти снимки напоминают мне о необычной жизни Мэйдзина.

Мэйдзина никак нельзя было назвать красивым, а лицо его - утончённым. Скорее оно было худощавым и грубоватым. Красотой не отличалась ни одна из черт его лица. Например, уши - мочки казались расплюснутыми. Рот был большим, а глаза, наоборот, маленькие. Благодаря умению, выкованному долголетней практикой, фигура Мэйдзина за доской выглядела непоколебимо спокойной, и что-то от этого спокойствия оставалось даже на фотографии мертвого Мэйдзина. Складки сомкнутых век выражали глубокую скорбь, как, впрочем, бывает и у спящих.

Стоило перевести взгляд с лица мертвого Мэйдзина на его грудь, как начинало казаться, что перед вами марионетка, у которой есть только голова, задрапированная кимоно с панцирным узором. Это кимоно надели на Мэйдзина впервые после смерти - оно не было подогнано по фигуре и топорщилось в тех местах, где начинаются рукава. В целом создавалось впечатление, что тело Мэйдзина от груди постепенно книзу сходило на нет. Это о ногах Мэйдзина врач в Хаконэ сказал, что удивляется, как тому хватает сил передвигаться. И когда тело выносили из гостиницы Урокоя и грузили на машину, по-прежнему казалось, что в гробу ничего нет кроме головы и груди. Я впервые увидел Мэйдзина, когда приехал писать о ходе Прощальной партии, - уже тогда мне бросились в глаза его крошечные колени, когда он

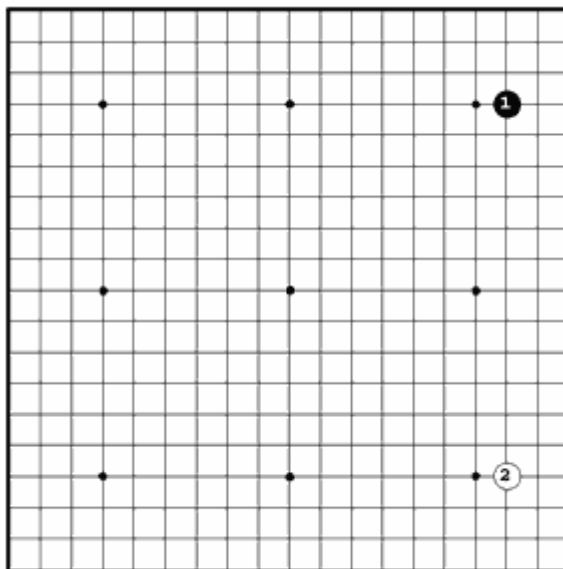
сидел по-японски. И на фотографии покойного господствовало лицо. Что-то жуткое было в этой отдельно лежащей голове. Это жуткое присутствовало и на моих снимках. Возможно, так казалось именно потому, что на них было лицо, запечатлённое в последний миг драмы, лицо человека, настолько захваченного своим искусством, что оно утратило многие свои реальные черты. Быть может, я запечатлел на этих снимках лик самой судьбы человека, отдавшего жизнь служению высшим идеалам. Искусство Мэйдзина исчерпало себя в Прощальной партии, - ею же закончилась и его жизнь.

9

Вряд ли когда-нибудь церемония открытия матча обставлялась с такой пышностью, как в Прощальном матче. Черные и белые сделали только по одному ходу, и после этого начался банкет.

Ещё стоял сезон дождей, но в этот день, 26 июня 1938 года, вдруг выглянуло солнце, и облака были по-летнему легкими. Веранда во дворе павильона Коёкан в парке Сиба была омыта дождем. На редких листьях базуки поблескивало солнце.

В парадном углу зала на первом этаже сидели Мэйдзин Хонинбо и претендент, Отакэ Седьмой дан. Слева от Мэйдзина Сюсяя сидели Сэкинэ XIII и Кимура. Оба в разное время имели титул Мэйдзина по сёги. За ними сидел Такаги, Мэйдзин по рэндзю.

Всего в зале присутствовало четыре Мэйдзина. - Все они были приглашены газетой на церемонию открытия Прощальной партии Мэйдзина по Го. Я, как наблюдатель от газеты, сидел рядом с Мэйдзином Такаги. Справа от Отакэ Седьмого дана сидели издатель и главный редактор нашей газеты, секретарь и директор Японской Ассоциации профессиональных игроков в Го, трое престарелых профессионала седьмого дана, судья в Прощальной партии - Онода, мастер седьмого дана, и несколько учеников Мэйдзина Сюсяя.

Все собравшиеся были в парадном японском платье с гербами. Церемония открыл главный редактор, сказав несколько приветственных слов, подходящих к случаю. После его выступления воцарилась тишина - готовили к игре стоящую в середине зала тяжелую доску. Вот Мэйдзин Сюсяя уже опустил слегка правое плечо - его обычная поза за доской. Какие крошечные у него коленки! Рядом с ним даже веер кажется огромным. Отакэ Седьмой дан закрыл глаза и тихонько покачивает головой то вперед-назад, то из стороны в сторону.

Мэйдзин встал и направился к доске. Благодаря вееру его вид напоминал самурая с коротким мечом со старинной гравюры. Вот он сел за доску. Левую руку он сунул за пояс, а правую слегка сжав кулак, - поместил под подбородок. Занял свое место и Отакэ Седьмой дан. Он поклонился Мэйдзину, взял стоящую на доске чашу с черными камнями и поставил справа от себя. Поклонившись ещё раз. Седьмой дан закрыл глаза и застыл в этой позе.

- Начнём? - поторопил его Мэйдзин. Голос его прозвучал тихо, но, строго. Это означало "Почему вы медлите?". То ли Мэйдзина раздражала театральность позы Седьмого дана, то ли в этих словах проявились агрессивность и боевой дух Мэйдзина... Седьмой дан спокойно открыл и снова закрыл глаза.

Позднее, уже в городе Ито я узнал, что Седьмой дан в игровые дни по утрам читает Сутру Лотоса, вот и сейчас закрыв глаза, он, должно быть, пытается сосредоточиться. Вдруг раздался резкий стук камня о доску. Первый ход был сделан в 1 час 40 минут.

Что за фусэки выберёт Седьмой дан, новое или старое? Куда пойдет в хоси или в комоку? Весь мир ждал, какой ход сделает Седьмой дан. Первый ход чёрных был в пункт 3-4 (комоку) в правом верхнем углу. Это означало, что избрано старое традиционное начало. Итак, первая загадка в этой партии была разрешена.

Мэйдзин смотрел на доску, сложив руки на коленях. Сохранилось много фотографий и кадров кинохроники, запечатлевших этот момент.

Все они изображают залитого ярким светом Мэйдзина - его губы так плотно сжаты, что кажутся выпяченными; сидящие вокруг доски люди исчезли в тени. Это была третья игра Мэйдзина, которую мне довелось видеть, и я уже знал, что за доской Мэйдзин всегда словно излучает поток спокойствия, который таинственным образом как бы охлаждает и очищает воздух вокруг него.

Прошло пять минут, и Мэйдзин, видимо забыв об откладывании, рассеянно взял камень в руку, явно собираясь сделать ход.

- Ход готов! - вместо Мэйдзина провозгласил Отакэ Седьмой дан обратился к Мэйдзину:

- Сэнсэй, мне тоже иногда кажется, что я не играл вообще, если не поставлю камень на доску.

Мэйдзин поднялся и в сопровождении секретаря Ассоциации удалился в соседнюю комнату. Закрыв дверь, он записал на бланке свой ход и вложил бланк в конверт. Записанный ход считается недействительным, если его видел кто-нибудь кроме самого игрока.

Затем Мэйдзин сел за доску вновь. “Воды нет” - проговорил и, послонив два пальца, заклеил конверт. На месте склейки Мэйдзин расписался. Седьмой дан свою подпись поставил на месте склейки нижнего клапана конверта. Этот конверт вложили в другой, большего размера, и внешний конверт члены Оргкомитета опечатали своими печатями. После этого конверт поместили в сейф павильона Коёкан.

На этом церемония открытия закончилась. Обоих участников попросили ещё раз сесть за доску, чтобы Кимура Ихэй мог спокойно сфотографировать их для заграничных агентств. Когда и это было сделано, все облегченно вздохнули. Престарелые седьмые даны окружили доску, обмениваясь замечаниями о камнях, о самой доске.

Кто говорил, что толщина камней одиннадцать миллиметров, кто - одиннадцать с половиной, кто - двенадцать, а Кимура, Мэйдзин по сёги, сказал:

- Да, камни высшего класса... дайте потрогать, - и взял в горсть несколько камней. Кое-кто из профессионалов предоставил для этой игры свои лучшие, прославленные доски. Потому что хотя бы один ход этой партии, сделанный на знаменитой, имеющей историю доске, ещё больше увеличивал её славу.

После недолгого перерыва начался банкет.

Кимуре, Мэйдзину по сёги, в ту пору было тридцать четыре года, Мэйдзину Сэкинэ XIII - семьдесят один год, Такаги, Мэйдзину по рэндзю, - пятьдесят один год по японскому счёту.

10

Мэйдзин Хонинбо родился в 1874 году и несколько дней назад скромно, как и подобает во время войны, отпраздновал своё шестидесятипятилетие в узком кругу. Перед началом второго игрового дня он заметил: “Интересно, кому больше лет? Павильону Коёкан или мне?”.

Он рассказал, что в этом самом зале играли такие знаменитости прошлого века, как Мурасэ Сюхо, мастер восьмого дана, и Мэйдзин Хонинбо Сюсай.

Игра второго дня велась на втором этаже в зале, выдержанном в стиле конца прошлого века: от раздвижной перегородки до подъемного окна - все было украшено изображениями осенних листьев в соответствии с названием: Коёкан - Дворец осенней листвы. Один угол был отгорожен золоченой ширмой, тоже расписанной осенними листьями в духе школы Огаты Корина. В нише стояли живые цветы аралии и маргаритки. Из зала площадью в тридцать метров была видна другая комната, поменьше, там тоже стоял огромный букет. Было видно, что маргаритки в том букете немного привяли. Иногда в комнату заходила девушка, подстриженная под пажа, она приносила очередную порцию чая. Больше туда никто не входил.

Отражение белого веера Мэйдзина беззвучно двигалось по чёрному лакированному подносу с охлажденной водой. Из корреспондентов присутствовал только я один.

Отакэ Седьмой дан был одет в кимоно с гербами из двухслойного шелка хабутаэ, поверх которого была накидка хаори из полупрозрачного шелка. Мэйдзин сегодня одет не так парадно. На нём хаори с вышитыми гербами, и доска сегодня уже другая.

Накануне чёрные и белые сделали лишь по одному ходу - ведь это была лишь церемония открытия, а настоящая игра начинается, можно сказать, только сегодня. Отакэ Седьмой дан сейчас думает над третьим ходом, он то щелкает веером, то сцепляет руки за спиной, то водружает веер на колено, ставит на него руку и подпирает ладонью щеку. Вдруг я замечаю, что дыхание Мэйдзина становится шумным. Он разводит плечи пошире и делает глубокие мощные вдохи. При этом никаких признаков недомогания. Слышатся глубокие, равномерные волны дыхания. Мне показалось, что он внутренне напрягся и сосредоточился, словно в него вселилось нечто. Сам Мэйдзин, похоже, не замечал, что с ним происходило, и у меня вновь стеснило грудь.

Все это, однако, длилось недолго. Дыхание Мэйдзина постепенно становилось тише и незаметно стало таким же спокойным, как и прежде. Мне пришло в голову, что может быть, таким путем проявил себя боевой дух Мэйдзина, учувший сражение. А может быть, мне довелось увидеть, как на Мэйдзина сошло вдохновение, или ещё больше - увидеть его гения. Наконец, может быть, это был миг внутреннего сосредоточения, и я наблюдал вхождение в состояние самадхи, когда человек отрешается от собственного Я. Но как знать, может быть в этом как раз и состоял секрет непобедимости Мэйдзина.

Отакэ Седьмой дан перед тем, как сесть за доску, церемонно поприветствовал Мэйдзина, а затем сказал:

- Сэнсэй, извините, боюсь, что мне придется часто отлучаться во время игры...

Мэйдзин в ответ проворчал: "Мне тоже. Я и ночью встаю раза три..."

Это было забавно, потому что характеры Седьмого дана и Мэйдзина были совсем несхожи.

Когда я, да и не только я, работаю за столом, то часто пью чай и бесконечно бегаю в туалет, а иногда случается со мной и "медвежья болезнь". У Отакэ все это было доведено до крайности. И весной, и осенью на квалификационных турнирах Ассоциации Отакэ ставил возле себя огромный чайник и большими глотками все время пил дешёвый чай. Ву Циньюань, мастер Шестого дана, излюбленный партнер Отакэ, тоже во время игры часто отлучался в туалет. Я как-то подсчитал: за те несколько часов, пока длилась партия, он вставал больше десяти раз. Хотя Ву Циньюань и не пил чай в таких количествах, как Отакэ, но все равно каждый раз из комнаты доносились характерные звуки.

Иногда можно было видеть, как Отакэ ещё в коридоре начинает развязывать пояс.

Подумав шесть минут, чёрные делают третий ход и тут же:

- Извините, пожалуйста!

Отакэ быстро встал. После пятого хода он снова встал: - Извините, пожалуйста!

Мэйдзин достал из рукава кимоно сигарету и медленно раскурил её, думая над пятым ходом. Отакэ, то прятал руки в карманы, то скрещивал их перед собой, иногда складывал их на коленях, то снимал с доски невидимые пылинки, и даже перевернул поставленный противником белый камень лицевой стороной вверх. Если в белых камнях лицевая и обратная стороны различаются, то лицевой считается та сторона раковины хамагури, на которой нет узора, однако, на это мало кто обращает внимание. Но только не Отакэ. Седьмой дан время от времени, когда Мэйдзин ставил белый камень обратной стороной вверх, аккуратно брал его и переворачивал.

Об игре с Мэйдзином Отакэ как-то раз полушутя отозвался так:

- Сэнсэй молчит, и я, хочешь - не хочешь, втягиваюсь в эту молчанку. Какое уж тут настроение. И ещё:

- Для меня чем больше шума – тем лучше. От тишины я устаю.

У Седьмого дана была привычка во время игры все время шутить: часто не слишком удачно, но иногда выходило остроумно, однако Мэйдзин делал вид, что не слышит, и ничего не отвечал. От такого “боя с тенью” у Седьмого дана пропадал задор и он, играя с Мэйдзином, держался тише обычного.

Может быть достоинство, которым дышит фигура профессионала за доской, приходит с возрастом, или, может быть, сейчас молодые игроки меньше обращают внимания на свои манеры? Как бы там ни было, но Отакэ за доской производил странное впечатление: он все время подергивался, делал какие-то непонятные жесты. Однако сильнее всех меня поразил как-то один молодой игрок четвёртого дана, участник квалификационного турнира Ассоциации. Пока его противник обдумывал свой ход, этот четвертый дан разложил у себя на коленях литературный журнал и, как ни в чем не бывало, читал какой-то роман. Когда противник делал ход, он ненадолго отрывался от книги и делал ответный ход. Когда же противник вновь начинал думать, он снова углублялся в свое чтение. Говорили, что противник был до предела возмущен такой бесцеремонностью. Впоследствии я слышал, что этот Четвёртый дан вскоре сошел с ума. Может, и в той злополучной игре уже давало себя знать его душевное заболевание, и он просто не мог спокойно ждать, когда противник сделает ход?

Отакэ Седьмой дан и его друг Ву Циньюань однажды обратились к гадателю с вопросом, что нужно для победы в Го? Говорят, он им ответил так: “Выключайте сознание, пока противник думает”.

Онода шестой дан, арбитр в прощальной партии Мэйдзина Хонинбо, несколько лет спустя, незадолго до своей смерти, вдруг разгромил всех противников на большом квалификационном турнире Отзай, устраиваемом Ассоциацией Го. Его игра была блестящей, а я бы даже сказал - пугающе великолепной. И за доской он держался не так, как обычно: при ходе противника тихо сидел с закрытыми глазами. Потом он объяснял, что в это время старался побороть в себе жажду победы. После турнира он почти сразу лег в больницу, где вскоре скончался от рака желудка, о котором и сам не подозревал. Точно так же Кубомацу Шестой дан, у которого одно время учился Отакэ. Незадолго до смерти он показал выдающиеся результаты в турнире Отзай.

Мэйдзин и Отакэ были несхожи между собой во всем: по-разному они вели себя в напряженные моменты, разными были у них и неподвижность, и жесты, и нервные реакции, непохожими были и выражения лиц. Когда Мэйдзин погружался в игру, он не только не отлучался в туалет, но и вообще, казалось, забывал обо всем. Как идет партия, обычно можно понять по лицам и поведению игроков, но, глядя на Мэйдзина нельзя было понять ничего.

Впрочем, игра Седьмого дана тоже не носила отпечатка его нервозности, наоборот, была исполнена силы - таков был его игровой стиль.

Отакэ по характеру был тугодум и ему вечно не хватало времени, но когда он попадал в цейтнот, и секундант начинал вести отсчёт времени (даётся минута на ход), то Отакэ за считанные минуты успевал сделать и сто, и сто шестьдесят ходов. Его необычайное самообладание в такие минуты действовало на противника устрашающе.

Непоседливость Седьмого дана, наверное, настраивала его на сражение и, должно быть, играла ту же роль, что и глубокое дыхание Мэйдзина. Однако когда я глядел на узкие покатые плечи Мэйдзина, у меня щемило сердце. И вовсе не в жалости здесь дело. Я чувствовал себя так, словно украдкой подсмотрел запретную для посторонних тайну - приход вдохновения, в чем не отдавал себе отчета, видимо, и сам Мэйдзин.

Правда, когда я потом вспомнил об этом, то мои ощущения показались мне надуманными. Может быть, у Мэйдзина уже тогда начались боли в груди. Чем дальше продвигалась партия, тем стремительнее развивалась его сердечная болезнь. Может быть, как раз тогда и проявились её первые признаки. Я не знал, что у Мэйдзина больное сердце, и поэтому моё преклонение перед ним, пусть неосознанно, но могло представить в воображении все именно так.

Впрочем, возможно, в то время и сам Мэйдзин ничего не знал о своей болезни. Может быть, он не замечал и того, как он дышит. Но как бы там ни было, по его виду нельзя было догадаться ни о болезни, ни о возможных приступах, и ни разу он не прижал руку к груди, как это часто делают сердечники.

Над пятым ходом черных Отакэ думал двадцать минут, а Мэйдзин на шестой ход затратил сорок одну минуту. В этой партии он впервые надолго задумался. Сегодня в четыре часа пополудни нужно было записать ход. Седьмой дан свой одиннадцатый ход сделал без двух минут четыре, и теперь, если Мэйдзин за оставшиеся две минуты не сделает ход, то партия будет отложена при его ходе.

Двенадцатый ход белых Мэйдзин записал в четыре двадцать две.

Утреннее небо стало понемногу темнеть. Это потемнение оказалось предвестником сильного ливня, который позже вызвал наводнения на огромной территории от Токио до Осаки.

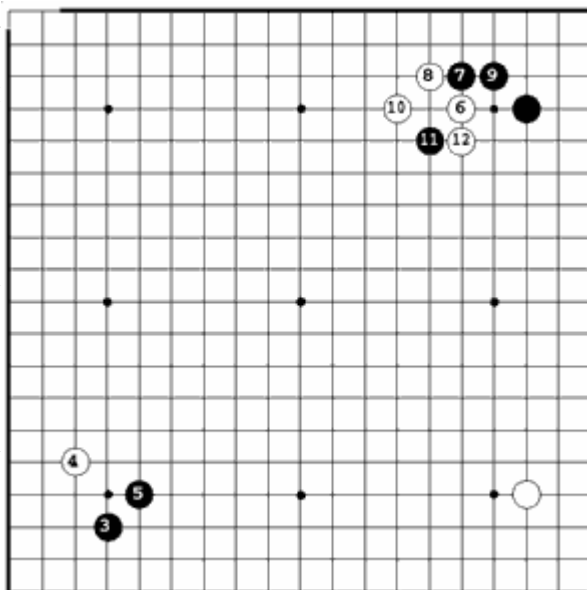
11

Вторая встреча в павильоне Кёокан была назначена на 10 часов утра, но уже в этот раз возникло первое недоразумение, и начало игры пришлось отложить до двух часов. Я был всего лишь наблюдателем от газеты, и происходящее меня напрямую не касалось, но я заметил какую-то нервозность у членов оргкомитета; пришло несколько профессионалов из Ассоциации, и у них состоялось, как мне показалось, нечто вроде “совещания при закрытых дверях”.

Утром у входа в Коёкан я столкнулся с Отакэ Седьмым даном, который как раз подходил к двери, таща за собой огромный чемодан.

- Отакэ-сан с багажом? - спросил я, на что Седьмой дан с ноткой раздражения ответил:

- Да. Сегодня прямо отсюда едем в Хаконэ. Консервируемся...

Седьмому дану сегодня предстояло играть.

Я тоже знал, что сегодня после игры, не заходя домой все должны выезжать в Хаконэ, прямо из Коёкана. Тем не менее, необычный вид Отакэ с большим чемоданом, почему-то удивил меня.

Однако Мэйдзин не приготовился к отъезду.

- Ах, мы едем? - сказал он, - тогда я должен сходить к парикмахеру.

Отакэ Седьмой дан расстроился. Дело было не только в том, что он пришёл полностью готовым продолжать игру до конца, не возвращаясь домой: ведь партия могла затянуться месяца на три. Его расстроило то, что Мэйдзин нарушил условия встречи, причем неясно было, сообщили тому условия в точности или нет. Наконец, у Седьмого дана были основания беспокоиться о судьбе встречи вообще - ведь строгие условия, выработанные специально для этой партии, оказались нарушенными на первом же шагу. То, что Мэйдзину не объяснили всё, как следует, - явно оплошность организаторов. Однако как раз тогда не нашлось смельчака, который бы сообщил такой высокой персоне как Мэйдзин, об этой досадной оплошности, и поэтому все наперебой принялись уговаривать молодого Седьмого дана уступить. Но тот отказался.

То, что отъезд назначен на сегодня, Мэйдзин раньше не знал. Теперь ему это стало известно, и все время, пока люди совещались то в одной, то в другой комнатке, пока в коридоре то и дело раздавались шаги и пока искали Седьмого дана, который куда-то надолго исчез. Мэйдзин один сидел на своем месте и ждал.

Наконец уже после полудня было достигнуто соглашение: сегодня с двух часов до четырех - игра, а отъезд в Хаконэ - через два дня. Мэйдзин сказал:

- За два часа не разыграешься. Лучше бы играть не спеша, уже в Хаконэ.

Это было справедливое замечание, однако совершенно неосуществимое. Как раз такие реплики Мэйдзина были виной многих недоразумений, подобных сегодняшнему. О переносе игрового дня и речи быть не могло. В наши дни игра Го, как и многое другое, регламентирована до предела. И то, что для Прощальной партии выработали регламент, поражающий своей невероятной дотошностью, было сделано специально, чтобы блокировать старомодный деспотизм Мэйдзина и во что бы то ни стало обеспечить партнерам равные условия игры, не считаясь с особыми правами обладателя титула.

На эту встречу распространили правило “консервации”, а оно-то как раз и требовало, чтобы сегодня же, не заходя домой, противники отправились в Хаконэ прямо из Коёкана.

“Консервация”, можно сказать, охраняет святость партии и состоит в том, что участникам до конца игры запрещается покидать место состязания, запрещается встречаться с другими игроками, чтобы исключить подсказки. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что она означает утрату уважения к личности. Правда, при этом участники могут быть уверены в незапятнанности друг друга. Более того, в игре с таким регламентом, когда доигрывание ведется каждый пятый день, партия должна растянуться на три месяца, поэтому возникает опасность вмешательства - третьих лиц, а стоит сомнениям возникнуть - им уже не будет конца. Конечно, среди профессиональных игроков ценится и совесть в своем искусстве, и соблюдение этикета, так что в играх с откладыванием вряд ли найдется безумец, который рискнет давать советы партнерам, но все же если нарушения начались, то бороться с ними бывает почти невозможно.

В старости Мэйдзин за десять лет сыграл только три серьезные партии. И каждая из них кончалась для него болезнью. После первой из этих партий он сильно заболел, после третьей - умер. Все три партии были доиграны до конца, но из-за болезни Мэйдзина первая партия растянулась на два месяца, вторая - на четыре, а третья - Прощальная - на семь месяцев.

Вторая партия была сыграна за пять лет до Прощальной - в 1930 году. Противником Мэйдзина был Ву Циньюань Пятый дан. В середине игры, примерно после 150 хода, положение белых казалось несколько слабее, хотя и ненамного. И тут Мэйдзин вдруг сделал неожиданный и великолепный 160 ход, который принес ему победу с перевесом в два очка. И немедленно распространился слух, что этот “божественный” ход якобы был найден учеником Мэйдзина Маэдой, мастером Шестого дана. Так оно было на самом деле или нет, - осталось неизвестно. Маэда все отрицал. Партия растянулась на четыре месяца, и он несомненно анализировал её. Вполне могло оказаться, что он действительно нашел замечательный 160-й ход. А раз ход оказался таким сильным, то кто-то, если не сам Маэда, мог сказать о нем Мэйдзину. Но Мэйдзин, разумеется, и сам мог найти этот ход. Как все было на самом деле, никто не знает, кроме Мэйдзина и его учеников.

Первая из этих партий была сыграна в 1926 году. Она явилась кульминацией соперничества между японской ассоциацией профессиональных игроков в Го – “Нихон ки-ин” и другой организацией профессионалов – “Кисэйся”. В схватке сошлись вожди обеих организаций - Мэйдзин и Кариганэ Седьмой дан. В течение двух месяцев, пока длилась эта партия, её наверняка тщательно анализировали игроки обоих лагерей, но мне неизвестно, давали они советы своим вождям или нет. И всё же я думаю, что подсказок не было. Строгость Мэйдзина во всём, что связано с его искусством, должна была заставить молчать недоброжелателей.

Но даже во время третьей, Прощальной партии, когда Мэйдзин попал в больницу, и игра была прервана, не обошлось без слухов. Поговаривали, что, дескать, Мэйдзин, ведёт какую-то интригу. Я был свидетелем игры от начала до конца, и меня эти сплетни возмущали.

После трёхмесячного перерыва игра была продолжена в городе Ито, и в первый же день Отакэ Седьмой дан думал над своим первым ходом 211 минут, то есть три с половиной часа. Все члены оргкомитета были поражены. Он начал думать с 10.30 утра до часового перерыва на обед. После обеда над доской зажгли свет, потому что осеннее солнце стояло довольно низко. Без двадцати три чёрные, наконец, сделали 101 ход.

- Такое тебе можно было бы сделать за минуту, но я что-то поглупел. Голова ничего не соображает, - сказал с облегчением Седьмой дан и засмеялся, - три с половиной часа всё думал, что делать: то ли прыгать, то ли продлеваться.

Мэйдзин криво улыбнулся, но ничего не ответил.

Седьмой дан сказал правду: даже для нас 101 ход чёрных был очевиден. Игра уже вошла в стадию ёсэ, то есть окончания. Белые создали в правом нижнем углу большой мешок, и для вторжения в него черные имели, пожалуй, единственную точку - ту, куда был сделан 101 ход. Кроме прыжка через один пункт, чёрные могли продлиться, и, хотя колебания в выборе можно было понять, но всё же в конечном счете разница была невелика.

Почему же Седьмой дан не сделал такой очевидный ход сразу? Даже я, сторонний наблюдатель, устал ждать и начал было злиться, но потом меня захватили сомнения. Может быть, он специально тянет? Может быть, это - тактический ход? Спектакль? Основания для таких подозрений были. Дело в том, что партия была прервана на три месяца. И что же, Отакэ Седьмой дан за это время не успел проанализировать позицию? Незадолго до сотоого хода чёрные и белые камни сблизилась настолько, что начались мелкие локальные стычки: противники сошлись вплотную. Конечно, можно было ещё найти ходы, достаточно крупные с точки зрения ёсэ, но все-таки, проанализировать все варианты течения партии до конца было пока невозможно. Сколько бы вариантов не перебирать, ни об одном из них нельзя было судить наверняка, и вариантов этих было множество. Но, несмотря на это, Седьмой дан вряд ли удержался от анализа столь важной партии за время перерыва, ведь над 101 ходом он мог думать три месяца. И после всего этого вдруг понадобилось ещё три с половиной часа.

Не маскировка ли это трёхмесячного анализа? Столь долгое раздумье казалось подозрительным не только мне, но и членам Оргкомитета, и наводило на недобрые мысли.

Даже Мэйдзин, когда Седьмой дан встал со своего места, тихо проворчал: “Ишь, какой усидчивый”. Не знаю, как в тренировочных, но серьёзных играх Мэйдзин никогда не позволял себе высказываться по адресу партнера. Кстати, Ясунага Четвертый дан, одинаково близко знакомый и с Мэйдзином, и с Отакэ, сказал:

- Эту партию, ни Мэйдзин, ни Отакэ во время перерыва, похоже, не анализировали. Отакэ - человек педантичный до чудачества, и неужели бы он стал анализировать игру, пола Мэйдзин лежит в больнице? Ни за что на свете!

Возможно, так оно и было. А может быть, Отакэ Седьмой дан потратил три с половиной часа не только на 101 ход, но и на то, чтобы вжиться снова в эту партию, проникнуться её духом, обдумать общее положение сторон и, насколько это возможно, наметить стратегию на будущее.

12

Мэйдзин в Прощальной партии впервые столкнулся с новыми правилами откладывания - с секретной записью хода. При возобновлении игры на второй день из сейфа павильона Коёкан достали запечатанный конверт, игроки в присутствии секретаря Ассоциации убедились, что печати целы, затем тот из участников, кто записал секретный ход, показал запись партнеру и сделал ход на доске. Такая же точно процедура повторялась и в Хаконэ, и позднее, в Ито. Противник не должен был знать ничего про записанный ход.

По древнему обычаю не доигранные партии откладывали при ходе белых. Этим выражали почтительность по отношению к более сильному игроку, который обычно играл белыми. Сильный при этом получал преимущество. Поэтому недавно, чтобы устранить такое неравенство, решили откладывать игру в назначенное время, например, в пять часов, и последним делал ход тот игрок, который в пять часов думал над ходом. Затем решили сделать ещё один шаг, и стали этот последний ход записывать. Го, разумеется, лишь скопировало систему, которая уже давно применялась в сёги. Если ход противника известен, то над своим можно не спеша думать до следующей встречи, причем время на обдумывание может составлять несколько дней, и эти несколько дней не входят в контрольное время. Правила откладывания, как надеялись, помогут хоть в какой-то степени уравнивать противников в правах.

Нельзя сказать, что последняя в жизни партия Мэйдзину давалась легко, и что он не пострадал от рационализма наших дней. Ведь сейчас вся игра до мелочей регламентирована, утрачено изящество Го как вида искусства, утрачено почитание старших, да и взаимное уважение людей, как будто уменьшилось. Прекрасные японские, да и вообще восточные обычаи забылись даже в Го - всё сейчас рассчитывают, все обставляют правилами. И переход в следующий дан, который сильно влияет на жизнь профессионала, ныне подчинен мелочной системе набора очков. В Го воцарилась тактика, которую можно назвать “победа любой ценой”; над красотой игры, её вкусом как вида искусства думать стало некогда. Сегодня господствует стремление играть во что бы то ни стало на равных, даже если твой противник - Мэйдзин, и дело здесь вовсе не в Отакэ Седьмом дане. Ведь Го не только искусство, это ещё и борьба, соревнование и, быть может, поэтому такой ход событий неизбежен.

Мэйдзин Хонинбо Сюсай в течении более чем тридцати лет ни разу не играл черными, он был Первым, возле которого не было Второго. При жизни Мэйдзина ни один из его соперников не поднялся до восьмого дана. Игроков своего поколения он полностью превзошел, а в следующем поколении уже не нашлось человека, способного соперничать с ним.

Громадным влиянием Хонинбо Сюсяя, должно быть, объясняется и то, что сейчас, спустя десять лет после его смерти, в мире Го ещё не решено, как должен наследоваться титул Мэйдзина. Сюсай, наверное, был последним из Мэйдзинов, которые почитали традиции Го как образа жизни и искусства.

В сёги борьба за титул Мэйдзина показывает, что главным стали считать владычество, а сам титул превратился в своего рода “знак победы”, стал товаром, разыгрываемым участниками соревнований. Правда, Мэйдзина Сюсяя, тоже видимо, можно обвинить в том, что он продал свою Прощальную партию газете за большие деньги. Но возможно и то, что он не столько сам стремился к этому, сколько позволил газете втянуть себя. А может быть, все это просто означает, что пожизненная система, при которой однажды поднявшись до титула Мэйдзина, человек так и оставался Мэйдзином до конца дней своих, система мастерских разрядов - данов и ученических - кю, как и система выдачи дипломов главами семейных школ, образующих замкнутый круг, система множества направлений в искусстве Го - рухнула, как и другие пережитки феодальной эпохи в Японии. Может быть, если Мэйдзину Сюсяю пришлось бы защищать свой титул ежегодно, как это делают нынче, он бы умер раньше.

В старину, став Мэйдзином, игрок опасался за свой авторитет, и, играя тренировочные партии, официальных встреч с соперниками старался избежать. Кажется, ни один из прежних Мэйдзинов не играл серьёзной, официальной партии в возрасте 65 лет. Впрочем, в будущем вряд ли потерпят неиграющего Мэйдзина. Хонинбо Сюсаи стоял как раз на границе между старой и новой эпохами, какой бы смысл в эти слова ни вкладывать. Он пользовался и духовным авторитетом, как Мэйдзин старых времен, и в то же время имел все материальные выгоды, доступные в наши дни. Свою последнюю партию Мэйдзин играл как раз во время борьбы “идолопоклонников” с “иконоборцами”, возвышаясь над схваткой подобно чудом уцелевшему старинному идолу.

К тому же, Мэйдзину выпало счастье родиться в эпоху бурного развития страны после революции Мэйдзи. Взять, например, Ву Циньюаня. Ему не довелось встретиться с такими испытаниями, с которыми сталкивался Мэйдзин Сюсай в годы учебы. Допустим даже, что его талант выше, чем у Мэйдзина, - все равно, вряд ли он, один человек, сможет олицетворять собой современное Го. Имя Сюсяя блистало в турнирах на протяжении трёх царствований - Мэйдзи, Тайсё и Сёва, и с этим именем связан нынешний расцвет игры. Это имя вообще олицетворяло самое игру. Так как старый Мэйдзин Прощальной партией венчал свою карьеру, то эта партия должна была стать шедевром, вызывающим лишь восхищение, должна была скрасить его уход, продемонстрировать торжество рыцарского духа, очаровать элегантным артистизмом. И, тем не менее, Мэйдзин должен был подчиниться общим правилам.

Когда устанавливается какой-либо закон, тотчас появляются попытки его обойти. Если ввести правила, призванные быть преградой нечестной игре, то среди молодых профессионалов почти наверняка найдутся такие, которые постараются использовать эти правила нечестно. Всё пойдёт в ход - и контроль времени, и откладывание, и запись секретного хода. Из-за этого игра перестает быть чистым произведением искусства. Мэйдзин, садясь за доску, рисковал стать жертвой: ведь он не знал современных так называемых “технических уловок”.

Мэйдзин привык играть так, как было принято раньше, - используя большие преимущества своего высокого положения, когда старший, дождавшись выгодного для себя положения на доске, распоряжается отложить партию при своем ходе, причем сам назначает день доигрывания. Не было раньше и контроля времени. И все те вольности, которые были позволительны Мэйдзинам, противостояние которым закалило молодого Сюсяя, вряд ли можно представить себе в наши дни.

Однако приверженность Мэйдзина к старомодному своеволию и непривычка играть по новым правилам были всем известны. К тому же в матче с Ву Циньюанем, мастером пятого дана, когда из-за болезни Мэйдзина партию пришлось отложить в невыгодном для него положении, дело дошло даже до сплетен. Вот потому-то на этот раз, похоже, молодые профессионалы установили жесткий регламент и постарались ограничить произвол Мэйдзина. Этим регламентом не занимались ни Отакэ Седьмой дан, ни сам Мэйдзин.

Чтобы выделить претендента на встречу с Мэйдзином, был проведён турнир с участием держателей высших титулов в Японской Ассоциации Го, а регламент самой встречи был разработан ещё до начала этого турнира. Отакэ, как представитель высших данов Ассоциации, старался заставить уважать этот регламент даже самого Мэйдзина. Впоследствии, когда из-за болезни Мэйдзина возникали разные осложнения, Отакэ каждый раз угрожал бросить партию. Это выглядело нарушением обычая почтительного отношения молодого игрока к старому мастеру, недостатком сочувствия к больному человеку, и вообще, позицией мало обоснованной. И хотя всё это ставило организаторов партии в крайне трудное положение, у Отакэ Седьмого дана всегда находились веские доводы в свое оправдание. Правда, была опасность, что позволив одну поблажку, придется позволить ещё сотню, что благодущие, которое делает человека снисходительным, чего доброго приведет его к поражению. Такое благодущие, пожалуй, не очень уместно в серьёзной игре. Седьмой дан, который должен был выиграть любой ценой и который твёрдо решил выиграть, не мог допустить, чтобы партнёр навязывал ему свою волю. Мне порой даже казалось, что Седьмой дан при каждом проявлении своевольного характера своего противника с удвоенной силой настаивал на соблюдении регламента именно потому, что его противником был сам Мэйдзин.

Конечно, околотурнирная борьба и игра за доской вещи разные. Разумеется, можно было брать в расчёт всё - и время, отведённое на игру, и характер противника, и уступая в мелочах, беспощадно сражаться за доской. Есть и такие игроки. Но, судя по всему, Мэйдзину достался неудобный в этом смысле противник.

13

В спортивном мире болельщики, пожалуй, склонны всегда переоценивать реальную силу своих кумиров. Противоборство равных соперников, разумеется, тоже вызывает интерес, но разве не сильнее в болельщиках желание следить за деяниями “сверхчеловека”? Грандиозная фигура НЕПОБЕДИМОГО МЭЙДЗИНА одиноко высилась над прочими профессиональными игроками Го. Мэйдзину уже не раз приходилось вести матчи, где на карту ставилась его судьба, и в такого рода матчах он не проиграл ни разу. Его игра была мощной и до того, как он стал Мэйдзином, а игры, которые он вел, уже получив титул, уверили весь мир в его непобедимости. То, что он сам в неё верил, мало того, хотел верить, - лишь усугубляло трагедию. По сравнению с Сэкинэ, Мэйдзином по сёги, который легко переносил поражения, Мэйдзин Сюсай вёл более трудную жизнь. Говорят, что в Го у того, кто ходит первым, примерно семь шансов на победу из десяти, поэтому в проигрыше Мэйдзина, который играл белыми, нет ничего удивительного, но широкой публике такие тонкости трудно понять.

Дело было не только в огромном призе за игру, назначенном крупной газетой. Мэйдзин, видимо, придавал большое значение этой встрече самой по себе. Он, несомненно, жаждал победы и был настроен на боевую игру. Если у него и были какие-нибудь сомнения, вряд ли он позволил бы им проявиться. Так или иначе, но с падением корены непобедимости, казалось, должна была закончиться и жизнь Мэйдзина. Он жил верой в свою необычную судьбу и, пожалуй, можно сказать, что на этот раз его покорность судьбе сменилась противоборством с ней.

Как раз в тот момент, когда “безупречный Мастер своего дела”, “непобедимый” Мэйдзин после пятилетнего перерыва вновь вышел на сцену, изменился и регламент проведения матчей, существовавший с незапамятных времен. Когда вспоминаешь все это по прошествии времени, начинает казаться, что и этот мелочный, но необъятный регламент был творением какого-то посланца ада или самого ангела смерти.

Случилось-то, чего и следовало ожидать. Условия встречи были нарушены Мэйдзином уже на второй день, в павильоне Коёкан, и вновь нарушены по прибытии в Хаконэ.

На третий день после павильона Коёкан, 30 июня, все должны были выехать в Хаконэ, однако из-за наводнений, вызванных ливневыми дождями, отъезд сначала перенесли на 3 июля, а затем отложили до восьмого. Весь район Канто был затоплен, пострадал и район Кобэ. Даже в августе железнодорожная линия Токай ещё не была полностью восстановлена.

Я жил в Камакура, поэтому должен был на речном вокзале пересесть на поезд, в котором ехал Мэйдзин. Этот поезд отправлялся из Токио в 3.15 и шел в Маибара. В Камакура он пришел с опозданием на 9 минут. В Хирадзука, где жил Седьмой дан, поезд не останавливался, поэтому тот ждал его в Одавара. Едва состав остановился, как появился Седьмой дан - в синем летнем костюме, в панаме с опущенными спереди полями. При нём был всё тот же громадный чемодан, с которым он приходил в павильон Коёкан и в котором было всё, что нужно для отшельнической жизни в горах. Войдя в вагон, он сразу принялся выражать соболезнования, как это принято при наводнениях.

- У нас здесь просто какой-то сумасшедший дом... До сих пор ездим на лодках. А сначала в ход шли даже плоты.

От Мияносита до Огасима мы добирались на кабелеукладчике, внизу бушевал мутный поток речки Хаякава. Гостиница “Тайсёкан” стояла на участке, который сейчас превратился в островок посреди реки. Едва мы зашли под крышу и расселись, как Седьмой дан обратился с приветствием по всем правилам этикета:

- Сэнсэй, вы, должно быть, очень устали с дороги. Прошу вас не сердиться...

В тот вечер Мэйдзин выпил немного сакэ и говорил, живо жестикулируя. Седьмой дан вспоминал свою юность и рассказывал о семье. Спустя какое-то время Мэйдзин обратился ко мне и предложил сыграть в сёги, но увидев мои колебания, тут же сказал:

- Ну ладно, раз не хотите, а как вы, Отакэ-сан? Партия в сёги заняла около трех часов, выиграл Седьмой дан. Утром Мэйдзина брили в боковой пристройке возле ванной комнаты. Должно быть, он готовился к завтрашнему сражению. Стул для бритья взяли первый попавшийся, на нём не было подголовника, какие бывает на парикмахерском кресле. Поэтому супруга Мэйдзина стояла позади стула и поддерживала его затылок.

Вечером приехали судья партии Онода Шестой дан и секретарь Ассоциации Явата, и мы все играли в сёги и в нинуки. В нинуки - игре, которую также называют корейским гомоку, Мэйдзину не везло. Он проиграл несколько партий подряд и сказал, обращаясь к Оноде Шестому дану:

- Онода-сан силён, очень силен..., - и поцокал языком.

Я сыграл партию в Го с корреспондентом нашей газеты “Нити-нити-симбун” по фамилии Гои. Онода Шестой дан вёл запись нашей партии. Шестой дан в роли секунданта - такой чести не достаивался даже Мэйдзин. Я играл чёрными и выиграл с перевесом в пять очков. Потом эту партию опубликовал журнал Ассоциации – “Кидо”.

За день все отдохнули от трудной дороги в Хаконэ. 10 июля, наконец, должно было начаться доигрывание. Утром в день доигрывания Отакэ Седьмой дан казался совсем другим человеком. Он поджимал губы, раздражённо передергивал плечами, чаще, чем обычно,

ходил по коридору, стараясь настроиться на игру. Его маленькие глаза с припухшими веками светились вызовом.

Но тут от Мэйдзина поступило неприятное известие. Он заявил, что из-за шума реки плохо спал обе ночи. Мэйдзина уговорили сесть за доску, которую унесли в самую дальнюю комнату гостиницы, где шум реки был послабее, - нужно было сфотографировать противников для газеты, - но он дал понять, что выбором гостиницы он недоволен.

Вообще говоря, из-за таких пустяков, как недосыпание, игровой день не переносят. У профессиональных игроков Го в обычае строжайше соблюдать игровые дни, несмотря ни на что - пусть умирают родители, пусть сам валяешься на доску от болезни. Тому примеров много и в наши дни. Такое заявление утром в день доигрывания было поступком недостойным, особенно для Мэйдзина, которого все почитали. Конечно, для него это была крайне важная партия, но ведь не менее важной она была и для Седьмого дана.

И случай в павильоне Коёкан, и последний инцидент - всё это были попытки нарушить регламент. Никто из организаторов не имел столь непререкаемого авторитета, какой должен иметь судья, никто не мог приказывать Мэйдзину и тем более заставить его подчиниться. Поэтому Седьмого дана тревожила мысль, как пойдут дела дальше. И, несмотря ни на что, Отакэ Седьмой дан, нисколько не изменившись в лице, мужественно снес каприз Мэйдзина и подчинился. Он только сказал:

- Знаете, ведь это я выбирал гостиницу. То, что сэнсэй не мог спать, - моя вина. Давайте переберемся в другое место, сэнсэй отдохнет вечером, а доигрывание начнем завтра, прошу вас.

Седьмой дан раньше бывал в Догасима и, кажется, останавливался в этой гостинице. Он решил, что она подходит для игры, вот и остановил свой выбор на ней. Но из-за ливней в реке прибыло много воды, настолько много, что её шум напоминал перекачивание туда-сюда огромных камней. Поэтому в гостинице на островке посреди реки заснуть и впрямь было трудно. Сознывая свой промах, Седьмой дан чувствовал себя виноватым перед Мэйдзином.

И теперь я смотрел на спину Седьмого дана, одетого лишь в лёгкое гостиничное кимоно - он в сопровождении корреспондента Гои отправился искать гостиницу потише.

14

Утром того же дня все перебрались в гостиницу “Нарая”. На следующий день, одиннадцатого числа, во флигеле гостиницы “Нарая” после двенадцатидневного перерыва игра возобновилась. И с этого дня Мэйдзин целиком погрузился в игру, никакого своеволия больше не проявлял и был так безропотен, словно отдал во власть игры всего себя.

Судей в Прощальной партии было двое - Онода Шестой дан и Ивамото, тоже Шестой дан. Одиннадцатого числа в час дня из Токио приехал Ивамото и, расположившись в кресле на веранде, рассматривал горный пейзаж. Согласно календарю в этот день заканчивался сезон дождей, и с утра в самом деле уже появилось солнце; на отсыревшей земле лежали тени от листвы деревьев, а в водоеме во дворе поблескивали золотые рыбки. Однако, когда началась игра, небо снова стадо темнеть. Дул лёгкий ветерок, от которого еле заметно колебались стебельки икэбаны, стоявшей в нише. Сквозь шум реки и воды в маленьком парковом искусственном водопаде слышались слабые стуки - это работал каменотес. Комнату наполнял запах лилий из сада. Тишину комнаты, где шла игра, то и дело нарушала какая-то пичужка, которая, порхала возле стрехи. В этот день было сделано шестнадцать ходов - от записанного двенадцатого хода белых до двадцать седьмого хода, который записали черные.

Спустя четыре дня, 16 июля, состоялось второе в Хаконэ доигрывание. В этот день девушка, которая вела запись ходов, сменила свое дешёвое темно-синее в белый горошек кимоно на новое, шёлковое, выглядевшее по-летнему.

Хотя помещёние называлось флигелем и стояло в том же саду, что и главный корпус, но их разделяло расстояние примерно с квартал. У меня до сих пор перед глазами одинокая фигура Мэйдзина, бредущая по дороге к главному корпусу, куда мы ходили на обед. Мне редко доводилось смотреть на него сзади. За воротами флигеля дорога шла в гору. Слегка согнувшись, Мэйдзин поднимался по ней. Его маленькие, слегка сжатые ладони, сцепленные за спиной, плохо были видны, но было заметно, что они покрыты густой сетью мелких морщин.

Верхняя половина тела, несмотря на небольшой наклон, выглядела неподвижно жесткой, отчего ноги казались ещё более худыми и ненадёжными, чем на самом деле. Дорога была широкой, с одной стороны рос карликовый бамбук, из подножья которого слышалось журчанье ручья. Вот, собственно, и вся картина. Однако эта одинокая фигура Мэйдзина навевала на меня како-то глубокое чувство, от которого у меня потептели веки. В фигуре Мэйдзина, только что вставшего из-за доски и неспешно шагавшего по дороге, было тихое, печальное очарование не от мира сего. Я подумал, что к нему подходят слова “Последний из людей эпохи Мэйдзи”.

Вдруг Мэйдзин неожиданно остановился, и глядя в небо, хрипло прошептал: “Ласточка, ласточка...”.

Он стоял перед камнем, на котором была надпись: “Камень, на который изволил присесть во время остановки высочайшего экипажа великий император Мэйдзи”. Рядом росла индийская сирень, раскинувшая свои ветви над камнем, но цветов на ней ещё не было. Гостиница “Нарая” в старину предназначалась только для “благородных”.

Следом за Мэйдзином шагала Онода Шестой дан - он чуть отставал, как бы щадя Мэйдзина и не желая навязывать темп. Над поверхностью пруда виднелась дорожка из выступающих камней, по которой можно было легко перейти через пруд. Как раз тогда на этих камнях стояла супруга Мэйдзина, которая вышла его встречать. Каждый раз, утром и вечером она провожала его до здания, где шла игра, и, когда по её расчётам Мэйдзин садился за доску, она быстро уходила. Когда наступало время обеда или откладывания партии, супруга снова выходила встречать его.

В тот день, когда я смотрел на идущего впереди Мэйдзина, у меня было ощущение, словно он лишился какого-то внутреннего равновесия. Казалось, он ещё не очнулся от игры - его прямое туловище пребывало в том же положении, что и за доской, а ноги будто двигались сами по себе, и это создавало тревожное чувство. Казалось, что в пустоте плывет некое воплощение высокого духа. Мэйдзин, конечно же, думал о чем-то своем, но его фигура! Она была в точности такой же, как во время игры. Так иногда в комнате остается аромат от цветов, которых там уже нет.

Этот хриплый голос и эти слова “ласточка, ласточка”, кажется, только сейчас натолкнули меня на мысль, что Мэйдзин в ту пору ещё не выздоровел. Потом такое случалось с ним часто. Может быть, трогательность его фигуры в тот день и положила начало тем теплым отношениям, которые сложились между нами впоследствии.

15

21 июля, в день третьего доигрывания в Хаконэ, я обратил внимание на лицо супруги Мэйдзина. Оно было печально. И моя догадка подтвердилась: Мэйдзин был болен.

- Знаете, - сказала она, - у него здесь какая-то тяжесть... - и показала на грудь.

- Начиная с весны у него уже несколько раз болело о этом месте.

И ещё я узнал от неё, что у Мэйдзина пропал аппетит; накануне он отказался от завтрака, а в обед съел только тоненький ломтик поджаренного хлеба и выпил чашку молока.

В тот день я заметил, как подрагивали впалые щеки Мэйдзина - неподвижность выступающего подбородка как будто подчеркивала малейшее их движение. Но я подумал, что он, как и все мы, устал от изнурительной жары.

В тот год погода стояла сырая, хотя сезон дождей уже миновал, и лето запаздывало. Но, начиная с двадцатого июля, первого дня лета по лунному календарю, наступили жаркие дни. Двадцать первого числа прозрачная дымка застелила небо и горы, и парило так, что даже ни одна из черных бабочек куроагэха ни разу не вспорхнула. Бабочки сидели на лилиях перед верандой. У этих лилий на каждом стебле было по пятнадцать-шестнадцать цветков. На дворе, сбившись в стаю, каркали вороны. Все, и даже девушка, которая вела запись ходов, размахивали веерами. За все время игры такая жара стояла впервые.

- Ну и жарыща же здесь..., - Седьмой дан промокнул лоб бумажной салфеткой, затем вытер ею волосы.

- И игра здесь тоже погорячее, ведь мы в горах... Горы Хаконэ...

Хребет Поднебесной -

Горы Хаконэ...

Седьмой дан думал над 59 ходом три часа тридцать пять минут. Он стал обдумывать ход ещё до обеда, а сделал его, когда обед уже давно кончился.

Мэйдзин заложил правую руку за спину и рассеянно пощелкивал веером в левой руке, которой он опирался на подлокотник. Время от времени он рассматривал двор. Похоже, он чувствовал себя как дома и не очень страдал от жары. Усилия молодого Седьмого дана были заметны даже для сторонних наблюдателей вроде меня, а Мэйдзин был спокоен, словно происшедшее здесь мало его затрагивало.

Впрочем, и у Мэйдзина на лице выступил пот. Вдруг он неожиданно взялся руками за голову, затем прижал ладони к щекам.

- В Токио сейчас очень хорошо, - проговорил он; затем, немного помедлив, он вновь открыл рот, словно хотел что-то ещё сказать, но неопределенно махнул рукой, как бы говоря, что он и не такую жару видал.

- М-да, стоило нам съездить на озеро, как тут же наступила жара, - отозвался Онода Шестой дан. Он недавно приехал сюда из Токио. Семнадцатого числа, после первого дня доигрывания, Мэйдзин, Отакэ Седьмой дан, Онода и другие большой компанией ездили рыбачить на озеро Тростниковое.

Едва Отакэ Седьмой дан сделал свой 59 ход, занявший уйму времени, как очередные три хода последовали один за другим, словно раскаты эха, ибо были вынужденными для обеих сторон. После этих ходов положение на верхней стороне доски стабилизировалось. Для следующего хода черные имели широкий выбор и поэтому сделать его было нелегко, но Седьмой дан перенес игру на нижнюю сторону и 63 ход занял у него не больше минуты. Похоже, что это была давно задуманная комбинация. Кроме того, возможно, это был далекий прицел - провести разведку в зоне влияния белых на нижней стороне, а потом вновь продолжить игру на верхней стороне и провести там атаку, но такую острую, на какие был способен только Седьмой дан. Стук камней о доску был очень энергичным, словно партнёры в нетерпении делали долгожданные ходы.

- Хорошо, что хоть жара чуть-чуть спала, - проговорил Седьмой дан, быстро встал и вышел из комнаты. Ещё в коридоре он снял с себя верхние парадные штаны хакама, а когда он вновь вошел в комнату, штаны красовались на нем задом наперед.

- Были хакама - стали макаха, - пошутил Седьмой дан, тут же передел штаны и искусно завязал крестообразным узлом пояс. Но вскоре снова побежал в туалет. Вернувшись и усевшись на свое место, он принялся старательно протирать очки, затем сказал:

- За игрой раньше начинаешь ощущать, что наступила жара.

Мэйдзин ел мороженое. Было три часа дня. После 63 хода чёрных Мэйдзин задумался на двадцать минут; видно, этот ход был для него неожиданным.

О том, что во время игры Седьмой дан часто отлучается по малой нужде, он сам предупредил Мэйдзина ещё в самом начале игры о павильоне Коёкан, В прошлый раз, 16 июля, он вскакивал так часто, что даже Мэйдзин удивился:

- Что это с вами? Вы чем-нибудь больны?

- Знаете, почки... слабые нервы... Только начну думать - тут же тянет.

- Надо бы поменьше пить чая.

- Надо бы. Но стоит задуматься, как тут же хочется пить, -проговорил Седьмой дан и снова вскочил, бросив на ходу "извините, пожалуйста".

Эта слабость Седьмого дана была одной из любимых тем юмористов и карикатуристов из журнала Ассоциации Го. Как-то раз даже написали, что за одну партию он проходит путь, равный расстоянию от Токио до станции Мисима на старом тракте Хоккайдо.

16

При откладывании, прежде чем встать из-за доски, партнеры долго выясняли, сколько ходов сделано за сегодняшний день и сколько времени потратил каждый. Уже тогда почувствовалось, что Мэйдзин плохо схватывает ситуацию.

Шестнадцатого июля в четыре часа три минуты Отакэ Седьмой дан записал 43 ход чёрных. Когда же заговорили о том, что за этот день партия продвинулась на шестнадцать ходов, Мэйдзин засомневался:

- Шестнадцать ходов? Неужели?

Сидевшая на записи ходов девушка подтвердила, что сделано ровно шестнадцать ходов - с 28 хода белых до 43 хода чёрных. То

же самое сказал противник Мэйдзина - Отакэ Седьмой дан. Игра ещё не вышла из начальной стадии. На доске стояло всего сорок три камня. Всё должно было быть ясно с первого взгляда. Хотя уже двое сказали, что ходов было именно шестнадцать, Мэйдзин, казалось, не мог в это поверить, и поставленные за день камни он пытался пересчитать, дотрагиваясь до каждого из них пальцем. Но даже это, похоже, его не убедило.

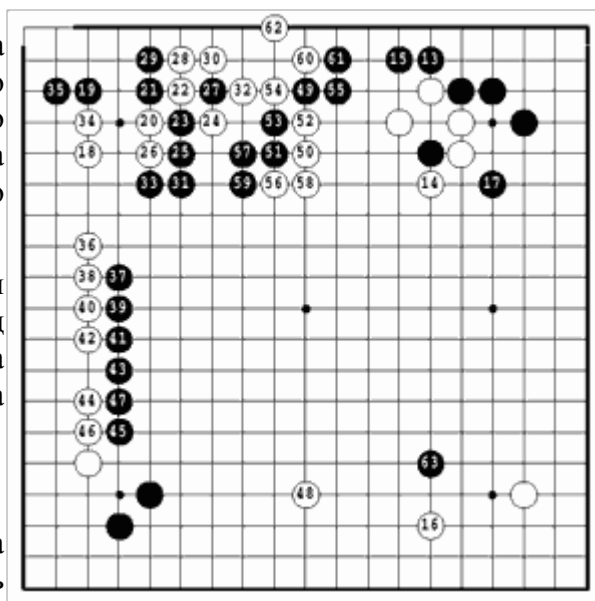
- Если бы их поставить вновь, с самого начала, я бы понял, - проговорил он.

Вдвоём с Отакэ они принялись по шутке убирать камни, поставленные в тот день на доску.

- Первый ход.

- Второй ход.

- Третий ход... - и так далее до шестнадцатого хода - они перебрали все камни.

- Шестнадцать ходов... Неужели так много? - как-то растерянно прошептал Мэйдзин.

- Сэнсэй быстро играет, - подхватил Седьмой дан.

- Я!? Вовсе не быстро!

Мэйдзин по-прежнему с отсутствующим видом продолжал сидеть за доской. Он даже не пытался встать, и никто из присутствовавших тоже не осмеливался первым покинуть свое место. Немного, погодя Онода Шестой дан сказал:

- Может пойдёте куда-нибудь? Развеемся?

- Давайте сыграем в сёги, - сказал Мэйдзин, словно очнувшись. И рассеянность, и веселье Мэйдзина не были напускными.

Профессиональный игрок в Го всегда держит в голове всю партию, не то что какие-то шестнадцать ходов, сыгранные за день. И за обедом, и во сне он помнит все ходы до единого. Может быть, пунктуальный характер Мэйдзина не позволял ему успокоиться, пока он сам не выставит все камни. А может быть, здесь сыграла роль его осторожность. Даже в этой старческой тщательности чувствовалась натура человека одинокого и не очень счастливого.

Спустя четыре дня, 21 июля, на пятом доигрывании было сделано двадцать два хода - от 44 хода белых до 65 хода чёрных, который и был записан при доигрывании.

Когда процедура откладывания закончилась, Мэйдзин спросил у девушки, которая вела запись:

- Сколько я сегодня потратил времени?

- Один час двадцать девять минут.

- Так много?

Мэйдзин был в замешательстве. Для него это была новость. Хотя Мэйдзин на сделанные за этот день свои одиннадцать ходов потратил времени на семь минут меньше, чем его противник Седьмой дан на один лишь 59 ход (1 час 35 минут), всё равно было видно, что он оценивал расход времени иначе.

- Как может быть, чтобы вы столько потратили... ведь вы же быстро играете, - проговорил Отакэ Седьмой дан.

- Мэйдзин повернулся к девушке.

- Боси?

- Шестнадцать минут, - ответила девушка.

- Цукэ-атари?

- Двадцать минут.

- А соединение? - вмешался Седьмой дан, - соединение заняло больше всего времени.

- Это 58 ход белых? - девушка заглянула в протокол и ответила:

- Тридцать пять минут.

Но Мэйдзин всё ещё не верил. Он взял у девушки протокол и сам изучил его.

Стояло лето. Большой любитель ванны, он всегда после игры старался первым попасть в ванную комнату, но в тот день почти одновременно со мной быстрым шагом туда вошел Отакэ Седьмой дан.

- Сегодня вы вроде неплохо продвинулись, - заметил я.

- Сэнсэй быстро играет, да и ходы у него хорошие. Кому дано - тому прибавится. По всему видать, игра закончена, - и Седьмой дан зло усмехнулся.

Но он и не думал сдаваться. С игроками за пределами игровой комнаты Отакэ Седьмой дан встречаться не любил. В те дни у него был такой вид, будто он принял какое-то важное решение. Может быть, про себя он уже рассчитал свою жестокую атаку.

- Мэйдзин быстро играет? - удивился судья Онода Шестой дан.

- С такой скоростью можно играть на квалификационных турнирах в Ассоциации - вполне уложились бы в 11 часов. Впрочем, трудновато, - сказал Отакэ, - А это боси? Такой ход быстро не сделаешь...

Расход времени при четвертом доигрывании был таким: белые потратили 4 часа 38 минут, черные - 6 часов 52 минуты, а после пятого доигрывания, 21 июля, у белых было потрачено 5 часов 57 минут, у чёрных - 10 часов 28 минут. Разница в расходе времени все увеличивалась.

Затем, 31 июля, после шестого доигрывания расход времени у белых составил 8 часов 32 минуты, а у чёрных - 12 часов 43 минуты. После седьмого доигрывания 5 августа белые имели 10 часов 31 минуту, чёрные - 15 часов 45 минут.

Однако после десятого доигрывания 14 августа разрыв сократился: расход времени у белых достиг 14 часов 58 минут, у чёрных - 17 часов 47 минут. В тот день при откладывании Мэйдзин записал свой сотый ход и сразу после этого его положили в больницу Святого Луки. При доигрывании 5 августа, когда Мэйдзин обдумывал свой 90 ход, он вдруг почувствовал боли и, преодолевая их, потратил на этот ход 2 часа 7 минут.

Наконец, когда 4 декабря партия была завершена, разница в расходе времени между партнерами оказалась на удивление большой:

Мэйдзин Сюсаи потратил на игру 19 часов 57 минут, Отакэ Седьмой дан - 34 часа 19 минут.

17

19 часов 57 минут - это почти в два раза больше времени, которое отводится обычно на одну партию. А ведь Мэйдзин не использовал и половины своего запаса времени. У Отакэ Седьмого дана после затраченных 34 часов 19 минут оставалось в запасе ещё около 6 часов.

В этой партии роковым оказался 130 ход Мэйдзина. Именно он привёл его к поражению. Если бы не этот ход, то игра шла бы на равных или с минимальным перевесом одного из противников. Однако при этом Седьмой дан оказался бы в трудном положении и, наверное, израсходовал бы свой сорокачасовой лимит полностью. После злополучного 130 хода перед чёрными забрезжила надежда.

И Мэйдзин, и Отакэ Седьмой дан принадлежали к породе упрямых и терпеливых тугодумов. Хладнокровие, с которым Седьмой дан расходовал отпущенное ему время, а потом за какую-нибудь минуту делал сотню ходов, могло испугать любого противника. Однако, Мэйдзин не привык к ограничениям, которые накладывает контроль времени, и потому, наверное, не владел искусными приёмами его использования. Может быть, сорокачасовой лимит ввели специально для того, чтобы последнюю в жизни официальную партию он мог играть без оглядки на время.

И раньше в официальных играх с участием Мэйдзина лимит времени бывал чересчур велик. Во встрече с Кариганэ Седьмым даном в пятнадцатом году эпохи Тайсё (1926 год) каждому из игроков было отведено по шестнадцать часов. И Кариганэ проиграл, просрочив время. Впрочем, и без этого Мэйдзин всё равно выиграл бы пять - шесть очков. Игра ещё не была окончена, а уже поговаривали, что Кариганэ пора сдаваться. Во время матча с Ву Циньюанем, мастером пятого дана, каждый из партнеров имел по двадцать четыре часа.

Однако сорок часов, отведенные каждому из партнеров в Прощальной партии, не шли ни в какое сравнение даже с этими огромными лимитами. Ведь этот несоразмерный лимит в четыре раза превышал обычную норму для профессионалов. Сама идея контроля времени превращалась в иллюзию.

Если предположить, что побившее все рекорды условие сорокачасового лимита было предложено самим Мэйдзином, то это означало бы, что он добровольно взвалил на себя тяжкий груз. В конце концов, Мэйдзин заболел, но был вынужден, мучаясь от болей, терпеть многочасовые раздумья своего противника над каждым ходом. Ведь Отакэ израсходовал более 34 часов.

В том, что доигрывания были назначены на пятый день, явно ощущалось желание устроителей шадить престарелого Мэйдзина, однако, это рвение сослужило ему плохую службу. Допустим, оба партнера потратят свои лимиты времени полностью - это составит восемьдесят часов. Первоначально предполагалось играть по пять часов в день. Значит, всего потребуется шестнадцать доигрываний. Если бы расписание игр соблюдалось до конца, то партия растянулась бы на три месяца. Но ведь это нелепость - рассчитывать, что игрок сможет распределить свои силы на три месяца, сможет быть в постоянном напряжении столь долгое время. Такая нагрузка сломит любого, даже самого сильного игрока. Ведь на протяжении всей игры оба противника должны постоянно помнить позицию на доске, будь то во сне или наяву. Получается, что за четыре дня такого "отдыха" игрок не столько набирается сил, сколько устает.

Для больного Мэйдзина этот четырехдневный "отдых" оказался дополнительным бременем. И сам Мэйдзин, и оргкомитет - все хотели закончить игру пораньше, хотя бы на один день. И здесь уже речь шла не о том, как угодить Мэйдзину. Все чувствовали, что Мэйдзин вот-вот сляжет.

Он чувствовал себя плохо ещё тогда, в Хаконэ. Именно там его супруга как-то заметила, что затягивание игры её тревожит.

- Конечно, высказывать свои возражения я ещё ни разу себе не позволила, - грустно промолвила она.

А в другой раз она, опустив глаза, сказала одному из организаторов:

- Пока тянется эта партия, он не поправится. Я думаю, что если прекратить сейчас игру, ему сразу станет легче. Но разве он сможет изменить своему искусству?.. Извините, не надо принимать мои слова всерьёз. Просто когда тяжело, знаете, всякое в голову лезет...

Это были откровенные слова. И, наверное, Мэйдзин нередко слышал их во время семейных разговоров, но он-то уж во всяком случае, был не из тех, кто ворчит или стонет. За его пятидесятилетнюю карьеру профессионального игрока, наверное, немало было побед, завоеванных благодаря выдержке, большей, чем у партнера. И уж конечно, Мэйдзин никогда не выставлял напоказ свои горести и болячки.

18

Как-то раз, когда уже возобновились доигрывания в городе Ито, я спросил Мэйдзина, собирается ли он после окончания Партии снова лечь в больницу, или как всегда, поедет в Атами. Мэйдзин ответил мне с неожиданной откровенностью:

- М-да, дотяну я до конца партии или нет, - это ещё вопрос. Вообще-то я и сам удивляюсь, что ещё жив. Ведь я не размышляю ни о чем серьезном, верующим себя тоже не назову... долг профессионала? На этом одном далеко не уедешь. О какой-то необычной душевной силе тоже говорить вряд ли приходится... - он произносил слова медленно, слегка склонив голову.

- А может быть, все дело в том, что у меня крепкие нервы? Лёгкость? Легкомыслие? Пожалуй, может быть, добрую службу мне сослужило легкомыслие... Вы знаете, что в Токио и в Осака в это слово вкладывает разный смысл. В Токио “лёгкий” означает “дурачок”, а вот в Осака так говорят о живописи – “написано легко”, и это означает “с изящной лёгкостью, без натуги”. Об игре в Го тоже так говорят: “играет легко”.

Мэйдзин говорил не спеша, словно смакуя слова. Я с удовольствием слушал его.

Мэйдзин редко позволял себе выражать какие-либо чувства. Не в его характере было придавать какое-нибудь особое выражение своему лицу или голосу. Газета поручила мне вести репортаж - и я общался с Мэйдзином долгое время. И чем больше я наблюдал его, тем больше мне нравились внешне невыразительные позы и слова Мэйдзина.

С тех пор, как Сюсай в 1908 году завоевал право на фамилию Хонинбо, его поклонник Хиросэ Дзэкан стал поддерживать его во всех начинаниях и даже работал у него секретарем. Он писал, что за тридцать с лишним лет работы он ни разу не слышал от Мэйдзина ни одной вежливой просьбы, ни благодарности. Из-за этого Мэйдзин прослыл холодным. И жёстким человеком. Всё тот же Дзэкан вел его денежные дела, и как-то пронёсся слух о том, что Мэйдзин считает такие дела ниже своего достоинства. Дзэкан пишет, что все слухи о недостаточной щепетильности Мэйдзина в денежных делах - выдумка, и он может, доказать это.

Во время Прощальной партии Мэйдзин тоже не проявлял особой приветливости, и всё это брала на себя его супруга. Но это вовсе не означало, что он кичится своим титулом. Просто таков его характер.

Когда люди, причастные к миру Го, приходили за советом, Мэйдзин бывало лишь протянет: “М-да-а...” и надолго замолчит в задумчивости; что он имел в виду - приходилось только догадываться. Я подумал, что эта манера должна порождать уйму недоразумений: ведь на человека, носящего высший титул, не очень-то повлияешь. Его супруге часто приходилось выступать перед гостями в роли не то помощника, не то посредника. Когда Мэйдзин замолкал и сидел с отсутствующим видом, его супруга сразу принималась хлопотать, стараясь сгладить неловкость положения.

Такая черта Мэйдзина, как притупленность нервной системы и интуиции, медлительность или, как он сам сказал “легкомыслие”, часто проявлялась в его отношении к партиям, играным для развлечения. Я уж не говорю о сёги или шашках рэндзю, но даже играя на бильярде или в мадзян, он думал так долго, что наводил уныние на самых терпеливых партнёров.

Мне довелось несколько раз наблюдать, как в гостинице “Хаконэ” Мэйдзин и Отакэ Седьмой дан играли на бильярде. Мэйдзину случалось набирать и по семьдесят очков. Отакэ Седьмой дан скрупулезно вёл счёт, как это подобает профессионалу по Го. При этом он всё время приговаривал: “У меня – сорок два, у господина Ву Циньюаня - четырнадцать...”. Мэйдзин же бесконечно раздумывал перед каждым ударом, но, даже встав в позицию, он подолгу вертел в руках кий, примериваясь и так, и эдак. Считается, что в игре на бильярде проявляется темперамент человека: это видно и по его движениям, и по скорости бегущих шаров. Но вот беда, Мэйдзин почти не двигался. Кончик его кия ползал еле-еле, и это только раздражало зрителей. Однако я, наблюдая эту картину, проникся ещё большей симпатией к Мэйдзину.

А когда он играл в мадзян, то всё время делал себе длинные полоски, сгибая вдоль по несколько раз бумажные салфетки. На эти полоски он выставлял костяшки. Я разглядывал эти ровнехонькие полоски и безупречные ряды костяшек, затеи спросил у Мэйдзина, к чему такая аккуратность. Он ответил:

- Знаете ли, когда расставишь их вот так, на белой бумаге, все костяшки хорошо видны. Попробуйте-ка сами.

Казалось, что быстрый темп, с которым обычно играют в маджан, должен был бы расшевелить Мэйдзина. Однако тот все равно думал невероятно долго и ходил так медленно, что его партнеры скучали и, наконец, теряли всякий интерес к игре. Тем не менее, Мэйдзин не обращал внимания на всеобщую скуку - он всецело был погружен в свои думы. Не замечал он также и того, что играть-то с ним садились зачастую без особой охоты.

19

Мэйдзин как-то раз отозвался об игре любителей:

- В сёги или, скажем, в Го характер человека по игре не поймешь. А ведь говорят, что игра раскрывает характер партнера... Если разбираешься в Го, то такая чепуха и в голову не придёт.

Мэйдзин не любил всех тех полузнаек, которые брались рассуждать о стилях Го.

- Я, например, никогда не интересуюсь своим партнёром, для меня главное - игра, и я думаю только о ней.

В год смерти Мэйдзина второго января, лишь за полмесяца до своей кончины, он участвовал в открытии турнира в Ассоциации Го, где надо было сделать несколько ходов в коллективной партии. Собравшиеся в тот день в Ассоциации профессионалы подходили по очереди к доске, делали по пять ходов и уходили домой.

Эта церемония была чем-то вроде оставления визитной карточки. Однако, всё это грозило затянуться надолго, поэтому рядом начали ещё одну такую же партию. На второй доске уже было сделано двадцать ходов, перед доской в ожидании партнёра стоял Сэо Первый дан. И тут к доске подошел Мэйдзин. Каждому из партнеров предстояло сделать по пять ходов - с двадцать пятого по тридцатый. Когда они закончили, продолжать игру было уже некому - она так и была оставлена при ходе Мэйдзина. Достаточно сказать, что последний, тридцатый ход Мэйдзин обдумывал сорок минут. А ведь партия была несерьёзная, затеяли её лишь ради церемонии, от игрока всего-то требовалось - легко, без напряжения отыграть свои ходы.

В середине Прощальной партии Мэйдзина положили в больницу Святого Луки, и я навестил его там. В этой больнице мебель в палатах была больших размеров, рассчитанная на рослых американцев. Вид щуплой фигурки Мэйдзина, чинно сидящего на огромной кровати, вселял смутную тревогу. Лицо у него было уже не таким отечным, как раньше, щёки чуть порозовели, во всем его облике чувствовалась какая-то легкость, будто он снова обрел душевный покой; и теперь он казался просто добрым старичком, совсем не похожим на того Мэйдзина, каким его знают все.

Тогда же в больницу пришли и другие корреспонденты из газет, также освещавших ход Прощальной партии. Они рассказали о том, какой огромный интерес вызвал у читателей еженедельный конкурс, победители которого получали премию. В субботних выпусках газеты предлагали читателям угадать следующий ход и просили присылать свои прогнозы. Я тоже вступил в разговор:

- На этой неделе задача - угадать 91 ход чёрных.

- Девяносто первый? - Мэйдзин внезапно преобразился. Вот досада! Ведь не следовало и заводить разговор о Го, а я не удержался...

- Перед этим белые прыгнули через один пункт, а чёрным, говорят, надо делать ход вверх, наискосок.

- А-а..., там? Да там всего два хода - косуми и ноби. Кто-нибудь обязательно угадает, - как только Мэйдзин заговорил об игре, он как-то вдруг сразу выпрямился, поднял голову, подравнял колени. Да, это была поза бойца за доской. В ней явно чувствовался безукоризненный, холодный авторитет. Обратившись в уме к отложенной партии, Мэйдзин надолго забыл обо всем. И сейчас, как и во время январской коллективной партии, в его поведении не было и тени фальши. В этой-то естественности и было все дело, а вовсе не в боязни уронить свой авторитет из-за неудачного хода или в упоении своим высоким статусом.

Что и говорить, не позавидуешь молодому игроку - партнёру Мэйдзина хотя бы в шахматы сёги, - он вставал из-за стола вконец обессиленным. Я имел несколько случаев убедиться в этом. Взять хотя бы партию с Отакэ Седьмым даном в Хаконэ - эта партия с форой в ладью тянулась с десяти утра до шести часов вечера.

Второй случай произошел уже после Прощальной партии. Все та же токийская газета "Нити-нити симбун" устроила матч из трех партий между Отакэ Седьмым даном и Ву Циньюанем, мастером пятого дана. Мэйдзин взял на себя комментарий, а я был секундантом во второй партии. Как раз в это время посмотреть игру приехал Фудзисава Кураносакэ Пятый дан и тут же "попал в плен" к Мэйдзину, который усадил его играть в сёги. Их партия началась утром, протянулась до поздней ночи и закончилась в три часа утра следующего дня. Говорили, что на следующее утро, увидав Фудзисаву, Мэйдзин тотчас снова извлёк откуда-то доску для шахмат сёги.

Когда Прощальная партия переехала в Хаконэ, однажды вечером, накануне очередного доигрывания, спортивный обозреватель нашей "Нити-нити симбун" по имени Сунада, который опекал Мэйдзина и жил в той же гостинице Нарая, смеясь рассказывал:

- Я до смерти надоел Мэйдзину. Вот уже четыре дня только встану - приходит Мэйдзин и зовёт погонять шары на бильярде. И гоняем, гоняем весь день. Гоняем до поздней ночи. И так каждый день. Вот все говорят, что он гений. Нет, он не гений, он - сверхчеловек.

Как бы ни уставал от игры, как бы ни выматывался Мэйдзин, никто от него не слышал жалоб, даже жена. Она как-то рассказала о том, как Мэйдзин умеет погружаться в себя. Мне тоже довелось слышать этот рассказ в гостинице Нарая.

- Это было, когда мы ещё жили в квартала Когаи-тё домик был крошечный, поэтому все игры устраивали в комнатухе на десять циновок, а соседняя, поменьше, служила нам гостиной, хотя это было неудобно. Ведь среди гостей попадались и любители громко посмеяться, пошуметь... Но вот однажды мой супруг как раз играл с кем-то турнирную партию, вдруг приходит моя сестра показать своего новорожденного. Известное дело, малыш кричал без конца. Я места себе не находила и уж хотела попросить сестру уйти пораньше, но мы так давно не виделись. Сказать ей сразу "уходи" я никак не могла. Только сестра ушла - я к мужу с извинениями, дескать, мы шумели, мешали вам..., а он, оказывается, ничегошеньки не заметил - ни прихода сестры, ни рева ребенка, ну, совершенно ничего.

Помолчав супруга Мэйдзина добавила:

- Покойный Когиси все говорил, что хочет поскорее стать таким, как сэнсэй, и каждый вечер перед сном садился на пол и занимался медитацией. Кажется, по системе Окада.

Когиси, о котором упомянула супруга Мэйдзина, - это был Когиси Содзи, мастер шестого дана, любимый ученик Сюсяя. Мэйдзин хотел сделать его официальным наследником дома Хонинбо. "Только он достоин!". Но в январе 1924 года Когиси умер в возрасте 27 лет. Часто и по разным поводам вспоминал своего любимого ученика престарелый Мэйдзин.

Нодзава Такэаса, ещё имея четвертый дан, играл с Мэйдзином у него дома. Он тоже рассказывал похожую историю. Как-то раз в кабинете расшумелись ученики-подростки, и

этот ужасный шум доносился до комнаты, где проходила игра. Нодзава вышел к мальчикам и пригрозил им: “Смотрите, Мэйдзин вас потом отругает”. Однако Мэйдзин этого тарарама даже не заметил.

20

- Сидим за обедом, например. Он ест рис, а сам смотрит куда-то в пространство, внимательно смотрит - и ни слова. Наверное, размышляет над каким-нибудь трудным ходом, - говорила нам супруга Мэйдзина в день четвёртого доигрывания в Хаконэ, 26 июля.

- Когда ешь, а сам не думаешь о том, что делаешь, то еда не пойдет впрок. Говорят же, что если за едой не думать о еде, то еда станет ядом. Скажешь об этом мужу, а он только хмыкнет и снова мыслями уже где-то далеко.

Жестокая атака черных на 69 ходу, похоже, застала врасплох даже Мэйдзина - он думал над ответным ходом 1 час 44 минуты. У него этот ход занял больше всего времени с начала партии.

Однако, у Отакэ Седьмого дана эта атака, видимо, была запланирована ещё пять дней тому назад. Когда началось доигрывание, он думал минут двадцать, сдерживаясь изо всех сил - в нем так и бурлила энергия, искавшая выхода. Он прямо навис над доской. Сделав 67 ход, он на 69 ходу с размаху поставил свой камень на доску со словами;

- “Дождь ли это? Буря ли?”, - и громко захохотал.

И словно нарочно в ту же секунду хлынул ужасный ливень - газон во дворе намок в одно мгновение, дверь едва успели закрыть - в неё тут же забарабанили тяжелые капли. Седьмой дан довольно удачно пошутил, но по-моему, в его смехе была различима и нотка торжества.

Мэйдзин, увидев 69 ход чёрных, вдруг неуловимо изменился в лице, словно по нему промелькнула тень птицы: оно стало чуть растерянным и симпатичным. Такое выражение на лице Мэйдзина не часто доводилось видеть.

Позднее, при доигрывании в Ито был момент, когда Мэйдзин вдруг сильно рассердился, увидев неожиданный ход чёрных, ход, который не годился для записи при откладывании. Мэйдзин и раньше-то считал партию испорченной, но тут он даже решил было бросить её не доигранной. Он все не мог дождаться перерыва и, как мне казалось, сам давал понять, что гневается. Но даже тогда Мэйдзин, сидя за доской, ничуть не изменился в лице. И никто не заметил, что он вне себя от ярости.

Зная всё это, нетрудно представить, каким показался Мэйдзину 69 ход чёрных, наверное, похожим на блеск кинжала. Он сразу погрузился в раздумье. Подошло время обеда. Когда Мэйдзин вышел из игровой комнаты, Отакэ Седьмой дан, стоя над доской с камнями, сказал:

- Ход - лучше не придумаешь! Вершина! - и посмотрел на доску с сожалением, как смотрят на руины, оставшиеся от былого великолепия.

Когда я заметил, что ход действительно жестокий. Седьмой дан весело засмеялся и сказал:

- Ну почему в жестокости всегда упрекают только меня?!

После обеда, не успев сесть за доску, Мэйдзин тут же сделал ответный ход. Время на обед и послеобеденный отдых в контроль времени, разумеется, не засчитывается, но и так было ясно, что Мэйдзин не переставал думать над ходом. Но показать, что это не так, посидеть для виду над доской, словно в раздумье, - такие уловки были чужды Мэйдзину. Весь обед он просидел, глядя куда-то в пространство.

21

69 ход, которым началась атака, позднее получил название “дьявольского”. Потом Мэйдзин сам признал, что это был один из тех знаменитых жестоких ходов, которыми славился Отакэ Седьмой дан. Ошибись белые в ответе - им бы не собрать свои разрозненные силы, поэтому Мэйдзин потратил на обдумывание ответного 70 хода 1 час 46 минут. Десять дней спустя, 5 августа, он думал над 90 ходом 2 часа 7 минут, и этот ход оказался самым долгим во всей партии, однако 70 ход ненамного уступал ему.

Если 69 ход чёрных был “дьявольским ходом”, то 70 ход белых, как заметил судья Онода Шестой дан, - был “чудом борьбы за выживание”. Этим ходом Мэйдзин сумел предотвратить опасность. Отступив на шаг, Мэйдзин устранил всякую угрозу. Найти такой ход, должно быть, было нелегко. Белые сразу ослабили натиск чёрных, который грозил решить исход игры. Чёрные, правда, успели кое-что урвать, но белые, несмотря на свою “рану”, казалось, почувствовали облегчение.

Ненастье, о котором Отакэ Седьмой дан отозвался стихами “Дождь ли это? Буря ли?”, оказалось шквалом - небо быстро потемнело, включили свет. Стоявшие на доске белые камни отражались в нем, как в зеркале, сливаясь с отражением фигуры Мэйдзина. Неистовство бушевавшего на дворе шквала лишь подчеркивало уют комнаты, где шла игра.

Ливень закончился так же внезапно, как и начался. По горе ещё полз туман, а со стороны Одавара ниже по реке небо уже прояснилось. Горы по ту сторону долины осветились солнцем, послышались голоса цикад, кто-то распахнул двери веранды. Когда Седьмой дан делал 73 ход, на газоне резвились четыре чёрных щенка. Потом небо вновь затянулось легкими облаками.

Рано утром снова пошел дождь. Незадолго до обеда Кумэ Масао, сидя в кресле на веранде, проникновенно прошептал: “Как здесь хорошо! Даже на душе становится чище”.

Кумэ недавно назначили заведующим отделом науки и искусства в токийской “Нити-нити симбун”, и он прошлой ночью приехал на игру. Приход писателя на такую должность в газету для последнего времени неслыханное событие. Игра Го находилась в ведении этого отдела.

Кумэ слабо разбирался в Го, поэтому он большей частью сидел в коридоре, разглядывал горы, изучал соперников. Однако волны нервной напряженности игроков передавались и ему - когда Мэйдзин глубоко задумывался с выражением муки на лице, такое же точно выражение муки появлялось и на добром, всегда улыбающемся лице Кумэ Масао.

В понимании игры Го я недалеко ушёл от Кумэ, но постоянно сидя и всматриваясь в игру, я порой терял ощущение реальности - мне казалось, что стоящие на доске камни вот-вот заговорят, будто живые существа. Стук камня, когда его ставили на доску, давал отзвук, похожий на эхо из другого мира.

Игры проходили во втором флигеле. Там было три отдельных комнаты - в одной помещалось десять соломенных матов, татами, в двух других - по девять. В комнате, что побольше, на полу стояла икэбана из шёлковой акации.

“Ветки того гляди упадут”, - заметил Отакэ Седьмой дан.

В этот день партия продвинулась на пятнадцать ходов и записан был 60 ход белых.

Пробило четыре часа - время откладывания, но Мэйдзин, казалось, не слышал ни боя часов, ни голоса объявившей об этом девушки-секретаря. Она наклонилась в сторону Мэйдзина и не решалась повторить свои слова. Вместо неё мягко, как будят ребёнка, заговорил Седьмой дан: “Сэнсэй, вы уже решили, какой ход записать?”.

Мэйдзин, похоже, на этот раз услышал и что-то проворчал. Он охрип, голоса не было, и никто не понял, что именно он сказал. Решив, что ход для записи уже готов, секретарь Ассоциации достал конверт, но Мэйдзин ещё долго и безучастно сидел и смотрел на доску.

Затем проговорил с видом человека, медленно приходящего в себя:

- “Нет, хода ещё нет”.

После этого он думал ещё шестнадцать минут. Всего же 80 ход белых потребовал 44 минуты.

22

Очередная игра 31 июля проходила уже в другой комнате, на этот раз наверху. Точнее сказать, это была анфилада комнат в восемь, восемь и шесть татами. В одной из них висела картина кисти Рай Санъё, в другой - Ямаока Тэссю, в третьей - Ёда Гаккай. Игровые комнаты располагались как раз над номером Мэйдзина.

На веранде возле комнат Мэйдзина пышно цвела гортензия. Сегодня опять к этим цветам прилетела черная бабочка - её четкое отражение виднелось в воде. Возле козырька над входной дверью висели тяжелые листья глицинии.

Когда Мэйдзин задумался над 82 ходом, до игровой комнаты донесся плеск воды. Я выглянул в окно и увидел супругу Мэйдзина - она стояла на камнях, по которым переходили через пруд, и бросала в воду кусочки хлеба. В воде, борясь за добычу, плескались карпы.

В то утра супруга Мэйдзина сказала мне: “К нам приехали гости из Киото, вот я и ездила в Токио встречать их. Там сейчас прохладно, хорошо. Но из-за этой же прохлады я беспокоилась, как бы он здесь не простудился”.

Супруга Мэйдзина ещё стояла на камнях, как начал накрапывать дождь. Вскоре он превратился в ливень.

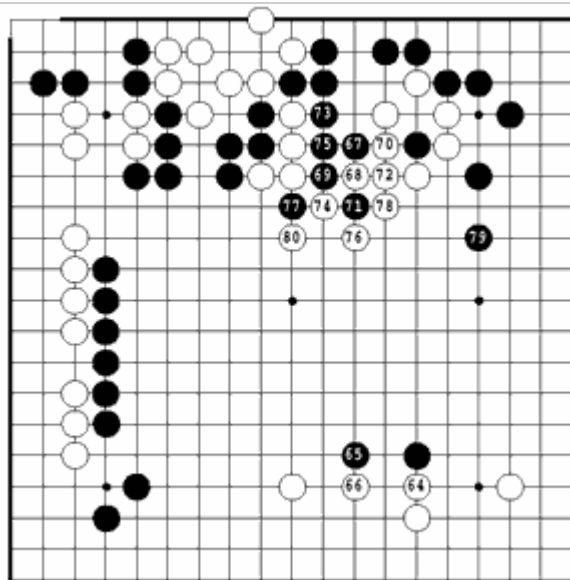
Отакэ Седьмой дан не заметил, что пошёл дождь, и когда ему сказали об этом, он пошутил:

У неба, должно быть, тоже почки шалют, - и выглянул в сад.

Лето было на редкость дождливое. С момента нашего приезда в Хаконэ ни один игровой день не обходился без дождя. Ясная погода и дождь непрерывно сменяли друг друга. Вот и сегодня: пока Седьмой дан размышлял над 83 ходом, цветы гортензии купались в лучах солнца, кромки гор сияли, как свежевывмытые; но тут же вновь подул ветер и принес с собой очередной дождь.

83 ход чёрных занял 1 час 46 минут и побил прежний рекорд белых – 1 час 46 минут, поставленный на 70 ходу. Седьмой дан, упираясь руками в пол, неотрывно смотрел на позицию с правой стороны доски, его колено сползло на пол вместе с подушечкой. Затем он сунул руку за пазуху кимоно и застыл в напряженной позе. Это был признак долгого раздумья.

Партия подошла к срединной стадии. На этой стадии каждый ход труден. Хотя территории белых и черных более или менее определились, точно подсчитать очки было пока невозможно. И сейчас подошло время делать ходы, придающие границам четкие формы, после чего уже можно вести подсчет. На этой стадии нужно решать, что делать дальше -

переходить к ёсэ (завершающей стадии) и округлять свои территории, вторгаться в территорию противника или же навязать ему борьбу на границах. Именно на этой стадии оценивают партию в целом и в зависимости от этой оценки выбирают тактику на дальнейшие этапы игры.

Мэйдзину прислал поздравительную телеграмму доктор Дюваль, который изучал Го в Японии и увез в Германию прозвище “немецкий Хонинбо”. В то утро в газете появилось фото: оба партнёра читают поздравление доктора.

Откладывание пришлось на 88 ход белых, поэтому секретарь Явата быстро проговорил:

- Сэнсэй, юбилейный ход!

Мэйдзин выглядел похудевшим, хотя казалось, что и щекам его, и шее уже некуда было худеть, но с того жаркого дня 16 июля он чувствовал себя бодро. В таких случаях говорят “с тела спал, кости да кожа - духу легче воспарить”.

Никто не ожидал, что через пять дней мы увидим Мэйдзина прикованным к постели.

Впрочем, когда чёрные сделали 83 ход, Мэйдзин вдруг вскочил, будто потерял терпение. Видимо, ему была нужна разрядка от усталости. Было 12.27 - время обеда, но впервые Мэйдзин так встал из-за доски: он словно оттолкнул её от себя.

23

- Я изо всех сил молилась богам, чтобы он не заболел, но видно не хватило мне веры, - сказала мне супруга Мэйдзина утром 5 августа. - Я так боялась, что он заболеет. Может быть, слишком боялась - оттого и вышло наоборот... Теперь только на богов надежда... - добавила она.

Моё внимание - внимание любопытного журналиста - всецело было приковано к герою матча - к Мэйдзину. И когда я услышал слова его жены, его долголетней спутницы, они прозвучали для меня так неожиданно, что я не нашелся, что сказать.

Должно быть, напряжение, в котором находились участники партии, обострило хроническую болезнь Мэйдзина, так как уже давно он чувствовал боли в груди. Но об этом никому и словом не обмолвился.

Примерно со 2 августа у него на лице появилась отечность, заболела грудь.

По регламенту 5 августа было игровым днем, однако игра длилась всего два часа с утра. Мэйдзина перед игрой должен был осмотреть врач.

- Что врач? Вызвали? - спросил Мэйдзин, и когда услышал, что врач ушел по срочному вызову в поселок Сэнгокухара, добавил: “Ну что ж, тогда начнем”.

Усевшись за доску, Мэйдзин спокойно взял в руки чашку и принялся пить теплый чай. Потом он сел прямо, сцепил руки и положил их на колени. Как всегда его поза была исполнена достоинства. Однако на лице его промелькнуло выражение, которое бывает у ребёнка, готового расплакаться, если ему в чем-то откажут. Он выпятил напряженные губы; щеки у него слегка отекали, веки распухли.

Игра началась почти вовремя - в 10.17 утра. Сегодня, как часто бывало прежде, утренний туман сменился проливным дождем, но вскоре со стороны низовьев реки начало светлеть.

Распечатали записанный 68 ход белых. Отакэ Седьмой дан сделал 89 ход в 10.40, а вот 90 ход белых задержался. Миновал полдень, приближалась половина первого, а ход все ещё не был сделан. Раздумья длились 2 часа 7 минут - Мэйдзин думал, стараясь превозмочь боль. За всё время он ни разу не шевельнулся. Отечность на лице исчезла. Вдруг все спохватились, что пора обедать.

Вместо часа, как обычно, в этот день обед тянулся два часа - Мэйдзина осматривал врач.

Отакэ Седьмой дан тоже плохо себя чувствовал - он рассказывал, что принял подряд три лекарства. Он выпил также сосудорасширяющую. Был даже случай, когда Отакэ Седьмой дан потерял сознание за доской и упал.

- Мозг плохо снабжается кровью... Так бывает, когда плохо идёт игра, когда попадаешь в цейтнот, когда скверно себя чувствуешь или, когда одно, другое и третье навалится сразу.

О болезни Мэйдзина он сказал так: “Я вообще-то не хотел играть, но сэнсэй заявил, что будем играть во что бы то ни стало”.

После обеда перед возвращением в игровую комнату Мэйдзин, наконец, придумал свой 90 ход, который надо было записать при откладывании. Когда Отакэ Седьмой дан зашел проведать его и сказал: “Сэнсэй, должно быть, очень устал”, Мэйдзин неожиданно извинился:

“Я только и делаю, что привередничаю”.

И игру возобновлять не стали.

В разговоре с нашим заведующим отделом науки и искусства Кумэ Масао Мэйдзин сказал, потирая грудь: “Лицо распухло - это полбеда, главное - здесь что-то неладно. То перехватывает дыхание, то сердце начинает колотиться, то что-то мешает в груди... Я всё воображал, что по-прежнему молод. Возраст я почувствовал лет в пятьдесят”.

- Дух побеждает годы, - сказал Кумэ.

- Сэнсэй, я тоже почувствовал возраст, а ведь мне всего лишь тридцать, - сказал Отакэ.

- Рановато, - ответил Мэйдзин.

Мэйдзин ещё какое-то время посидел в комнате для отдыха вместе с Кумэ и другими гостями, рассказал даже старую историю о том, как в молодости он приехал в Кобэ и во время экскурсии на военный корабль впервые в жизни увидел электрическую лампочку.

Затем он встал и со смехом сказал: “Врач запретил мне бильярд. Очень жаль, но может быть, немножко поиграть в сёги?”

Хоть Мэйдзин и говорил “немножко”, но дело затягивалось очень надолго. В тот день Кумэ сказал рвавшемуся в бой Мэйдзину: “Давайте лучше сыграем в мадзян, от него не так устаешь”.

За обедом Мэйдзин съел лишь немного каши с сушеными сливами.

24

Известие о болезни Мэйдзина достигло Токио. Наверное, потому и приехал Кумэ. Приехал также ученик Мэйдзина мастер Шестого дана Маэда. Судьи в Прощальной партии Онода Шестой дан и Ивамото Шестой дан пятого августа оба были на месте. Заехал к нам по дороге также Мэйдзин по шашкам рэндзю - Такаги. Пришел и отдохавший в Мияносита мастер Восьмого дана по сёги Дои. Обстановка с каждым прибытием все больше оживлялась.

Мэйдзин последовал совету Кумэ и вместо сёги играл в мадзян с Кумэ, Ивамото Шестым даном и репортером Сунадой. Хотя эти трое держались напряженно, словно боясь причинить ему боль. Мэйдзин с головой ушел в игру и подолгу думал над каждым ходом.

- Если вы будете так серьезно играть, у вас снова распухнет лицо, - с беспокойством шепнула ему супруга, но он как будто не слышал этих слов.

Здесь же рядом Такаги Ракудзан учил меня играть в передвижной вариант рэндзю. Такаги, Мэйдзин по шакам рэндзю, был знатоком всяческих игр, он быстро овладевал секретами новой игры и стремился просветить окружающих. От него в тот день я узнал о новой игре “красавица в шкатулке”.

После ужина Мэйдзин с секретарем Яватой и журналистом Гои сели играть в “рэндзю без двух” и играли до поздней ночи.

Маэда Шестой дан, ещё днем немного поговорил с супругой Мэйдзина и сразу ушел. Для Маэды Мэйдзин был учителем, а Отакэ Седьмой дан - побратимом, и он не хотел давать повод к кривотолкам. Может быть, он вспомнил, как во время матча Мэйдзина с Ву Циньванем Пятым даном поползли слухи, что решающий 160 ход белых Мэйдзину якобы подсказал Маэда.

На следующее утро из Токио по приглашению нашей газеты прибыл доктор Кавасима, чтобы осмотреть Мэйдзина. Его диагноз был таким: “неполное закрытие большого артериального клапана”.

Когда осмотр закончился, Мэйдзин остался сидеть в кровати, но затеял игру в сёги. На этот раз его партнером был Онода Шестой дан, партия началась, как всегда, ходом “серебряного генерала”. Когда эта партия была окончена, Такаги, мастер по рэндзю, и Онода сыграли в так называемые “корейские сёги”, а Мэйдзин, опершись на подоконник, следил за игрой. Но затем, словно потеряв терпение, сказал: “Давайте сыграем в мадзян”. Однако сыграть в мадзян не удалось, потому что я не умел играть.

- Может быть, Кумэ-сан? - сказал Мэйдзин.

- Кумэ-сан поехал провожать доктора и сюда уже не вернется.

- Ивамото-сан?

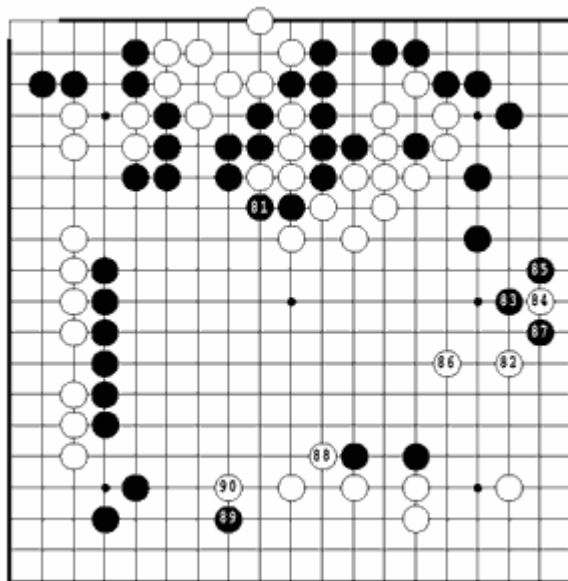
- Ушел к себе.

- Да? Ушёл? - устало переспросил Мэйдзин. Острое чувство одиночества Мэйдзина передалось и мне. Ведь мне тоже надо было уезжать в Каруидзава.

25

Доктор медицины Кавасима из Токио и доктор Окасима из Мияносита после переговоров с представителями газеты и Ассоциации Го дали разрешение продолжать игру, как того желал Мэйдзин. Однако разрешение было дано при условии изменения регламента: вместо одного игрового дня в пятидневку и пяти часов игры в день, играть должны были раз в три или четыре дня и не более двух с половиной часов в день. При таком режиме Мэйдзин уставать будет меньше. До и после каждой игры он должен проходить медосмотр.

Такое решение было, пожалуй, единственным средством облегчить страдания Мэйдзина и закончить партию. Конечно, можно посчитать излишней роскошью двух- или трёхмесячное пребывание на курорте ради одной партии в Го, но напомним, что в этой встрече буква в букву соблюдалось правило “консервации”. Во время четырёхдневного отдыха между игровыми днями и правда, можно было отдохнуть от игры и расслабиться, если отдыхать

дома; но, сидя взаперти в гостинице, где проходят игры, отвлечься от игры невозможно. Нетрудно выдержать так несколько дней или даже неделю, но два или три месяца для шестидесятипятилетнего Мэйдзина превратились в пытку. В то время “консервация” уже стала обычным правилом, поэтому никому в голову не приходило считать его жестоким, если один из участников стар или “срок заключения” слишком велик. Напротив, сам Мэйдзин, похоже, рассматривал марафонские условия Прощальной партии как своего рода венец героя.

Но он слёг, не выдержав и месяца.

И вот условия игры изменены. Для противника, Отакэ Седьмого дана, эти изменения были весьма важным событием. Если игра не идет на тех условиях, которые были оговорены в самом начале, то он был вправе отказаться от игры. Разумеется, Отакэ не сказал ни слова, как и следовало ожидать, лишь заметил: “Мне не отдохнуть за три дня, а два с половиной часа в день - это слишком мало”.

Он уступил и попал в нелегкое положение человека, которому предстоит сражаться с больным стариком.

“Будет ужасно, если вдруг окажется, что сэнсэй заболел из-за меня... Я не хочу играть, но сэнсэй настаивает... ведь этого никому не объяснишь... Все думают, что наоборот... И потом, если игра продолжится и сэнсэй станет хуже, то я сам буду считать себя виновником. Ну и положение? Я оставлю такое грязное пятно в истории Го... В конце концов, нельзя же подталкивать человека к беде. Посмотрим на дело с позиций простой человечности - сэнсэй следовало бы хорошенько отдохнуть, подлечиться, а уже потом продолжить партию, разве не так?”.

Что ни говори, а любому было бы трудно сражаться против тяжелобольного человека. Выиграешь - скажут помогла болезнь, проиграешь - и того хуже. Исход партии пока не ясен. Мэйдзин сам забывает о болезни, едва сядет за доску, а вот для Седьмого дана забыть о болезни противника далеко не так просто. Фигура Мэйдзина обретала трагизм. В какой-то газете написали, будто Мэйдзин сказал, что настоящий профессионал продолжает борьбу до конца, - пусть даже умрет за доской. Великий Мэйдзин приносит себя в жертву искусству. Нервный и впечатлительный Седьмой дан должен был играть, не высказывая ни раздражения, ни сочувствия болезни партнера. Газетные обозреватели по Го заявляли, что негуманно принуждать больного человека продолжать игру. Тем не менее, именно газета, организовавшая Прощальную партию, побуждала Мэйдзина продолжать игру, во что бы то ни стало. Партия публиковалась в газете из номера в номер и вызвала громадный интерес у читателей. Мои репортажи пользовались успехом, их читали даже те, кто был далек от Го. “Если прервать игру, то что же будет с баснословным гонораром?” - нашептывали некоторые, - “Вот истинная причина, по которой Мэйдзин рвется в бой”.

Однако, на мой взгляд, такие слухи хватали через край.

Как бы там ни было, накануне следующего игрового дня, назначенного на 10 августа, все только и думали о том, как убедить Отакэ продолжать игру. Седьмой дан был упрям, не хуже капризного ребенка: ему говорят одно, а он в ответ - другое. Отличался он ещё и своеобразной несговорчивостью - сначала вроде бы согласится, прекращает спорить, однако делает все по-своему. И корреспонденты, и деятели из Ассоциации Го оказались никудышными дипломатами, и результаты их переговоров были плачевными. Ясунага Хадзимэ, мастер Четвёртого дана, был приятелем Отакэ, хорошо знал его характер, привык общаться с ним, поэтому вызвался уладить дело, однако и у него ничего не получилось.

Поздно ночью из Хирацука примчалась супруга Седьмого дана с малышом на руках. Она успокаивала мужа, плакала. Слезы не мешали ей сохранять теплоту, душевность и логику

речи. Ее манера убеждения ничуть не напоминала интеллектуальные беседы. Слова, как и слёзы, шли от сердца, и я, свидетель этого, восхищался супругой Седьмого дана.

Жена Отакэ была дочерью хозяина курортной гостиницы в местечке Дзигоку-дани в провинции Синсю. История о том как Отакэ и Ву Циньюань уединились в Дзигоку-дани и там разработали совершенно новую группу дебютов, широко известна среди любителей Го. Я слышал также, что жена Отакэ с юных лет была красавицей. О том, что домовитые сёстры из Дзигоку-дани очень красивы, мне говорил ещё один поэт, которому доводилось спускаться в долину из Сига Такахару. Он сам мне рассказывал об этом путешествии.

Когда я увидел её здесь, в Хаконэ, она мне показалась неприметной услужливой женщиной. Я был слегка разочарован, но в её облике матери с малышом на руках, преданной семейным заботам настолько, что некогда было следить за своей внешностью, всё ещё оставалось что-то пасторальное от ее детства в затерянной среди гор деревушке. В этой женщине сразу угадывался живой ум. А малыш, которого она держала на руках, был необыкновенным - таких замечательных детей мне ещё не доводилось видеть. В этом восьмимесячном мальчике было величавое своеобразное достоинство и казалось, что в нем проявляется бойцовский дух отца. Малыш этот был светлокожим, и от него веяло свежестью.

И даже спустя двенадцать лет после описываемых событий, жена Отакэ при встрече со мной как-то сказала: "Вот это и есть тот самый мальчик, о котором так хорошо написал сэнсэй". Она повернулась к подростку и увещевающим тоном сказала: "Когда ты был совсем маленьким, господин Ураками похвалил тебя и написал о тебе в газете".

Отакэ сдался. Он не мог упорствовать, когда его жена с ребёнком на руках уговаривала его и проливали слёзы. Седьмой дан очень любил свою семью.

Дав своё согласие продолжать игру, Отакэ не спал всю ночь. Он страдал. В пять или шесть часов утра, на рассвете, тяжело ступая, он ходил взад и вперед по гостиничному коридору. Нарядившись в такой ранний час в кимоно с гербами, Отакэ Седьмой дан лёг на диван в большом зале, куда попадает всякий вошедший с парадного входа: он безуспешно пытался уснуть.

26

Утром десятого числа состояние Мэйдзина не ухудшилось, и врач разрешил ему играть. Однако щеки у Мэйдзина ввалились, и его слабость бросалась в глаза. Когда у него спросили, где будет сегодняшняя игра, в главном корпусе или во флигеле, он ответил: "Знаете, я уже не могу ходить, так что...". Но ещё раньше Отакэ Седьмой дан уже жаловался, что в главном корпусе не даёт сосредоточиться шум водопада, и Мэйдзин поэтому, в конце концов, сказал, что играть они будут там, где захочет Седьмой дан. К счастью водопад оказался искусственным, поэтому решили отключить его и играть в главном корпусе. Однако, когда я услышал слова Мэйдзина, меня охватило смешанное чувство грусти и раздражения.

С головой погрузившись в партию, Мэйдзин словно покидал этот мир, всё передоверив организаторам, но эгоизма в этом не было ни капли. И когда возникали осложнения из-за его болезни, Мэйдзин оставался равнодушным, будто все это его не касалось.

Десятого августа, впервые за всю партию, установилась по-настоящему летняя погода. Накануне светила яркая луна, а утром - яркое солнце. Тени стали резкими, облака сияли. Шелковица распустила свои листья. На чёрной накидке - хаори Седьмого дана пояс выглядел ослепительно белым.

- Все же хорошо, что погода, наконец, установилась, - сказала супруга Мэйдзина. Она заметно похудела. И жена Отакэ от недосыпания тоже была очень бледна. Их уставшие лица

осунились, и лишь глаза светились беспокойством. И та, и другая не находили себе места в тревоге за мужа. И каждая из них была поглощена лишь своими заботами.

Летний свет, врывавшийся в комнату, был просто ослепительным, и от этого казалось, что Мэйдзин, который сидел спиной к улице, превратился в какой-то темный и зловещий силуэт. Никто из присутствовавших не поднимал головы и не смотрел на Мэйдзина. Даже Отакэ Седьмой дан, который обычно любил пошутить, в тот день не произнес ни слова.

Неужели обязательно нужно продолжать игру в таких условиях? Ведь всё это неминуемо отразится на игре. Мне было жаль Мэйдзина. Писатель Наоки Сандзюго незадолго до своей безвременной кончины писал в необычном для него романе под названием “Я” следующее:

“Завидую тем, кто играет в Го. Ведь игра Го, если считать её бесполезным пустяком, бесполезна, как ничто другое, если же ценить её, то по ценности ничто с ней не сравнится”.

Помню у Наоки в доме жила сова, о которой он разговаривал: “Ну, как ты? На страдаешь от одиночества?”. Сова же терзала валяющуюся на столе газету, рвала ее в клочья. В газете была напечатана партия из матча Мэйдзина Хонинбо против Ву Циньюаня. Эта партия так и осталась незаконченной из-за болезни Мэйдзина. Наоки тогда размышлял об удивительных чарах игры Го, о чистоте борьбы в этой игре, а также старался определить ценность своего литературного труда “для масс”. И как-то вдруг безо всякой связи о предыдущем сказал:

“Вообще-то в последнее время все это мне стало надоедать. Сегодня я должен выдать тридцать страниц рукописи до девяти вечера, а уже пятый час. Но меня это уже мало тревожит. Почему бы ни повозиться денёк с совой? Ведь я работаю не для себя, я работаю ради журналистики и ради семьи. Но и та и другая ко мне равнодушны”.

Наоки Сандзюго как раз и познакомил меня с Мэйдзином Хонинбо и Ву Циньюанем.

В облике Наоки незадолго до смерти было что-то потустороннее, и вот сейчас в Мэйдзине, сидевшем перед нами, тоже было что-то не от мира сего.

Тем не менее, в тот день партия продвинулась на девять ходов. Когда Седьмой дан думал над 99 ходом, наступило время откладывания - 12.30. Мэйдзин отошел от доски, оставив Седьмого дана думать над ходом в одиночестве. Неожиданно, впервые за весь день, послышался смех, Мэйдзин, спокойно затягиваясь сигаретой, сказал: “Когда я был ещё учеником, с сигаретами было трудновато, поэтому я курил трубку... Если в трубку попадал какой-нибудь мусор из кармана, все равно курил, это не мешало”.

Подул свежий ветерок. Так как Мэйдзина возле доски не было, Отакэ Седьмой дан сбросил накидку - хаори.

Когда партия, наконец, была отложена и все разошлись по своим номерам, к моему удивлению, Мэйдзин сразу же сел играть в шахматы сёги. Его партнером был Онода шестой дан. За сёги последовала партия в мадзян.

Я не мог усидеть в гостинице и сбежал в “Беседку блаженства” в Тоносава. Там я написал очередной репортаж и на следующее утро уехал в Каруидзава, где с семьей снимал горную дачу.

27

Мэйдзин, казалось, был одержим игрой. Было очевидно, что сидеть и играть в наглухо закупоренной комнате вредно для здоровья, но он не придавал этому никакого значения, несмотря на плохое самочувствие. Может быть, для того, чтобы отвлечься от партии в Го, Мэйдзину требовалась именно игра, и ничто другое. На прогулки он не ходил.

Люди, для которых игра - профессия, в большинстве своём любят и другие игры, но у Мэйдзина отношение к другим играм было особенным. Он играл не для развлечения и не

чувствовал меры. В игре он был упорен, и казалось, мог играть без конца, изо дня в день не зная отдыха. Он не отвлекался от игры, не выказывал никаких признаков скуки, - демон игры терзал его неотступно. Видеть это порой бывало страшновато. Играл ли он в мадзян или на бильярде, - неважно, - он забывал обо всем на свете, точно так же, как и за доской для Го. Партнёры его нередко тяготились, но сам Мэйдзин был в высшей степени серьёзен, и упрекнуть его было невозможно. Это были не грёзы наяву, как случается у других людей, - Мэйдзин, казалось, мысленно уходил куда-то далеко-далеко.

Даже то короткое время после очередной партии до ужина Мэйдзин заполнял игрой. Если, бывало, секундант - Ивамото Шестой дан немного задерживался за вечерней рюмочкой сакэ, Мэйдзин, не в силах ждать, отправлялся за ним сам.

В первый же игровой день в Хаконэ, как только закончилась процедура откладывания, Отакэ Седьмой дан, скрывшись в своей комнате, вызвал прислугу: “Нельзя ли принести мне доску для Го?”. Немного погодя из комнаты послышался стук камней: несомненно, он разобрал партию. А Мэйдзин, переодевшись в лёгкое кимоно, направился в комнату оргкомитета, сел играть в рэндзю, с лёгкостью обыграл меня раз пять-шесть кряду, а затем сказал: “Эта игра, нинуки, одно баловство, это неинтересно. Давайте лучше сыграем в сёги, Ураками-сан. У вас, кажется, есть комплект?” - он быстро встал и пошел впереди меня. После меня он играл с Ивамото Шестым даном, дав ему фору - ладью, но закончить партию до ужина они не успели. А после ужина слегка подвыпивший Шестой дан сидел вразвалку и похлопывал себя рукой по ноге, выглядывавшей из-под кимоно. Он проиграл.

Из комнаты Отакэ Седьмого дана и после ужина какое-то время доносился стук камней, однако вскоре он сам спустился к нам и тоже сел играть в сёги, сначала с корреспондентом Фунадой, затем со мной. Он дал каждому из нас фору - ладью, и, видно, был в хорошем настроении.

- Эх, как только сажусь играть в сёги, так сразу хочется петь, вы уж извините меня. Правда-правда, я очень люблю сёги. Почему я профессионал в Го, а не в сёги? Непонятно. Я ведь в сёги научился играть раньше, чем в Го. Помню, мне было тогда года четыре, не больше. Научился-то раньше, а играю хуже, чем в Го. Приговаривая так, он напевал детские или народные песенки, сыпал остротами и вообще веселился довольно шумно.

- Отакэ-сан в сёги играет лучше всех в Ассоциации, - заявил Мэйдзин.

- Разве? - удивился Седьмой дан, - ведь сэнсэй тоже очень силен. А вообще-то на всю Ассоциацию нет ни одного первого дана по сёги. Вот в рэндзю сэнсэй, наверное, всех сильнее. Я в рэндзю не особенно разбираюсь, так только, играю по наитию. А у сэнсэя - третий дан!

- Подумаешь - третий дан; он всё равно ниже первого профессионального. Вот профессионалы - те в самом деле сильны.

- А как играет в Го Кимура, Мэйдзин по сёги?

- Примерно в силу первого дана. Но он все время прибавляет в мастерстве.

Отакэ Седьмой дан, продолжая играть с Мэйдзином в сёги, снова, как ни в чем не бывало, запел: “Ля-ля-ля, тра-ля-ля...”.

Поддался настроению и Мэйдзин: “Ля-ля, ля-ля, ля-ля...”.

Такое с Мэйдзином случалось редко. Но вот на доске ладья Мэйдзина превратилась в “дракона” и его положение улучшилось.

В те дни игра в сёги проходила весело, но когда Мэйдзин заболел, атмосфера этих игр стала гнетущей. Даже 10 августа вечером Мэйдзин рвался играть, словно сбежавший из ада грешник в китайских сказках.

Очередное доигрывание было назначено на 14 августа. Однако Мэйдзин был очень слаб, болезнь его обострилась, и врач запретил ему играть. Оргкомитет согласился с этим, не возражала и газета. Было решено, что 14 августа Мэйдзин сделает только один ход, после чего будет устроен перерыв в партии.

Когда противники сели за доску, каждый из них потянул к себе свою чашу с камнями и поставил возле себя. Видно было, что чаша с камнями тяжеловата для Мэйдзина. После этого противники принялись восстанавливать позицию: каждый делал ход так, как это было в партии. Мэйдзин, казалось, вот-вот выронит свой камень из рук, но постепенно его движения стали увереннее, а стук камней - громче.

Над ходом этого дня Мэйдзин думал 33 минуты, причем за это время ни разу не пошевелился. Этот ход Мэйдзин должен был записать и на этом закончить партию, однако, он неожиданно сказал: "Поиграем ещё немного".

Видно, он почувствовал себя лучше. Члены организационного комитета засуетились, тут же посоветовались и решили, что действовать надо так, как было договорено вначале, то есть, ограничиться одним ходом.

- Ну что ж, ладно... - Мэйдзин записал свой сотый ход и долго смотрел на доску.

- Большое спасибо, сэнсэй. Вам надо побереечь себя..., - сказал Отакэ Седьмой дан. Мэйдзин лишь хмыкнул, вместо него ответные слова произнесла жена.

- Ровно сто ходов... А какой по счету игровой день сегодня? - спросил Седьмой дан у секретарши.

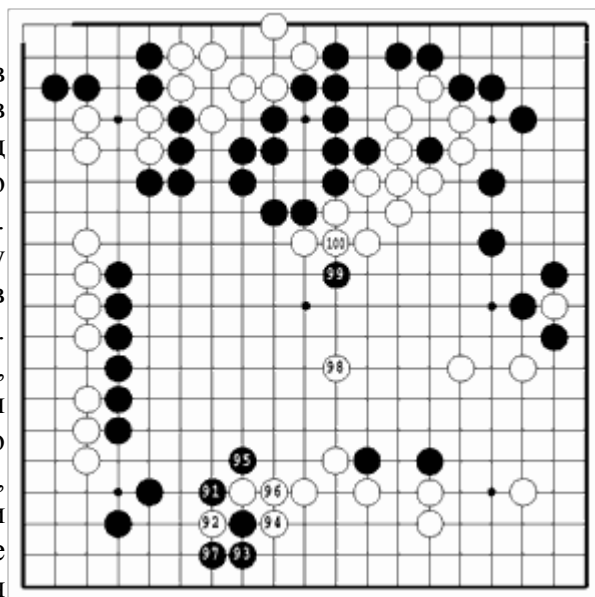
- Десятый? Два раза в Токио, восемь раз в Хаконэ? За десять дней сто ходов... значит, в среднем по десять ходов в день,

Позже, когда я заглянул к Мэйдзину, то увидел, как тот молча сидел и безотрывно смотрел в сад, на небо.

Из гостиницы в Хаконэ Мэйдзин должен был сразу лечь в больницу Святого Луки, однако говорили, что ему ещё два-три дня нельзя ехать поездом.

28

С конца июля моя семья перебралась на дачу в Каруидзава, и я всё время ездил туда -сюда: то в Хаконэ, то в Каруидзава. Дорога в один конец занимала около семи часов, поэтому мне надо было уезжать с дачи накануне игрового дня. Откладывание происходило вечером, поэтому перед отъездом на дачу я ночевал в Хаконэ или в Токио. Вся поездка на дачу занимала трое суток. Если доигрывание возобновлялось на пятый день, то я мог провести с семьей два дня, а затем должен был трогаться в путь. Может показаться, что писать репортажи легче, сидя в той же гостинице, где идет игра; ведь и лето было дождливым, да и усталость чувствовалась. Но я все-таки после каждого игрового дня наскоро ужинал и пускался в путь.

Я не мог писать о Мэйдзине и о Седьмом дане, находясь с ними в одной гостинице. Это было трудно делать даже в одном городе, поэтому я спускался из Хаконэ в городок Мияносита или в Тonosава и там ночевал. Если я накануне писал репортаж о партии, то на следующий день

мне как-то неловко было смотреть в лицо участникам. Я работал для газеты и, чтобы поддерживать интерес читателей к матчу, мне приходилось прибегать к различным уловкам. Любителям не понять партию игроков высокого класса. И вот для того, чтобы растянуть описание одной партии на шестьдесят или семьдесят выпусков, приходилось “центр тяжести” переносить на внешность партнеров, на каждый их шаг, каждый жест. Я следил не столько за самой партией, сколько за играющими. Ведь именно они были главными героями действия, а все устроители, и в том числе корреспонденты, были их слугами! Чтобы хорошо осветить игру, в которой для самого остается много неясного, нужно обязательно испытывать преклонение перед участниками. К партии у меня был не просто интерес, а восхищение ею, как произведением искусства, и это объясняется моим отношением к Мэйдзину.

В тот день, когда партия была прервана из-за болезни Мэйдзина, я уехал в Каруидзава в унылом настроении. Когда на вокзале Уэно я сел в поезд и забросил вещи в багажную сетку, за пять-шесть рядов от меня вдруг поднялся высокий иностранец.

- Извините, это у вас доска для Го?

- Да, вы угадали?

- У меня тоже есть такая. Отличное изобретение.

Моя доска была сделана из металлического листа, снабженные маленькими магнитиками камни прилипали к ней - на такой доске очень удобно играть в поезде. Однако в сложенном виде распознать в ней доску для Го было нелегко. Я чуть-чуть привстал.

- Сыграем партию? Го - очень интересная и занимательная игра, - обратился ко мне иностранец. Он говорил по-японски. Доску он водрузил себе на колени. Так было удобнее - он был выше меня ростом.

- У меня тринадцатый ученический разряд, - четко проговорил он, словно предъявляя счёт. Это был американец.

Сначала я дал ему шесть камней форы. Он рассказал, что учился играть в Ассоциации Го, и ему доводилось играть кое с кем из японских знаменитостей. Формы он знал неплохо, но ходы делал поспешные и пустые. Поражения, казалось, нисколько не волновали его. Проиграв партию, он, как ни в чем не бывало, убирал камни с таким видом, словно в этой партии он не очень старался. Американец строил на доске заученные формы, получал отличные позиции, разыгрывал прекрасные дебюты, но в ней начисто отсутствовал боевой дух. Стоило мне чуть-чуть нажать или сделать неожиданный ход, как все его построения вяло разваливались, бессильно рассыпались. Все это напоминало попытки толчками удержать на ногах нетвердо стоящего человека - от этого я даже стал казаться себе агрессивным. Дело было не в силе или слабости игры, нет, - начисто отсутствовало какое бы то ни было противодействие. Не было напряжения. Японец, как бы плохо он не играл, все равно проявляет упорство в борьбе; в японце никогда не ощущаешь такой немощи. Мой же противник духа борьбы был лишен совершенно. Странно, но я почувствовал, что мы принадлежим к разным племенам.

Таким вот образом мы играли более четырех часов - от вокзала Уэно до Каруидзава, и сколько бы он ни проигрывал, его это ничуть не огорчало. Я готов был склониться перед его неистребимой жизнерадостностью. Рядом с его наивной и простодушной немочью я чувствовал себя злобным извращенцем.

Вокруг нас образовался кружок зрителей, привлечённых, должно быть, редкостным видом европейца, играющего в Го. Меня это несколько раздражало, чего не скажешь об американце, который проигрывал раз к разу все нелепее - ему было всё как с гуся вода.

Играть с таким человеком - всё равно, что переругиваться на едва знакомом языке. Может и не следует так серьезно относиться к игре, но так или иначе, ощущения от нее совсем не те, что бывают в играх с японцами. Я не раз думал о том, что для европейцев Го выглядит, должно быть, пустой забавой. По словам доктора Дюваля в Германии образовалось около пяти тысяч любителей Го. Всё большее распространение получало Го и в Америке - об этом часто говорилось в Хаконэ. Может быть, нельзя судить по одному новичку-американцу, но, откровенно говоря, очень похоже, что игре европейцев и впрямь недостает стойкости.

Игра японца выходит за рамки понятий “игра”, “соревнование” или “развлечение” - она становится Искусством. В ней чувствуется тайна и благородство старины. Фамилия Мэйдзина Сюсяя - Хонинбо - происходит от названия башенки в Киотском монастыре Дзюкко-дзи. По традиции Мэйдзин Сюсай тоже стал буддийским священником, и в память первого Хонинбо, мирское имя которого было Санса, а церковное - Никкай, в день его трёхсотлетия принял церковное имя Нитион. Играя с американцем, я все время чувствовал, что в его стране Го не имеет корней.

Говоря о корнях, надо сказать что Го, как и многое другое, пришло в Японию из Китая. Однако по-настоящему Го развилось лишь в Японии. Искусство игры Го в Китае и сейчас, и триста лет тому назад не идет ни в какое сравнение с японским. Го выросло и углубилось благодаря Японии. Много культурных ценностей пришло к нам в древности из Китая уже в совершенном виде, но в отличие от остального, игра Го достигла совершенства только в Японии. Го развивалось уже в новое время, после того, как феодальное правительство в Эдо взяло игру под свое покровительство. А ведь играть в Го научились тысячу с лишним лет тому назад. Это означает, что и в Японии долгое время понимание Го мало развивалось. В Китае Го считали игрой небожителей, и что в ней таится нечто божественное. Но вот догадка, что триста шестьдесят одно пересечение линий на доске объемлет все законы Вселенной, божественные и человеческие, такая догадка родилась лишь в Японии. Как раз история игры Го показывает, как наша страна, ввозя из-за границы какую-нибудь новинку, вдыхает в нее новую жизненную силу и превращает ее в истинно японскую вещь.

У других народов такие игры, как Го или сёги, пожалуй, не входят в традиции. Вряд ли в какой-нибудь ещё стране возможна одна партия протяженностью в три месяца, когда чистое время, отведенное на одну игру, ограничено 80 часами. Игра Го, подобно театру Но или чайной церемонии, стала частью японской традиции.

В Хаконэ я слышал рассказы о поездке Мэйдзина Сюсяя в Китай, и главным содержанием этих рассказов было где, с кем и с каким счётом прошла игра, поэтому я решил, что в Китае есть довольно сильные игроки. Когда я спросил: “Значит, сильный китайский игрок примерно равен сильному японскому любителю?”, Мэйдзин ответил:

- Э-э..., равны ли они по силам? М-м-м..., пожалуй, те будут чуть-чуть послабее..., правда, к любителям близки... ведь в Китае нет профессионалов...

- Тогда, раз японские и китайские любители играют примерно на равных, то, появившись в Китае профессионалы, - задатки скажутся, так ведь?

- Не знаю, право...

- Им же есть на что надеяться, да?

- Пожалуй, но чтобы это произошло быстро - вряд ли... Впрочем, у них есть очень сильные игроки, к тому же они, вроде бы, любят играть на деньги.

- Но всё же способности к Го у них есть?

- Наверное есть, раз у них появляются такие, как Ву Циньюань.

Я как раз собирался в ближайшие дни навестить Ву Циньюаня, мастера Шестого дана. Я хотел разобраться в положении на доске, которое возникло в Прощальной партии, а также познакомиться с комментариями Ву Шестого дана, которые он давал после серьезного анализа. Я считал, что это тоже входит в обязанности наблюдателя от газеты.

Этот человек родился в Китае, живёт в Японии и олицетворяет собой в каком-то отношении “щедрость Неба”, то есть, везение. Талант Ву Шестого дана смог расцвести только потому, что тот приехал в Японию. Вообще говоря, в истории было много примеров тому, как выдающиеся в каком-нибудь виде искусства люди, уроженцы соседних стран, признание получили в Японии. В наши дни блестящий примером тому стал Ву Циньюань. Его талант, который в Китае заглох бы, был воспитан, взлелеян и тепло принят в Японии. Талантливого мальчика “открыл” один японский профессионал во время туристической поездки по Китаю. Живя в Китае, мальчик учился играть по японским учебникам. Иногда, казалось, что в этом подростке проблескивает китайское понимание Го, гораздо более древнее, чем японское. Словно мощный источник света погружен в глубокую грязь. Ву был гениален от природы. Если бы он с детства не получил возможности шлифовать своё мастерство, то талант его не развился бы и в конце концов погиб.

Должно быть, и сейчас в Японии есть немало нераскрывшихся талантов. И у отдельного человека, и у нации судьба таланта бывает схожей. Много есть духовных сокровищ, которые ярко блистали в прошлом у какого-нибудь народа, а ныне - пришли в упадок. Наверняка, много есть и такого, что на протяжении всей истории было скрыто, а проявиться сможет лишь в будущем.

29

Ву Циньюань Шестой дан жил в то время в санатории на плоскогорье в Фудзими. После каждого игрового дня из Хаконэ в Фудзими направлялся наш репортер Сунада и записывал комментарии Ву к сделанным ходам. Эти комментарии я вставлял в свои газетные отчёты. Издательство обратилось за комментариями к Ву Циньюаню, потому что он, как и Отакэ Седьмой дан, резко выделялся среди молодых профессионалов. Они соперничали друг с другом и по силе игры, и по популярности.

Ву Шестой дан заболел от перенапряжения в турнирах. Кроме того, он тяжело переживал войну между Китаем и Японией. Ву даже написал эссе, в котором мечтал поскорее встретить день мира, когда японские и китайские ценители прекрасного смогут вместе плыть в одной лодке по озеру Тайху. В санатории он читал китайские классические книги: “Книгу истории” - “Щуцзин”, “Жизнеописания мудрецов” - “Шэнсянь тунцзянь” и сочинения Люй Цзу – “Лей Цзу цюаньшу”. В 1936 году он ездил в Китай под своим китайским именем, но в японском произношении - Курэ Идзуми.

Когда я приехал из Хаконэ в Каруидзава, уже начались летние каникулы; но, несмотря на это, в международное курортное местечко были введены студенческие отряды, проходившие военную подготовку. Часто слышалась стрельба. Свыше двадцати человек из числа литераторов - все мои знакомые или приятели - были направлены в армию, которая готовилась к захвату Ханькоу.

Я не попал в число призванных. Однако, и в стороне от военных дел я писал в своих корреспонденциях, что с давних пор в военное время игра Го приобретала особую популярность; существует множество историй о военачальниках, игравших на войне в Го; я писал, что японский “путь воина” - “буси-до” - духовно переплетается с искусством, причем и одно, и другое гармонично сочетается с религиозным синтоистским мировоззрением, а игра Го является прекрасным символом этого единства.

18 августа в Каруидзава по моему приглашению приехал Сунада. В Коморо он пересел на ветку Кооми-сэн. В поезде кто-то из попутчиков рассказал ему, что в горах у подножья пика

Ямуга-такэ ночью на железнодорожное полотно выползло множество каких-то насекомых, похожих на сороконожек. Колеса поездов давили их и скользили, буксуя, словно по маслу. Вечером того же дня мы уехали с ночёвкой на горячие источники Саги в Камисува, а на следующее утро выехали в Фудзими к Ву Циньюаню.

Палата Ву Циньюаня находилась на второй этаже прямо над входом, в углу комнаты лежали две циновки. Ву Шестой дан объяснял нам значение ходов, расставляя крошечные камни на малюсенькой доске, водруженной на маленькой подушечке, которая покоилась на разборном столике.

Шесть лет тому назад, в 1932 году, вместе с Наоки Сандзюуго мы смотрели игру Ву Циньюаня против Мэйдзина на двух камнях форы, проходившую в парке Канкоо-эн в городе Итоо. Ву Циньюань был одет тогда в темно-синее кимоно в белый горошек с узкими рукавами. Его руки с длинными пальцами, нежная кожа на шее напоминали утонченных, печальных дочерей аристократических семейств. Сейчас к прежнему впечатлению добавилось ощущение достоинства, которое бывает у молодых монахов из аристократов. В форме головы и ушей чувствовалась порода, но сколько-нибудь заметных примет гениальности в нем не было.

Ву Шестой дан быстро, без запинок комментировал партию; иногда он задумывался, подперев щеку рукой. За окном виднелась мокрая листва каштанов. Я спросил его, что он думает о партии.

- Видите ли, это - детальная игра, я бы даже сказал, что очень детальная пошла игра.

Профессионалы, не говоря уже о Мэйдзине, должны избегать, и избегают делать скороспелые прогнозы о партии, отложенной в срединной стадии. Я хотел услышать от него не столько критику ходов, сколько оценку партии как произведения искусства, с учётом манеры игры Мэйдзина и Отакэ Седьмого дана, то есть, общую оценку стиля этой партии.

- Замечательная партия, - сказал Ву Циньюань. - Видите ли, для обоих это игра чрезвычайной важности. Поэтому оба они играют очень внимательно и жёстко. Ни один, ни другой не допускают ни малейшего просмотра или ошибки. Это большая редкость. Именно это делает партию такой прекрасной.

- Да-а? - я был разочарован.

- То, что чёрные играют жестко и плотно, ясно даже нам, любителям, но что вы скажете о белых?

- Хм-м, Мэйдзин тоже играет жестко. Если один играет в жесткую игру, то другой тоже должен отвечать жестко, иначе ему придется плохо. Времени у них сколько угодно, партия очень важная, так что...

В этой уклончивой и поверхностном ответе так и не прозвучала оценка, которой я добивался. То, что отвечая на мой вопрос, он назвал игру "детальной", может быть, уже было слишком смело, не знаю...

Наблюдая игру Мэйдзина до его болезни, я восхищался этой партией, и поэтому мне хотелось услышать более откровенное мнение.

В то время неподалеку, в гостинице, жил Сайто Рютаро из издательства "Бунгэй сундзю", и мы с Сунадой завернули к нему на обратном пути. Сайто рассказал нам, что до недавнего времени он жил в соседней комнате о Ву Циньюанем.

- Иногда даже среди ночи, в полной тишине, я слышал стук камней "пок-пок-пок", и становилось как-то жутковато.

Ещё Сайто рассказал нам, как изящно держался Ву Циньюань, провожая гостей до самого выхода из гостиницы.

Едва закончилась Прощальная партия Мэйдзина, как я получил приглашение приехать вместе с Ву Шестым даном на горячие воды в Симогамо, что на юге полуострова Идзу, и там я услышал от него рассказ, как, он играет в Го во сне. Он рассказал, что иногда во сне находит сильнейшие ходы. Проснувшись, он обычно помнит увиденную во сне позицию на доске.

- Часто во время игры мне кажется, что я уже где-то видел такую позицию. Может быть во сне? - заметил однажды Ву Шестой дан.

Во сне его противником чаще всего бывал Отакэ Седьмой дан.

30

Перед тем, как лечь в больницу Святого Луки, Мэйдзин, как мне передали, сказал:

- Из-за моей болезни партию придется отложить. Теперь начнутся пересуды, дескать, у белых позиция хороша, чёрные тоже стоят неплохо... хотя игра незакончена...

В то время Мэйдзин действительно мог сказать так, но видимо, эти слова означали, что у партии есть свое глубинное течение, понятное только самим игрокам.

Тогда Мэйдзин, похоже, был уверен в своей позиции. Потом, когда игра была закончена, я и корреспондент Гои из “Нити-нити” услышали от Мэйдзина неожиданные слова:

- Когда я ложился в больницу, я вовсе не думал, что у белых плохое положение. Не скажу, что не замечал ничего опасного, но проигранной партий никак не считал.

99 ход чёрных угрожал разрезать цепь белых камней в центре, и соединение белых сотым ходом было последним ходом перед больнице. Позднее, комментируя партию, Мэйдзин сказал, что если бы он на 100 ходу не соединился, а ограничил чёрных на правой стороне и тем предотвратил бы их вторжение на территория белых, то возможно, получилась бы позиция, не слишком радостная для чёрных.

- 47 ход чёрных, который позволил белым занять хоси на нижней стороне, думаю, чересчур перестраховочный. Его даже лучше назвать вялым.

Однако, если бы не прочный 47 ход Отакэ Седьмого дана, то в этом месте осталась бы лазейка для белых, а именно этого и не хотел допустить Седьмой дан. Сам он так и сказал впоследствии, когда участники игры делились своими впечатлениями. Кроме того, комментируя партию, Ву Шестой дан отметил, что 47 ход чёрных был правильным и создал им непробиваемую позицию.

Я следил за игрой, и когда на 47 ходе чёрные соединились, построив прочную стенку, а вслед за этим белые сразу сделали ход в хоси на нижней стороне, я ахнул: это была заявка на большую территорию.

Лично мне 47 ход чёрных дал почувствовать стиль Отакэ Седьмого дана, его готовность к самой решительной схватке. Он заставил белых “проползти” по третьей линии, ходами, сделанными до 47, построил мощную стенку и наглухо “запечатал” белых на левой стороне. Такая игра дает почувствовать всю скрытую мощь Седьмого дана. Он шагал твердо и не хотел рисковать, не хотел пасть жертвой боевого искусства противника.

Если бы в срединной стадии игры, где-то около 100 хода, позиция и впрямь была “неясной” или игра “излишне детальной», то дело закончилось бы, скорее всего, разгромом чёрных. Но, видимо, это была лишь тактика, с помощью которой Отакэ Седьмой дан упрочивал свои позиции. По плотности построения чёрные превосходили белых, их позиции были надёжнее,

и впоследствии, когда они начали “с хрустом вгрызаться” в территорию белых, началась именно такая игра, какую особенно любил Отакэ Седьмой дан.

Иногда о Седьмом дане говорили, что в него перевоплотился Мэйдзин Дзёва Хонинбо XII Дзёва считается сильнейшим игроком старого и нового времени, и Мэйдзина Сюсяя тоже часто сравнивали с ним. Играл он также очень плотно, главным в игре для него была схватка, и он предпочитал силой повергнуть противника. Его стиль можно назвать размашистым и жестоким. Он создал блестящие партии, богатые рискованными ситуациями и неожиданными поворотами сюжета. Популярен он был и среди любителей. Поэтому от столкновения двух профессионалов, каждого из которых сравнивали с Дзёвой, в Прощальной партии любители ожидали череды жестоких схваток, запутанных позиций, живописности борьбы. Но эти их надежды не оправдались.

Может быть, Отакэ Седьмой дан решил, что открытое столкновение в излюбленном стиле Мэйдзина Сюсяя рискованно и поосторожничал. Он не давал втянуть себя в масштабные схватки или в трудные позиции, чреватые осложнениями. Он старался насколько возможно сузить поле для проявления искусства Мэйдзина и стремился навязать свою игру. Позволив Мэйдзину делать размашистые ходы, сам он спокойно готовился к будущей борьбе. Его надежная неторопливая манера была вовсе не пассивной, а исполнена скрытой до поры до времени внутренней мощи. В построениях Седьмого дана ощущалась прочная вера в свое мастерство. Его стойкость и осмотрительность были исполнены силы, поэтому он неизбежно должен был в удобный миг перейти в сокрушительную атаку, призвав на помощь всю свою врожденную пронизательность и целеустремленность.

Однако, как бы ни был осторожен Седьмой дан, Мэйдзин в партии, всё-таки смог навязать ему схватку. Белые с самого начала повели игру с размахом и со вкусом, и распространились на две стороны доски. В левом верхнем углу на ход 18 в мокухадзуси чёрные ответили в сансан (ход 19). Это было новый, ранее неизвестный ход, и Седьмой дан сделал его, несмотря на то, что это была Прощальная партия шестидесятипятилетнего Мэйдзина. В конце концов, именно в этом углу и “собралась гроза”. Если Отакэ хотел осложнить игру в этом месте, то это ему прекрасно удалось. Как и следовало ожидать, Мэйдзин тоже не стремился к осложнениям, и может быть, из-за важности партии он старался вести “прозрачную” игру. По всей видимости, он избрал защитный вариант. Так и получилось: пока Отакэ Седьмой дан вёл “бой с тенью”, он сам незаметно для себя оказался вовлечен в “детальную” игру со схватками местного значения.

Действительно, при такой тактике чёрные неизбежно втягиваются в “детальную” игру. Наверное, Отакэ Седьмой дан хотел сохранить каждое очко, на которое сделал заявку, и это позволило белым добиться перевеса. Мэйдзин не проводил никаких дальних замыслов. Не делал он и расчета на ошибку чёрных. Чем плотнее играли чёрные, тем с большей естественностью, подобно облаку, на нижней стороне распространялся контур позиции белых, и то, что игра незаметно приобрела красоту, видимо, объясняется совершенством мастерства Мэйдзина. Сила игры Мэйдзина с возрастом ничуть не уменьшилась, и даже болезнь не нанесла ей ущерба.

31

Когда Мэйдзин выписался из больницы Святого Луки и вернулся в свой дом в квартале Унао в токийском районе Сэтагая, он обронил:

- Подумать только, я уехал из дому 8 июля и не был здесь дней восемьдесят, до самой осени.

В этот день Мэйдзин вышел прогуляться неподалеку от дома и прошел два-три квартала. Это был самый дальний его выход за последние два месяца. В больнице он все время лежал и ноги его очень ослабли. Выйдя из больницы, он лишь две недели спустя смог сидеть на пятках, по-японски.

- Я за пятьдесят лет привык сидеть по-японски, вот так, прямо, а сидеть, скрестив ноги, мне наоборот, трудно. Но в больнице я только лежал, поэтому когда выписался, сидеть по-японски на пятках никак не мог. За столом приходилось опускать скатерть и сидеть, скрестив ноги. Но это одно лишь название – “скрестив ноги” - только вытянуть я их и мог. Такого со мной ещё не бывало. Если до начала игры не научусь снова сидеть на пятках подолгу, то беда. Из всех сил тренируюсь, но пока ещё не получается как надо.

Наступил сезон скачек, которыми Мэйдзин увлекался, но у него будто бы пошаливало сердце, и после больницы он серьезно относился к своему состоянию. Тем не менее он все же не утерпел.

- Попробовал выехать в город, ведь это помогает готовиться к игре. Посмотришь скачки - и радостно становится на душе, откуда-то берутся силы - могу играть! Но вернешься домой - опять слабость, будто тебя сварили. И я съездил на скачки ещё раз.

Теперь, вроде, ничто не должно помешать игре. Сегодня решили, что доигрывание начнется числа с восемнадцатого.

Эти слова Мэйдзина записал Куросаки, репортер “Токио нити-нити симбун”. Упомянутое в репортаже “сегодня” - это 9 ноября.

Прощальная партия Мэйдзина была приостановлена в Хаконэ 14 августа и теперь должна была возобновиться ровно три месяца спустя. Близилась зима, и местом продолжения игры была выбрана гостиница Канкоо-кан в городе Ито.

Мэйдзин с супругой прибыл в Канкоо-кан 15 ноября, за три дня до начала игры. Его сопровождали бывший его ученик Симамура Пятый дан и секретарь Ассоциации Явата. Отакэ Седьмой дан приехал шестнадцатого.

На полуострове Идзу есть Мандариновая гора - Микан-яма, которая славится красотой, - сейчас там желтели мандариновые деревья и дички-апельсины. 15 числа было холодновато, небо затянули тучи, а 16-го заморосил дождь, и радио сообщило, что во многих районах выпал снег. Однако 17-го наступила золотая осень, и в воздухе разлилась сладость. Мэйдзин отправился на прогулку в край Отонаси и к пруду Дзёо-но-икэ. Он не любил прогулки, так что этот поход был для него целым событием.

В Хаконэ перед началом игр Мэйдзин пригласил в гостиницу парикмахера. В Ито 17-го числа он тоже попросил подбрить ему усы. Как и в Хаконэ, супруга поддерживала сзади голову Мэйдзина.

- Господин парикмахер сможет закрасить мне седину? - спросил Мэйдзин, обращаясь к парикмахеру, и посмотрел в окно на тихий после полуденный дворик.

Мэйдзин ещё в Токио покрасил волосы. Вообще говоря, красить волосы перед битвой - это плохо вязалось с Мэйдзином Сюсаем, но возможно, что он занялся своей внешностью как раз потому, что в разгар партии ему пришлось слечь.

Мэйдзин всегда стригся коротко, под ёжик, а сейчас отпустил длинные волосы, сделал пробор, да ещё перекрасился в черный цвет. В этом было что-то ненатуральное. На этом фоне под бритвой парикмахера особенно бросалась в глаза темная, желто-коричневая кожа Мэйдзина, обтягивавшая скулы.

Лицо Мэйдзина не было уже таким бледным и отечным, как в Хаконэ, но все же и вполне здоровым ещё не выглядело.

Только-только приехав в Канко-кан, я сразу же отправился проведать Мэйдзина и спросил, как он себя чувствует.

- Хм, так себе... - безучастно ответил он.

- Перед отъездом сюда я ходил на медосмотр в больницу Св. Луки, так доктор Иида все время старался не смотреть мне в лицо. С сердцем не все в порядке. В плевре скопилось много воды. Вдобавок ко всему ещё и в Ито здешний врач нашел у меня бронхит. Простыл вроде...

- А-а

Мне нечего было сказать.

- Старая болезнь ещё не прошла, а к ней добавились две новых. Всего получается три.

Там же были люди из Ассоциации и из газеты:

- Сэнсэй, пожалуйста, не говорите ничего о своем самочувствии господину Отакэ...

- Почему? - Мэйдзин взглянул на них с подозрением.

- Господин Отакэ опять начнет нервничать, опять осложнения...

- Оно-то верно... но все же скрывать как-то неудобно...

- Лучше, если бы вы не говорили с господином Отакэ на эту тему. Если вы скажете, что больны, он опять начнет упираться, как в Хаконэ.

Мэйдзин промолчал.

Если его спрашивали, как он себя чувствует, он, нисколько не смущаясь, рассказывал о своем самочувствии кому угодно.

Мэйдзин совсем бросил курить и перестал пить вечернюю рюмку сакэ. Он, который в Хаконэ почти никуда не выходил, здесь в Ито, регулярно ходил гулять, есть старался побольше. Может быть, и покраска волос тоже была одним из проявлением решимости довести партию до конца.

Когда я спросил Мэйдзина, что он собирается делать после окончания партии, уедет на зимний отдых в Атами либо в Ито, или же ещё раз ляжет в больницу, Мэйдзин вдруг ответил мне с доверительной интонацией;

- Хм, говоря по правде, неизвестно, продержусь ли я вообще до конца... может быть, снова слягу...

И ещё он сказал, что доиграть до нынешней стадии и не заболеть ему удалось, должно быть, только благодаря привычке не обращать внимания на свои болезни.

32

В гостинице Канко-кан накануне игры в комнате сменили циновки. Когда утром 18 ноября мы вошли туда, сразу ощутили приятный запах свежих циновок. Знаменитую доску для Го из гостиницы Нарая привёз Осуги Четвертый дан. Когда Мэйдзин и Отакэ сели за доску и открыли чаши с камнями, то оказалось, что чёрные камни покрылись летней плесенью. Служащие гостиницы, включая и горничных, кинулись на помощь и сообща протерли все камни.

Конверт с записанным 100 ходом белых был вскрыт в 10.30. 99 ходом чёрные атаковали, угрожая разрезать тройку белых камней в центра доски, сотым ходом белые соединились, защищаясь от разрезания. В последний игровой день в Хаконэ был сделан только этот ход. После окончания партии Мэйдзин так прокомментировал этот ход:

- Соединение белых на сотом ходе было последним ходом перед тем, как я лег в больницу, - тогда обострилась моя болезнь, этот ход к сожалению был не очень продуманным. Вместо того, чтобы ответить в этом месте, следовало бы прижать чёрных ходом в пункт 12. Это

укрепило бы позицию белых в правом нижнем углу. Хотя чёрные и выступили с угрозой разрезать в центре, вряд ли они пошли бы на разрезание; а если бы даже и разрезали, то все равно особого ущерба белые не понесли бы. Защити белые на сотом ходе свою позицию, - черным не удалось бы так легко победить.

Тем не менее, раскритикованный сотый ход белых был вовсе не так уж плох. Ни в коем случае нельзя сваливать на него проигрыш белых. Отакэ Седьмой дан сказал потом, что атаковал в центре именно в расчёте на то, что Мэйдзин соединится. Да и все остальные были уверены, что белым, само собой понятно, следует соединиться.

Если говорить начистоту, то надо признать, что “тайно записанный” - сотый ход белых наверняка был известен Отакэ Седьмому дану ещё три месяца назад. Ему при этом ходе не оставалось ничего другого, как вторгаться 101 ходом в позицию белых справа внизу. Даже нам, любителям, было ясно, что для вторжения годится лишь один ход - тоби (прыжок через один пункт), который и был сделан в партии. И этот, такой очевидный ход Седьмой дан до двенадцати часов, то есть до обеденного перерыва, так и не сделал.

В обеденный перерыв Мэйдзин вышел во двор. Такое тоже с ним случалось редко. Ветви слив и иголки сосен сверкали на солнце. Распустились цветы вечнозеленой аралии и лигуларии. Камелия под окном комнаты Седьмого дана выбросила один-единственный скомканный цветок. Мэйдзин остановился и долго смотрел на этот цветок камелии.

Во второй половине дня на раздвижную дверь игровой комнаты - сёдзи, упала тень сосны. Прилетела белоглазка и распевала неподалеку от нас. В пруду перед верандой плавали карпы. В гостинице Нарая в Хаконэ карпы были цветные, в этой же - обыкновенные.

Седьмой дан всё никак не мог сделать 101 ход, поэтому Мэйдзин, как и можно было ожидать, устал и медленно, словно засыпая, закрыл глаза.

Ясунага Четвёртый дан прошептал: “Да-а, очень трудная задача...” присел и тоже закрыл глаза.

В чём же здесь трудность? Я даже заподозрил, что Седьмой дан нарочно не хочет делать прыжок в пункт 13 и думает над другим ходом. Распорядители нервничали, а Седьмой дан впоследствии, когда участники партии делились впечатлениями, сказал, что он колебался, не зная, делать ли прыжок в пункт 1 или просто продлиться в пункт 2. Мэйдзин тоже потом сказал в комментарии: “Преимущества и недостатки этих ходов очень трудно оценить”. Так или иначе, но на первый же ход при возобновлении игры Отакэ Седьмой дан потратил три с половиной часа, и это произвело на всех неприятное впечатление. Пока он раздумывал, осеннее солнце склонилось к западу и включили свет.

Мэйдзин сделал 102 ход белых за пять минут - белый камень врезался в промежуток между двумя черными. Над 105 ходом Седьмой дан вновь задумался и думал целых 42 минуты. За первый игровой день в Ито было сделано всего пять ходов и 105 ход чёрных был записан при откладывании.

Если у Мэйдзина расход времени за этот день был не более десяти минут, то у Отакэ Седьмого дана - четыре часа 14 минут.

Общая затрата времени с начала партии у чёрных составила 21 час 20 минут и перевалила за половину выделенного им огромного ресурса времени - по 40 часов каждому.

Судьи Онода и Ивамото уехали на квалификационный турнир Ассоциации, и в этот день на игре их не было.

В Хаконэ мне привелось услышать, как Ивамото Шестой дан сказал: “Последнее время Отакэ-сан показывает темную игру”.

- Разве игра может быть темной или светлой?

- Конечно, может. Это окраска характера игры. Вообще-то Го принадлежит к темному, женскому началу. Оставляет ощущение темноты. Если говорят “темная” или “светлая” игра, то понимаете, это не связывают с результатом партии. Я вовсе не хочу сказать, что Отакэ-сан стал играть слабее.

Отакэ Седьмой дан на весеннем квалификационном турнире проиграл восемь партий подряд, но в то же время на отборочном турнире, устроенном газетой, где решался вопрос о партнере Мэйдзина в Прощальной партии, он выиграл все партии до единой. В этом был какой-то неприятный перекося.

Игра чёрных против Мэйдзина также не производила впечатления “светлой”. Скорее она ассоциировалась с каким-то тяжелым существом, которое медленно поднимается из таинственного ущелья и издает хриплое ворчание. Словно, собрав все силы, он ударял противника всем телом. Не было ощущения раскованности. И стиль игры оставлял такое впечатление, будто Седьмой дан тяжёлой походкой догонял противника и вгрызался в него сзади.

Говорили как-то, что по характеру игроков в Го можно разделить на два типа. Одни играют с мыслью “мне мало, мало, мало...”, а вторые - с мыслью “мне уже хватит, уже хватит...”. Если это правда, то Отакэ Седьмой дан относился к первому типу, а Ву Шестой дан - ко второму.

Седьмой дан, игрок типа “мне мало”, в Прощальной партии, которую он сам потом назвал “чересчур детальной”, если не допустил явных промахов, то и с легкостью ни одного хода не сделал.

33

И всё-таки после первого игрового дня в Ито вновь возникли трения. Дело приняло такой оборот, что не смогли даже назначить очередной день доигрывания.

Как и в Хаконэ, Отакэ Седьмой дан воспротивился попыткам изменить регламент партии из-за болезни Мэйдзина. Причем на этот раз Седьмой дан стоял на своем гораздо твёрже, чем в Хаконэ. Видно, урок Хаконэ для него не прошел даром.

По первоначальным условиям после игры полагалось четыре дня отдыха, а пятый день был снова игровым. В Хаконэ этот порядок соблюдался. Четыре дня давалось на отдых, но из-за правила “консервации”, то есть безвыходного сидения в гостинице, престарелый Мэйдзин ещё больше уставал. С тех пор, как болезнь Мэйдзина обострилась, начались переговоры о сокращении четырехдневного отдыха, на что Отакэ не соглашался. Лишь последнее доигрывание в Хаконэ было сдвинуто на день вперед, так что отдых перед ним был только три дня. Но в тот день Мэйдзин сделал всего один ход. Несмотря на все попытки отстоять регламент, тот пункт, который обязывал играть с 10 часов утра до четырёх пополудни, в конце концов был отменен.

Заболевание Мэйдзина вскоре перешло в хроническое. Когда он поправится, никто не знал, и наверное, поэтому доктор Иида из больницы Святого Луки, с большой неохотой разрешивший поездку в Ито, сказал, что игру желательно закончить в течение месяца. В первый игровой день в Ито у Мэйдзина, сидевшего за доской, веки вновь слегка припухли.

Из-за болезни Мэйдзин все хотели поскорее закончить. Газета тоже, так или иначе, хотела довести до конца Прощальную партию, столь популярную среди читателей. Затягивать игру было рискованно. Ускорить ход дел можно было только за счет сокращения отдыха между доигрываниями.

Однако Отакэ Седьмой дан на это не соглашался.

- Мы с Отакэ старые друзья, попробую уговорить его, - сказал Симамура Пятый дан.

Симамура, как и Отакэ, приехал в Токио из района Кансай в надежде стать профессионалом в Го. Симамура стал учеником Хонинбо Сюсяя, а Отакэ - пошел к Судзуки, мастеру Седьмого дана, но они остались хорошими друзьями, часто встречались в среде профессионалов. И Симамура Пятый дан, похоже, надеялся, что если он тактично попросит, то Седьмой дан поймет и уступит. Тем не менее, именно просьба Симамуры, который сказал, что Мэйдзин опять себя плохо чувствует, привела прямо к обратному результату - Отакэ наотрез отказался пойти навстречу. Он обвинил Оргкомитет в том, что от него скрыли болезнь Мэйдзина и снова заставили его, Отакэ, играть против больного человека.

Наверное, Седьмого дана раздражало и то, что Симамура, ученик Мэйдзина, остановился в той же гостинице, где и все, и встречался с Мэйдзином. А это нарушало святость игры. Когда Маэда Шестой дан, тоже ученик Мэйдзина и одновременно зять Отакэ Седьмого дана, приезжал в Хаконэ, он ни разу не зашел в комнату Мэйдзина и даже остановился в другой гостинице. Сама попытка изменить строгий регламент партии, ссылаясь на дружеские или иные чувства, претили Седьмому дану.

Но больше всего Отакэ тяготила, пожалуй, перспектива вновь сражаться с больным Мэйдзином. То, что его противник носил титул Мэйдзина, ставило Седьмой дан в ещё более трудное положение.

Переговоры зашли в тупик, и Отакэ Седьмой дан заявил, что бросает партию. Как уже было в Хаконэ, из Хирацука приехала жена Седьмого дана и привезла с собой ребенка. Был даже приглашен некий Того, мастер массажа ладонями. Того был хорошо известен среди игроков в Го, потому что Седьмой дан советовал всем знакомым ходить к нему на процедуры. Сам Седьмой дан полагался на Того не только как на массажиста, но и весьма ценил, как будто, его мнение в житейских делах. Во внешности Того было что-то от аскета. Седьмой дан, который каждое утро читал Сутру Лотоса, глубоко верил в людей и рассчитывал на их помощь. Понятие долга было у него в крови.

- Если Того скажет, то Отакэ-сан обязательно послушает его. Того-сан, кажется, считает, что надо продолжать игру... - сказал кто-то из членов Оргкомитета.

Отакэ Седьмой дан и мне посоветовал показаться Того, раз выпала такая возможность. Этот совет был исполнен доброжелательного участия. Когда я пришел в комнату Седьмого дана, Того подошел, поводит ладонью возле моего тела и сразу сказал: "Везде все в норме, без отклонений, здоровьем вы не блещете, но жить будете долго". Потом он задержал ладонь возле моей груди. Я тоже прикоснулся к груди и почувствовал, что справа сверху кимоно было чуть теплее. Это было удивительно, потому что Того провел ладонью вблизи тела, не касаясь меня. Температура и справа и слева, вроде, должна быть одинаковой, но правая сторона была теплой, а левая - оставалась холодной. По словам Того это тепло появилось благодаря его лечению - справа из груди шло нечто вроде ядов. Я никогда не жаловался ни на легкие, ни на плевру; на рентгеновских снимках тоже все было в порядке, но иногда в правой стороне груди у меня бывали неприятные опущения. Может быть, это были отголоски незаметно начавшейся болезни? И хотя это недомогание позволило Того проявить свое лечебное мастерство, все же от этого ощущения тепла, проникшего сквозь ватное кимоно, мне стало немного не по себе.

Того и мне сказал, что Прощальная партия - это тяжелая миссия, выпавшая на долю Седьмого дана. И если он ее бросит, то навлечет на себя упреки со всех сторон.

Мэйдзин сам ничего не предпринимал, а только ожидал результатов переговоров, которые оргкомитет вел с Отакэ Седьмым даном. Подробности этих переговоров никто Мэйдзину не сообщал, поэтому он, похоже, не знал, что дело зашло так далеко и что его противник собирается бросить партию. Его лишь раздражала пустая трата времени. Чтобы отвлечься, Мэйдзин поохал в гостиницу в Кавана, пригласил он и меня. На следующий день л пригласил съездить туда Седьмого дана.

Заявив, что бросает игру, Седьмой дан домой все-таки не уезжал и оставался все время в гостинице, где должны были проходить игры. И я чувствовал, что он хочет как-то успокоиться и склонен уступить. Тем не менее, договориться о доигрывания на третий день и окончании игрового дня в четыре часа удалось лишь двадцать третьего числа. Соглашение было достигнуто на пятый день после игрового, который приходился на 18 число.

В Хаконэ тоже, когда договорились о сокращении отдыха до трёх дней вместо четырех. Седьмой дан сказал: “Я не успеваю отдохнуть за три дня. К тому же два с половиной часа игры в день - это слишком мало. Я не могу войти в ритм”.

На этот раз отдых был сокращен до двух дней.

34

Едва успели найти компромисс, как снова натолкнулись на подводные камни.

Услыхав, что соглашение достигнуто, Мэйдзин сказал членам оргкомитета:

- Не будем тянуть время. Начнем с завтрашнего дня.

Однако Отакэ Седьмой дан сказал, что хочет отдохнуть и игру предпочитает возобновить послезавтра.

Мэйдзин все это время пребывал в ожидании, и это состояние удручало и раздражало его. И поэтому, когда было объявлено о возобновлении игры, он воспрял духом и захотел играть немедленно. За его желанием не было никакой задней мысли. Но Седьмой дан был дальновиден и осторожен. Из-за тревожных предшествующих дней он очень устал, а потому хотел собраться с духом и восстановить форму перед началом игры. В этом тоже проявилось различие характеров обоих игроков. Вдобавок ко всему из-за напряженной обстановки последних дней у Отакэ разболелся желудок. И в довершение картины - ребенок, которого привезла его жена, в гостинице простудился, и у него поднялась температура. Седьмой дан, обожавший своих детей, был в панике. Все это мешало начать доигрывание с завтрашнего дня.

Оргкомитет, заставивший Мэйдзина понапрасну прождать столько времени, и в этот раз оказался не на высоте. Мэйдзину, которого всё это касалось в первую очередь, даже не сообщили, что Отакэ Седьмой дан по личным причинам требует отсрочки ещё на один день. Назначенная Мэйдзином дата доигрывания в их глазах обсуждению не подлежала. Если какие-то пожелания Мэйдзина и Седьмого дана не совпадали, члены оргкомитета сразу принимались переубеждать Седьмого дана. Отакэ рассердился. Если вспомнить, в каком нервном напряжении последнее время находился Седьмой дан, то можно было предположить, что переговоры окажутся безрезультатными. Так и вышло - Отакэ заявил, что отказывается продолжать игру.

Явата, секретарь Ассоциации, и Гои - корреспондент “Нити-нити симбун”, молча сидели в комнатухе на втором этаже. Вид у них был крайне удрученный. Дела были плохи, и им явно хотелось все бросить. Ни тот, ни другой особым красноречием не отличался - это были люди немногословные. После ужина, когда я сидел у них, в комнату вдруг вошла горничная - она искала меня.

- Отакэ-сан разыскивает господина Ураками и ждёт его у себя в комнате.

- Меня?

Для меня это было полной неожиданностью. Оба мои собеседника молча смотрели на меня. Я пошел за горничной, и она привела меня в большую комнату, где и одиночестве сидел Отакэ Седьмой дан. Несмотря на то, что жаровня “хибати” горела, в комнате было холодно.

- Извините, что побеспокоил вас, - неожиданно заговорил Седьмой дан, - сэнсэй так долго и так много помогает нам в делах, но я хотел сказать, что окончательно решил отказаться от доигрывания. В такой обстановке я не могу играть.

- Как?!

- Поэтому я хотел повидать вас и попрощаться...

Я был всего-навсего наблюдателем от газеты; такое положение не обязывает других официально прощаться со мной. И если уж Седьмой дан решил так поступить, это было знаком его особого расположения ко мне. Однако от этого менялось и мое положение. И отделаться принятыми для таких случаев ничего не значащими фразами я уже не мог.

Во время всех осложнений, начавшихся ещё в Хаконэ, я был лишь сторонним наблюдателем, эти дела меня мало касались, и я ни во что не вмешивался. Сейчас тоже Седьмой дан не спрашивал у меня совета, он лишь известил меня о своем намерении. Однако сидя с ним так, лицом к лицу, и слушая слова сожаления, я впервые подумал, а что, если мне попробовать высказать свое мнение и выступить посредником?

В общих чертах сказал я примерно вот что.

Конечно, выступая противником Мэйдзина Сюсяя в Прощальной партии, Отакэ Седьмой дан сражается самостоятельно - на свой страх и риск. Но при этом он сражается не как Отакэ, частное лицо. Он ведет борьбу с Мэйдзином как представитель молодого поколения профессионалов, как наследник всей истории Го. До того, как Отакэ получил возможность участвовать в этой игре, целый год шел отборочный турнир претендентов. Сначала, на уровне шестого дана, победителями вышли Маэда и Кубомацу, затем, на уровне седьмого дана, к ним присоединились Судзуки, Сэгоэ, Като, Отакэ и эти шестеро провели между собой турнир по круговой системе. Отакэ Седьмой дан выиграл все пять партий турнира. Ему проиграли два старых мастера - Судзуки и Кубомацу. Судзуки Седьмой дан в пору своего расцвета победил Мэйдзина, имея фору, а встречи с ним на равных Мэйдзин избежал - Судзуки всю жизнь жалел об этом. И вот сейчас, когда старому учителю выпал, наконец, шанс сыграть о Мэйдзином, Отакэ Седьмой дан выигрывает у него, хотя и сочувствует ему как ученик. Наконец, Кубомацу, с которым Отакэ встретился в последующем туре и который, подобно Отакэ, шёл без поражений, тоже был учителем Седьмого дана. Как ни смотреть на дело, все равно получается, что Отакэ Седьмой дан был послан на встречу с Мэйдзином и как представитель этих двух старых мастеров. Никто не сомневался, что современных профессионалов лучше представляет Отакэ Седьмой дан, нежели патриархи вроде Судзуки или Кубомацу. А лучший друг и соперник Седьмого дана Ву Циньюань Шестой дан! Он тоже мог бы достойно представлять современное Го, но он уже играл пять лет назад против Мэйдзина, пытаясь утвердить экстравагантные дебюты, так называемые "новые фусэки", и проиграл. И хотя Ву Циньюань имел моральное право участвовать в отборочном турнире, он все же от участия отказался, потому что в то время имел лишь пятый дан, и было неудобно выступать против Мэйдзина в Прощальной партии игроку пятого дана. В число прежних матчей Мэйдзина был, сыгранный им 12-13 лет тому назад, матч против Кариганэ Седьмого дана. Но это было, во-первых, завершение борьбы группировки Мэйдзина - "Ассоциации Го" с группировкой Кариганэ - "Кисэйся", а во-вторых, Кариганэ Седьмой дан был заклятым личным врагом Мэйдзина. Он уже давно был побежден. И опять, как всегда, победителем стал Мэйдзин. Прощальная партия - это последняя официальная игра "непобедимого" Мэйдзина. Значение у неё совершенно не такое, как у матчей против Кариганэ или Ву Циньюаня. Если даже Отакэ победит, то вопрос о новом, очередном Мэйдзине вряд ли встанет. Прощальная партия - это стык разных эпох, точка смены одной эпохи другой. После неё в игре Го начнутся новые веяния. Бросить и не доиграть Прощальную партию - это всё равно, что пытаться задержать ход истории. Ответственность, которая лежит на Седьмом дане, тяжела; и что же произойдёт, если

Седьмой дан из-за своих личных эмоций и сиюминутных обстоятельств откажется от игры? Седьмому дану, чтобы дожить до нынешнего возраста Мэйдзина нужно ещё тридцать пять лет: на пять лет больше, чем ему сейчас.

Если Седьмой дан вырос в Ассоциации Го в период расцвета игры, то Мэйдзину пришлось одолевать огромные трудности. Быстрый прогресс игры после реставрации Мэйдзи и вплоть до наших дней во многом связан именно с Хонинбо Сюсаем. Как бы там ни было, он пока остается лицом номер один в мире Го. Разве не долг наследника - достойно закончить Прощальную партию, символизирующую итог шестидесятипятилетней жизни? Пусть в Хаконэ и проявились какие-то капризы больного человека, но ведь при этом Мэйдзин продолжал играть, стойко перенося свои мучения. И, не совсем поправившись, он все же приехал в Ито, чтобы закончить партию; приехал, закрасив седину. Приехал, может быть, даже с риском для жизни. Если сейчас молодой противник откажется от игры, сочувствие всего мира будет на стороне Мэйдзина, а Отакэ Седьмой дан станет мишенью для нападок. Неважно, что у Седьмого дана есть веские причины, все равно он будет вынужден без конца оправдываться и отмываться от грязи, а истинное положение дел мир так и не узнает. Прощальная партия войдет в историю, вместе с ней войдет в историю и отказ Седьмого дана продолжить борьбу. На Седьмом дане сейчас лежит ответственность перед следующими поколениями. Если он бросит игру, то поднимется шум, начнутся кривотолки, появятся прогнозы, как закончилась бы партия, будь она доиграна, и наверняка поползут грязные слухи. Наконец, разве пристало молодому игроку чинить препятствия Прощальной партии больного старого Мэйдзина?

Я говорил сбивчиво, с повторами и частыми остановками. Однако Седьмой дан был непоколебим. Он так и не сказал, будет ли играть. Конечно, у него были свои резоны, и подчиняясь, делая одну уступку за другой, он все больше накапливал в себе недовольство. Вот и сейчас, если он уступит, то его, невзирая ни на какие обстоятельства, заставят играть с завтрашнего дня. Но так как он завтра играть не в состоянии, то честнее будет не играть вообще.

- Хорошо, - сказал я, - а если отложить игру на день, если начать доигрывания послезавтра, вы будете играть?

- Буду, но, по-моему, об этом уже поздно говорить.

- Значит, на послезавтра Отакэ-сан согласен? Мне важно было убедиться в согласии Отакэ. Я не сказал ему, что собираюсь сам поговорить с Мэйдзином. Мы распрощались.

Когда я вернулся в комнату Оргкомитета, корреспондент Гои лежал, подложив локоть под голову, и пытался уснуть.

- Что Отакэ-сан? Не будет играть?

- Да, он так сказал.

Секретарь Явата, согнув полнеющую спину, подошел к столу.

- Но он сказал, что если начало доигрывания будет отложено на один день, то он играть сядет. Может, мне попросить Мэйдзина об этой отсрочке? - сказал я, - позвольте, я попробую уговорить Мэйдзина.

Я вошёл в комнату Мэйдзина, сел на пол и заговорил:

- У меня есть огромная просьба к сэнсэю. Вообще говоря, у меня нет оснований обращаться с такой просьбой. Я, может быть, вмешиваюсь не в свое дело, но скажите, пожалуйста, не согласитесь ли вы перенести доигрывание на послезавтра? Отакэ-сан просит отсрочить начало на один день. У него сейчас болеет маленький ребенок, здесь в гостинице... высокая температура... Отакэ-сан переживает... Кроме того, у самого Отакэ-сан разболелся желудок...

Мэйдзин слушал меня с недоумевающим лицом и в ответ только коротко сказал:

- Хорошо, так и сделаем.

У меня вдруг выступили слёзы на глазах. Все разрешилось слишком неожиданно.

Дело решилось мгновенно, но я не мог сразу же подняться и уйти, поэтому немного поговорил ещё с супругой Мэйдзина, Сам Мэйдзин больше ни сказал ни слова ни об однодневной отсрочке, ни про Отакэ Седьмого дана. Вообще-то, отсрочка игры на день - это но Бог весть какое важное дело, но ведь Мэйдзин долго мучился ожиданием и, вот, наконец-то назначенная на завтра игра вновь сорвалась. Вряд ли это может быть пустяком для профессионала - участника важной игры. Члены Оргкомитета не посмели даже заикнуться об этом Мэйдзину. Разумеется, Мэйдзин понял, что я пришел к нему с просьбой только ввиду исключительной серьезности дела, но все равно, его краткое согласие тронуло меня до глубины души.

Я зашел в Оргкомитет, сказал им о результатах разговора с Мэйдзином, а потом отправился к Отакэ.

- Мэйдзин сказал, что согласен на день отсрочки и что игру можно начать послезавтра.

Седьмой дан, похоже, был ошеломлен.

Я продолжал: “Итак, Мэйдзин пошел на уступку Отакэ-сан, поэтому сейчас, когда это особенно нужно, пусть и Отакэ-сан сделает уступку Мэйдзину”.

Жена Седьмого дана, стоявшая возле постели больного ребенка, церемонно поблагодарила меня. В комнате царил беспорядок.

35

Очередная игра состоялась, как и договорились, через день, 25 ноября, то есть, через неделю после первого игрового дня в Ито. Накануне приехали освободившиеся от осеннего квалификационного турнира в Ассоциации судьи Прощальной партии Онода и Ивамото, мастера шестого дана.

Мэйдзин, сидя на узорчатой подушке с лиловым подлокотником, напоминал буддийского священника. В династии Хонинбо ещё со времен ее основателя, участника придворных турниров в феодальных замках, носителя титула “Мэйдзин”, которого звали Санса или по-церковному Никкай, глава семьи всегда носил духовный сан.

Секретарь Ассоциации Явата как-то сказал:

- Нынешний Мэйдзин тоже имеет духовное звание, церковное имя его - Нитион, есть у него и ряса.

В комнате, где проходила игра, на одной стене висела каллиграфическая надпись кисти Хампо, гласившая “Моя жизнь - часть пейзажа”. Глядя на слегка наклоненные вправо иероглифы, я вспомнил, что в какой-то газете встречал сообщение о тяжелом состоянии здоровья доктора Такады Санаэ. Другой свиток изображал “Двенадцать достопримечательностей города Ито” и принадлежал кисти Мисимы Ки, писавшего под псевдонимом Тюсю. В соседней комнате площадью в восемь циновок висел свиток с китайскими стихами бродячего монаха Унсуя.

Рядом с Мэйдзином стояла большая овальная жаровня “хибати”, отделанная павлонией. Чтобы он снова не простудился, за спиной установили ещё одну жаровню и поставили на нее чайник, из носика которого все время шел горячий пар. Седьмой дан настоял, чтобы Мэйдзин повязал шарф и закутался в теплое кимоно на шерстяной подкладке. Мэйдзина слегка знобило.

Объявили записанный 105 ход чёрных, - Мэйдзин сделал ответный 106 ход за две минуты, после чего Отакэ Седьмой дан вновь погрузился в раздумья...

- Ну и чудеса! - бормотал он, словно в бреду, - не хватает времени. Поразительно... Сорок часов на шедевр - и не уложиться! Надо же... Такого в мире ещё не бывало. Растратил время зря... А ведь мог бы сыграть за минуты...

Стоял пасмурный день. За окном неустанно щебетала камышевка. Я вышел на веранду немного размяться. Возле фонтана расцвели вопреки сезону два цветка рододендрона. На ветках были и почки. К веранде подлетела трясогузка. Издалека доносился шум мотора - это насос качал воду из горячего источника.

Седьмой дан потратил на 107 ход один час три минуты. 101 ход чёрных открывал атаку на позицию белых внизу и принёс чёрным очков четырнадцать - пятнадцать. Ход 107 расширил территорию чёрных слева и тоже принес им около двадцать очков, хотя при этом чёрные упустили инициативу. Всем нам, наблюдавшим за игрой, показалось, что чёрные смогут удержать свои приобретения, и мы восхищались этими двумя ходами.

Однако, сейчас инициатива перешла к белым. Мэйдзин сидел с суровым выражением, прикрыв глаза. Дыхание его было тихим и размеренным. Лицо было медно-красного цвета от прилива крови. Щеки слегка подрагивали. Похоже, что он не слышал ни шума ветра, ни доносившегося с улицы грохота барабанов. Свой ход Мэйдзин сделал через 47 минут.

В Ито это был единственный случай, когда Мэйдзин надолго задумался. Но над своим ответным ходом Отакэ Седьмой дан снова думал 2 часа 43 минуты, и этот ход записал при откладывании. Всего в этот день было сделано лишь четыре хода. Расход времени у Седьмого дана составил 3 часа 43 минут, у Мэйдзина - всего 49 минут.

- Здесь могло случиться всё что угодно, - сказал Отакэ Седьмой дан, уходя на обед, - убийственная ситуация. Сказано это было полушутя - полусерьезно. 108 ходом белые атаковали позицию чёрных в левом верхнем углу и начали "стирать" территорию чёрных в центре. Кроме этих двух целей была ещё и третья - защитить территорию белых на левой стороне. Исключительно интересный ход. Ву Циньюань так его прокомментировал:

- 108 ход белых очень сложен. Мне тоже было очень интересно, куда пойдут белые в этой позиции.

36

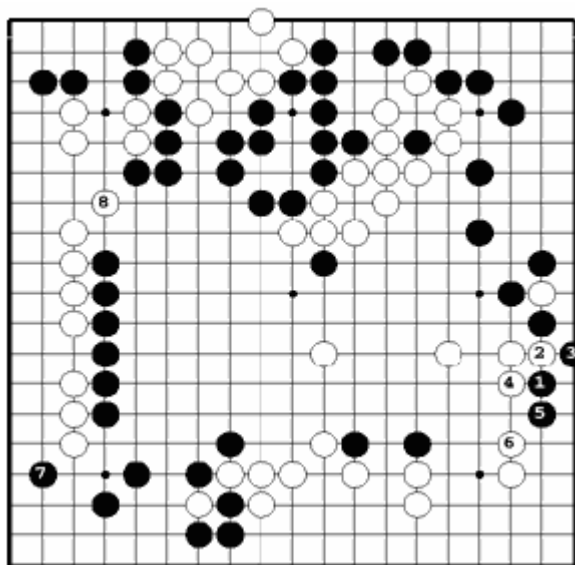
После двухдневного отдыха утром, в третий игровой день и Седьмой дан, и Мэйдзин вдруг стали жаловаться на боли в желудке. Отакэ сказал, что из-за болей он проснулся в 5 часов утра.

Когда был вскрыт и сделан записанный при откладывании 109 ход чёрных. Седьмой дан вскочил и ушел, чтобы снять верхние парадные штаны - "хакама", но когда он вернулся на место, оказалось, что ответный 110 ход белых уже сделан. Он удивился:

- Уже есть ход?

- Извините, я без вас позволил себе... - сказал Мэйдзин. Седьмой дан, скрестив руки на груди, прислушался к шуму ветра:

- Кажется, задул когараси... Уже время, пора - ведь сегодня двадцать восьмое.

Хотя дувший накануне вечером западный ветер к утру утих, но всё же нет-нет, да и проносился изредка снова.

108 ход белых угрожал позиции чёрных в левом верхнем углу доски, поэтому Седьмой дан защитился 109 и 111 ходами, и теперь его группе в том углу гибель не угрожала. Если бы группа попадала под атаку белых до этих ходов, то ей грозила бы гибель или ко-борьба. В этом случае возникла бы очень трудная, богатая разветвленными вариантами позиция, какие бывают в задачах на выживание групп.

- Чтобы жить в этом углу, нужно сделать ещё пару ходов. Это мой старый должок, и должок этот оброс процентами, - сказал Седьмой дан, когда вскрыли конверт с записанным 108 ходом чёрных. После этих ходов все опасности были устранены и напряженность в этом углу была полностью снята.

В этот день игра продвигалась на редкость быстро: ещё до 11 часов было сделано пять ходов. Однако 115 ход чёрных означал завязку решающего сражения - чёрные пошли в атаку, стремясь ограничить и обкусать намечавшуюся большую территорию белых в центре, поэтому, естественно. Седьмой дан должен был действовать осмотрительно.

Ожидая, пока чёрные сделают ход, Мэйдзин принялся рассказывать о рестораниках в Атами, славившихся приготовлением угрей, - "Дзюбако", "Саваси" и других. Он рассказал также старую историю о том, как ему приходилось ездить в Атами ещё в те времена, когда железная дорога доходила только до Йокохамы, а дальше надо было передвигаться в паланкине с ночевкой в Одавара.

- Мне тогда было лет тринадцать или около того... Лет пятьдесят тому назад...

- Да, давненько... Не знаю, в то время уже родился мой отец или ещё нет, - рассмеялся Седьмой дан.

Пока Седьмой дан думал над ходом, он три раза вставал и выходил, жалуясь на желудок. Пока его не было, Мэйдзин сказал:

- Какой усидчивый - уже больше часа думает.

- Без малого час тридцать, - отозвалась девушка, которая вела запись партии и следила за расходом времени. В этот миг загудела полуденная сирена. Девушка по секундомеру, которым она явно гордилась, следила, сколько времени длится гудок.

- Гудит ровно минуту, но на пятьдесят пятой секунде начинает затихать.

Вернувшийся на свое место Седьмой дан растирал на лбу салометилловую мазь. Потом он, хрустнув пальцами, положил рядом с собой лекарство для глаз с названием "Смайл". Такое было впечатление, что он не сделает свой ход до перерыва. Однако, спустя восемь минут вдруг раздался щелчок камня о доску.

Мэйдзин, сидевший опершись о подлокотник, хмыкнул. Он выпрямился, поджал губы, открыл глаза и впился взглядом в доску, словно собираясь просверлить ее насквозь. Толстая кромка припухших век от ресниц до глазного яблока придавала его пристальному взгляду чистоту и блеск.

Слишком уж жестким был 115 ход чёрных, и теперь белые должны были изо всех сил защищать свою территорию в центре доски. Подошло время обеда.

После обеда, не успев сесть за доску, Отакэ Седьмой дан сразу же умчался в свою комнату и смазал себе горло каким-то лекарством. Это лекарство имело резкий запах. Потом он закапал в глаза какие-то капли и вооружился двумя карманными грелками.

116 ход белых занял двадцать две минуты, но последующие ходы до 120 были сделаны быстро. На 120 ходе белым по всем тактическим канонам следовало защищаться мягко, но

Мэйдзин, напротив, жестко прижал чёрных, не побоявшись образовавшегося при этом “пустого треугольника”.

Ситуация на доске была напряженная. При мягкой игре белые рисковали потерять несколько очков, но в этой сбалансированной жёсткой партии такая потеря была бы непозволительной роскошью. То, что над тончайшим ходом, который мог решить судьбу партии, Мэйдзин мог думать не более минуты, обычно вселяло в противника ужас. Похоже было, что после 120 хода он принялся за подсчёт очков. Мэйдзин начал быстро считать в уме, сопровождая счет кивками. Это зрелище сильно действовало на нервы.

Говорили, что исход игры может зависеть от одного очка. И потому, раз уж белые завязали жестокую схватку из-за пары очков, чёрные тоже были вынуждены сражаться вплотную. Седьмой дан сидел скорчившись, как от боли, и на его круглом детском лице впервые проступили синие жилки. Шумно и с раздражением он обмахивался веером.

Даже мёрзнувший Мэйдзин раскрыл свой веер и стал им нервно обмахиваться. На обоих было тяжело смотреть. Наконец Мэйдзин облегчённо вздохнул и принял более свободную позу.

- Стоит мне задуматься, как я теряю опущение времени, - сказал Седьмой дан, чья очередь была ходить, - Уф, даже жарко стало, простите.

С этими словами он снял накидку “хаори”. Его примеру последовал и Мэйдзин. Он двумя руками отогнул назад воротник кимоно и высвободил шею. В этом его жесте было что-то комическое.

- Жарко, жарко... Снова я тяну время. Какая жалость! Я чувствую, что сделаю плохой ход, испорчу всё дело, - приговаривал Седьмой дан, словно стараясь удержать себя от неверного хода. Продумав один час сорок минут, в 3.43 пополудни он, наконец, записал 121 ход чёрных.

За три игровых дня после возобновления партии в Ито противники сделали 21 ход, но расход времени у чёрных составил 11 часов 48 минут, тогда как белые потратили всего 1 час 37 минут. Будь это обычная игра, Отакэ Седьмой дан исчерпал бы весь лимит времени за какой-нибудь десяток ходов.

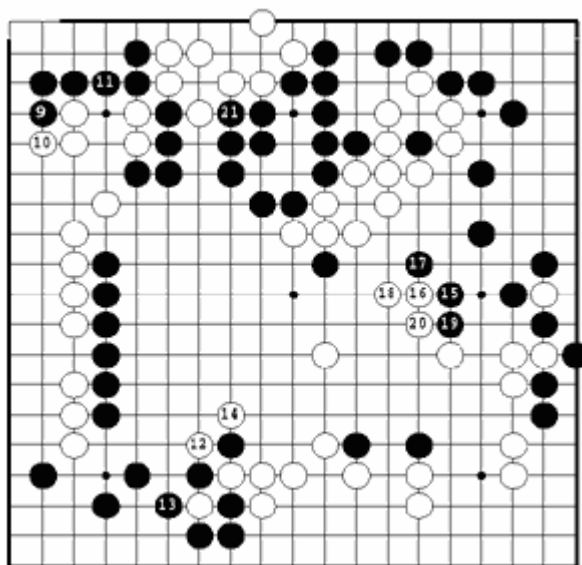
Такая огромная разница в затратах времени наводила на мысль о большой психологической и физиологической разнице между Седьмым даном и Мэйдзином. А ведь Мэйдзин тоже имел славу утончённого игрока, не жалеющего времени.

37

Каждую ночь задувал западный ветер, тем не менее утром 1 декабря, очередного игрового дня, погода стояла такая ясная, что казалось, будто воздух струится.

Накануне днем Мэйдзин играл в японские шахматы сёги, затем вышел в город и немного поиграл на бильярде. Вечером был мадзян с партнёрами Ивамото, Симамурой, секретарем Ассоциации Яватои и другими.

В игровой день утром Мэйдзин встал ещё до восьми и вышел во дворик. Там летала красная стрекоза.

Комната Отакэ Седьмого дана находилась на втором этаже. Под его окнами рос клен, крона которого почти наполовину оставалась зелёной. Отакэ встал в полвосьмого. Он снова пожаловался на боли в желудке и сказал, что они его доконают. На столе у него стоял добрый десяток флакончиков с разными лекарствами.

Старый Мэйдзин кое-как оправился от простуды, зато начались нелады со здоровьем у молодого Седьмого дана. Отакэ был куда более нервным, чем Мэйдзин, хотя внешне могло показаться совсем наоборот. Покинув игровую комнату, Мэйдзин старался не вспоминать о партии, он с головой погружался в другие игры и в своей комнате даже не прикасался к камням для Го. Седьмой дан все дни отдыха проводил за доской и, по-видимому, не ленился изучать отложенную партию. Дело было не только в разнице возрастов, сказывалось в этом, должно быть, и различие характеров.

- Вы слышали - прилетел "Кондор"? - сказал Мэйдзин, войдя утром 1 декабря в комнату Оргкомитета. - Прибыл вчера вечером в 22.30. Скорость у этого самолета огромная...

На полупрозрачную бумажную перегородку "сёдзи" падали утренние лучи.

Но перед началом доигрывания случилось досадное происшествие.

Секретарь Явата показал участникам конверт с записанным при откладывании ходом, вскрыл его и, подойдя к доске, принялся искать на диаграмме записанный 121 ход чёрных. И вдруг оказалось, что найти этот ход он не может.

Во время записи хода при откладывании игрок не показывает его никому: ни противнику, ни судьям. Он сам наносит ход на бланк диаграммы и вкладывает его в конверт. При предыдущем доигрывании Отакэ Седьмой дан вышел в коридор и записал свой ход там. К конверту приложили свои печати оба противника. Сам конверт вложили в другой, большего размера, затем наружный конверт был опечатан секретарем Яватой. До утра очередного дня доигрывания конверт хранился в сейфе гостиницы. Важно то, что ни Мэйдзин, ни Явата не знали, какой ход записал Седьмой дан. Однако, все, кроме самих участников, гадали, куда был сделан этот ход и в общих чертах предполагали, на каком участке доски он будет сделан. И оттого мы, наблюдатели, с большим волнением ожидали 121 ход чёрных - ведь он должен был стать кульминационным.

На диаграмме записанного хода не могло не быть, и Явата лихорадочно её просматривал, однако все никак не мог найти. Наконец ход отыскался.

- А-а... - пронёсся ропот удивления. Чёрный камень стоял на доске, но я со своего места никак не мог разглядеть, где именно. Когда же, наконец, увидел, то смысл этого хода всё равно остался мне непонятен. Потому что этот ход был сделан на верхней стороне доски далеко от основного поля сражения, где борьба находилась в самом разгаре.

Даже мне, любителю средней силы, было ясно, что этот ход сильно похож на ко-угрозу и у меня вдруг защемило в груди от дурного предчувствия. Неужели Отакэ Седьмой дан решил использовать процедуру откладывания как средство борьбы? Ведь это было бы слишком низко, даже подло.

- Я думал, что ход будет в центре доски... - оправдывался Явата, затем с натянутой улыбкой отошёл от доски.

Чёрные стремятся уничтожить влияние белой группы внизу справа на доске, которое грозит превратиться в неприступную позицию, они завязывают борьбу в центре доски и в самый разгар этой борьбы, по логике, не должны делать ход в другом месте. Нет ничего удивительного, что Явата искал записанный ход в центре, затем внизу справа, и не находил его.

В ответ на 121 ход чёрных Мэйдзин построил глаз в группе белых на верхней стороне доски. Если бы он этого не сделал, то белая группа из восьми камней неминуемо погибла бы. Не ответить на такой ход чёрных было все равно, что не ответить на ко-угрозу во время борьбы, и это означало бы проигрыш.

123 ход чёрных был сделан всего за три минуты, он продолжал атаку в центре доски. Это был предварительный удар справа и снизу. 127 ход также продолжил атаку в центре. 129 ходом чёрные, наконец, ворвались в расположение белых с разрезанием. Ещё раньше, на 120 ходу Мэйдзин построил “дурной треугольник”. По этому-то треугольнику и пришелся удар.

Ву Циньюань так прокомментировал эту ситуацию:

- Белые на 120 ходе сыграли жестко, поэтому и чёрные отважились на жёсткую игру - я имею в виду ходы от 123 до 129. Такую манеру, как у чёрных, часто можно видеть в партиях, приходящих на ближнем бое, когда игра идет вплотную. Это тоже проявление боевого настроения игрока.

И вот в этот-то момент Мэйдзин оставил без внимания убийственное разрезание чёрных, не ответил на него, а перешел в контратаку справа внизу, стремясь придавить чёрных к краю доски.

Я опешил. Это тоже был совершенно неожиданный ход. Я ощущал в мышцах напряжение, словно и меня ненароком задел злой дух, овладевший Мэйдзином. Неужели на 129 ход чёрных, ход первостепенной важности, Мэйдзин так странно ответил, видя, что осталась щель для вторжения чёрных. Может быть, он захотел сбить с толку чёрных и втянуть их в эндшпильную контригру? Или он искал бешеной схватки, в которой сам получаешь ранения, но и противника валишь с ног? Казалось даже, что этот 130 ход продиктован не столько боевым духом, сколько яростью.

- Милое дело, милое дело... - повторял Отакэ Седьмой дан, - вон оно как обернулось.

Он думал над следующим 131 ходом. Незадолго до перерыва на обед он опять проговорил:

- Потрясающая вещь получилась. Страшный ход. Прямо потрясающий? Я сделал глупость и вот теперь мне выкрутили руку...

- Как на настоящей войне, - печально проговорил судья Ивамото Шестой дан.

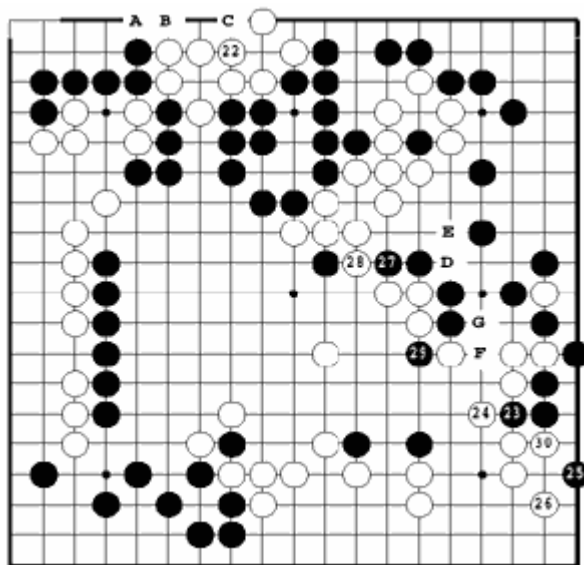
Он, конечно, имел в виду, что в реальной войне часто возникают случайности, которые и решают твою судьбу. Таким оказался и 130 ход белых. Все планы игроков, все их расчёты, различные прогнозы профессионалов, не говоря уж о любителях, всё было опрокинуто этим единственным ходом и полетело кувырком.

Любитель, я ещё не понимал, что 130 ход белых означает проигрыш “непобедимого” Мэйдзина.

38

Однако и я чувствовал, что произошло серьёзное событие. Не помню точно, сам ли я пошёл вслед за Мэйдзином, когда тот направлялся на обед, или он пригласил нас. Но только не успели мы зайти в его комнату и рассесться, как Мэйдзин тихо, но твёрдо сказал:

- Всё, партии конец! Записанный ход Отакэ-сан убил её. Это всё равно, что на готовую картину посадить кляксу... Как только он сделал этот ход, мне сразу захотелось бросить эту партию. Дать

ему понять, что это была последняя соломинка... Я и вправду считал, что партию лучше бросить, но потом передумал.

Не помню, кто был тогда при этом разговоре - Явата или Гои, а может быть, и тот, и другой, но только помни, что все молчали.

- На такой ход может быть только один ответ. Вот он и решил таким способом выкроить себе ещё два дня на обдумывание. Пройдоха! - сказал, словно плюнул, Мэйдзин.

Все молчали. Невозможно было ни поддакивать Мэйдзину, ни защищать Седьмого дана. Все мы сочувствовали Мэйдзину. Тогда я ещё не понимал, что уже во время игры Мэйдзин был так разгневан и одновременно разочарован, что хотел отказаться от дальнейшей игры. Когда же он сидел за доской, то ни лицом, ни жестом не выдавал своих чувств. Никто из присутствовавших тогда не заметил бурю в душе Мэйдзина.

Правда, как раз в тот момент Явата слишком долго не мог найти записанный на бланке ход и, когда, наконец, нашел его и поставил камень на доску, то тем самым отвлек на себя внимание всех. Поэтому на Мэйдзина тогда никто не смотрел. Однако, тот почти мгновенно, без раздумий сделал следующий 122 ход. Произошло это, так быстро, что даже стрелка секундомера с того момента, когда Явата нашел ход, и до хода Мэйдзина не успела сделать один оборот. Однако, за эти считанные секунды Мэйдзин смог взять себя о руки, причём выдержка не изменила ему и в течение всего игрового дня.

Я был потрясен, когда услышал гневные слова Мэйдзина. А ведь он провел доигрывание как ни в чем не бывало. И тогда я открыл для себя нового Мэйдзина, который вёл свою Прощальную партию с июня по декабрь, - мне показалось, что я понял его.

Мэйдзин был творцом, он создавал эту партию как произведение искусства. И вот в момент, когда картина уже почти готова, когда воодушевление достигает высшей точки, а внимание становится напряженным, как никогда раньше, на полотно вдруг шлепается капля туши. То же самое и в Го - чёрные и белые камни ставятся на доску друг за другом, по порядку, при этом все время сохраняется замысел и структура творения. Здесь так же, как и в музыке: выражает себя дух, во всем царит гармония. И вдруг в плавный ход мелодии врывается фальшивая нота, дуэт сбивается на немыслимые рулады - и все пропало. В игре Го бывает, что просмотр или явный "зевок" кого-то из участников портит игру, которая, если бы не это, могла бы войти в число Знаменитых партий. Что ни говори, а 121 ход Отакэ Седьмого дана оказался для всех неожиданным, всех поразил и вызвал недоумение. Плавное течение и ритм партии были внезапно оборваны.

Этот ход Седьмого дана возмутил не только профессионалов, но и любителей Го. Нам, любителям, 121 ход чёрных в этой партии показался каким-то неестественным и явно был не по душе всем. Однако, позже среди профессионалов выявились и защитники игры Отакэ, считавшие, что черным именно так и следовало играть в тот момент.

Немного позже, делясь своими впечатлениями от матча, Отакэ Седьмой дан сказал:

- Я непременно, рано или поздно хотел сделать этот ход.

Ву Циньюань высказал мнение, что белым следовало раньше сыграть в пункты "А" и "В". Затем он добавил:

- Белые тогда на 121 ход чёрных могли бы ответить ходом в пункт "С", а не в 122, чтобы обеспечить своей группе жизнь. В этом случае угроза чёрных стала бы малодейственной. Вот так непринужденно, лишь слегка коснувшись большого вопроса, Ву Циньюань Шестой дан объяснил значение 121 хода чёрных. Без сомнения, Отакэ Седьмой дан думал точно так же.

Однако, поскольку это был разгар схватки в центре доски и этот ход - записывался при откладывании, то он рассердил Мэйдзина и посеял сомнения в болельщиках. Но, в конце концов, если записываемый ход, последний за весь игровой день, трудно найти, и если в спешке записывается ход, подобный 121 ходу чёрных, то это все равно означает выигрыш времени. Такой ход всё же позволяет не спеша обдумать ситуацию на главном поле сражения, причем на обдумывание остается целых два дня до следующего доигрывания. В Ассоциации встречаются игроки, которые даже на крупных соревнованиях, попадая в цейтнот, делают ходы, подобные ко-угрозам, на дальних участках доски, когда им уже считают секунды. Эти игроки стремятся хотя бы на минуту продлить жизнь своим группам. Встречаются также такие игроки, которые искусно обращают в свою пользу даже процедуру откладывания и записи хода. Новые правила порождают и новую тактику. Когда возобновились доигрывания в Ито, игру четыре роза подряд откладывали при ходе чёрных. Может быть, это была не просто случайность. Сам же Мэйдзин был настроен по-боевому. Тогда же он сказал:

- Я не хотел смягчать свой 120 ход.

121 ход чёрных был следующим.

Так или иначе, но факты неумолимы: 121 ход Отакэ Седьмого дана в то утро рассердил или, можно даже сказать, потряс Мэйдзина.

Когда после окончания партии Мэйдзин делился своими впечатлениями, он об этом ходе не сказал ни слова.

Однако, через год в комментариях к “Избранным партиям” в “Полном собрании трудов Мэйдзина по Го” было написано так:

- 121 ход чёрных - своевременная угроза. Надо сказать, что эффективность этой угрозы была бы намного ниже, если бы чёрные промедлили и дали белым возможность сделать ходы в пункты “А” и “В”.

Раз уж сам Мэйдзин оправдал своего противника, то наши претензии к Седьмому дану тем более отпадают. Мэйдзин рассердился, потому что для той ситуации ход был очень уж неожиданным. Сомнения в порядочности Седьмого дана были ошибкой, которую диктовал гнев.

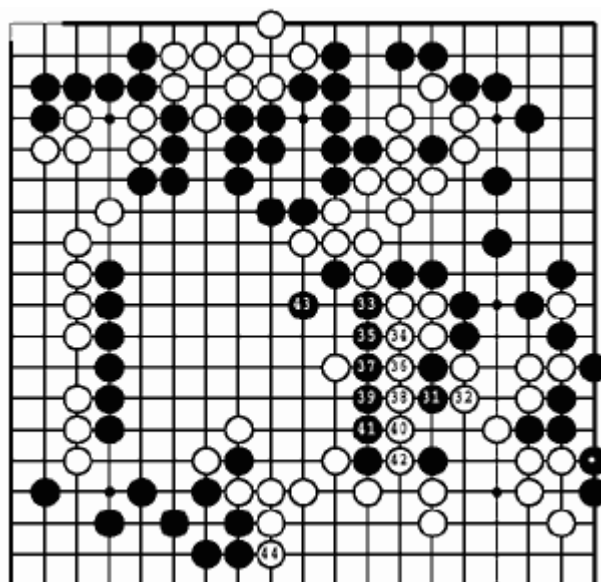
Но не исключено и то, что Мэйдзин специально так прокомментировал 121 ход чёрных, чтобы положить конец кривотолкам. Однако “Избранные партии” вышли в свет через год после окончания Прощальной портки и за полгода до смерти Мэйдзина, поэтому не исключено также, что он смог спокойно оправдать 121 ход, зная, какие нападки тот навлек на Седьмого дана.

Почему “рано или поздно” Седьмого дана превратилось в “своевременно” Мэйдзина? Для меня, непрофессионала, это так и осталось загадкой навсегда.

39

Загадкой осталось и то, почему Мэйдзин сделал свой 130 ход, который стал причиной его поражения.

Над этим ходом Мэйдзин думал 27 минут, и сделал его в 11.34. Конечно, думать почти полчаса и ошибиться - это случайность, но я потом очень жалел, почему Мэйдзин не подумал подольше и не дождался перерыва на обед. Если

бы он отошел от доски и отдохнул часок, то может быть, ошибки удалось бы избежать. Бес его бы не попутал. У белых оставалось и распоряжении ещё целых 23 часа. Один или два часа никакой роли не сыграли бы. Но Мэйдзин не хотел превращать обеденный перерыв в средство борьбы. Поэтому на обеденный перерыв пришёлся 131 ход чёрных.

130 ход белых походил на эндшпильную контратаку. Отакэ Седьмой дан об этом ходе сказал, что ему кажется, будто ему “выкрутили руку”. Ву Шестой дан тоже дал похожий комментарий:

- Болевая точка чёрных нашупана превосходно. В момент разрезания на 129 ходу белые создали угрозу своим 130 ходом.

Однако при всём том белым нельзя было пренебрегать убийственным разрезанием чёрных и не отвечать на него. Если в момент наивысшего напряжения в схватке один из противников отвлечется на другое - он погиб.

С самого начала доигрывания в Хаконэ Отакэ Седьмой дан действовал осмотрительно и только наверняка, отвечая на удар ударом, на упорство упорством. И разрезание на 129 ходу чёрных было взрывом таившихся под спудом сил, накопленных чёрными за всю игру. Когда белые 130 ход сделали в стороне от основного поля борьбы, мы все испугались, но Седьмой дан видно не дрогнул. Если белые пленят четыре камня на правой стороне доски, то чёрные в отместку успеют разрушить их позицию в центре. Седьмой дан не среагировал на 130 ход и своим 131 ходом «продлился» от 129 камня. В конце концов и Мэйдзин на 132 ходу вернулся к борьбе в центре. Если бы белые 130 ходом защитились от разрезания в центре, то всё наверное, обошлось бы.

Мэйдзин в комментариях пожаловался:

- 130 ход - роковая ошибка. Белым следовало немедленно разрезать в “D” и посмотреть, как ответят чёрные. Если бы чёрные пошли, например, в пункт “E”, то в этой позиции 130 ход был бы хорош. Если затем чёрные сделают свой 131 ход, то белые, уже не опасаясь удара в “F”, спокойно могут защититься ходом в пункт “G”. К тому же, какие бы варианты не рассматривали мы, все они приводят к более сложным позициям, чем в партии, и к более близкому бою.

Атака чёрных ходами 133 и далее нанесла белым поистине смертельную рану. Впоследствии белые старались исправить положение, но нельзя сделать то, что сделать невозможно.

Ход, решивший судьбу партии, мог означать, что Мэйдзин надломлен психологически и физически. Мне, любителю, в то время казалось, что выглядевший сильным и опасным 130 ход означает попытку Мэйдзина перейти от защиты к атаке, но в то же время оставалось ощущение, что Мэйдзин или потерял терпение или пытается сорвать свой гнев. Но говорят, что этот ход был бы прекрасным, если бы перед ним белые провели разрезание. Возможно, что фатальный 130 ход был отзвуком утреннего гнева Мэйдзина во время истории с записанным ходом Отакэ. Наверняка судить трудно. Даже сам Мэйдзин вряд ли сознавал поворот судьбы, вызванный его душевным состоянием или вмешательством злого рока.

Едва Мэйдзин поставил на доску 130 камень, как откуда-то слышались звуки бамбуковой флейты. Исполнение было виртуозным и немного смягчало бурю, бушевавшую на доске. Мэйдзин прислушался.

С высокой горы я в долину смотрел

Там дыни в цвету, баклажан уж созрел...

С этой песенки обычно начинают учебу на флейте сякухати. Есть ещё вид флейты, похожий на сякухати, но имеющий на одно отверстие меньше. Она называется “одноколенная” флейта. По лицу Мэйдзина было видно, что он погрузился в воспоминания. Над 131 ходом

Отакэ Седьмой дан начал думать ещё до обеда, и в сумме потратил на этот ход один час 15 минут. В два часа он взял было камень, но сказал: “М-да...” и опять задумался. Минуту спустя он все-таки поставил камень на доску.

Увидев 131 ход чёрных, Мэйдзин не изменил позы, продолжал сидеть прямо, лишь вытянул шею и забарабанил пальцами по краю жаровни – “хибати”. Его колючие глаза бегали по доске. Он подсчитывал очки. Подрезанный 129 ходом “дурной треугольник” на 133 ходу был подрезан с другой стороны и три белых камня попали в положение атари. Затем до 139 хода одно атари следовало за другим и чёрные, угрожая взять камни, выстроили длинную стенку. Произошел тот самый поворот в игре, который Отакэ Седьмой дан называл землетрясением. Чёрные вторглись в самую сердцевину мешка белых. Мне казалось, что слышен треск разрушения белой крепости.

На 140 ходу Мэйдзин задумался, продолжать ли бегство по прямой или взять два чёрных камня. Он часто-часто махал веером.

- Не знаю, вроде одно и то же. Не знаю, - бессознательно прошептал он.

- Не знаю, не знаю...

Однако и этот ход он сделал за 28 минут. Вскоре принесли полдник. Мэйдзин взглянул на Седьмого дана.

- Поешьте мусидзуси.

- Знаете, у меня с желудком неважно...

- А вдруг вам еда поможет?

Увидев, что Мэйдзин сделал 140 ход, Отакэ Седьмой дан заговорил:

- Не думал, что вы этот ход будете записывать, а вы его сделали. Вы так быстро играете, сэнсэй, у меня просто голова кружится. Для меня это хуже всего.

Мэйдзин продолжал игру до 144 хода и записан был 145 ход чёрных. Седьмой дан взял камень и хотел было поставить его на доску, но задумался, а тут и подошло время прекращать игру. Пока Седьмой дан в коридоре клеивал конверт, Мэйдзин сердито смотрел на доску и не двигался. Его нижние веки, казалось, горели и слегка припухли. Во время доигрывания в Ито Мэйдзин часто поглядывал на часы.

40

- Если удастся, то постараемся сегодня закончить, - сказал Мэйдзин членам Оргкомитета утром четвёртого декабря. Ещё до обеда он обратился к Отакэ:

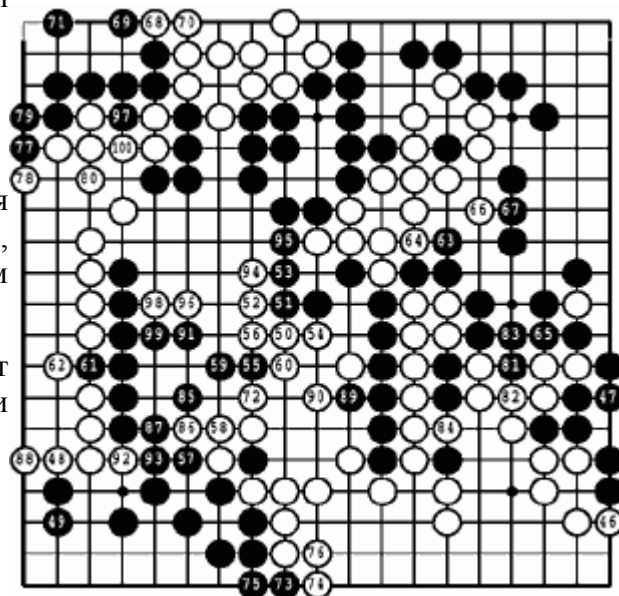
- Давайте сегодня закончим.

Седьмой дан молча кивнул.

Стоило подумать, что эта партия, растянувшаяся на полгода, закончится сегодня, как у меня, верного наблюдателя, щемило в груди. При этом каждому было ясно, что Мэйдзин проиграл.

Ещё утром, когда Отакэ Седьмой дан отошёл от доски, Мэйдзин взглянул на нас, улыбнулся и сказал:

- Всё кончено. Больше ходить некуда.

Неизвестно, когда он успел пригласить парикмахера, только в то утро Мэйдзин явился на игру постриженным так коротко, что напоминал буддийского монаха. Прическа из длинных полос с пробором, которая была на нем в больнице, с которой он приехал в Ито, закрасив седину, вдруг сменилась коротким ежиком. Это наводило на мысль, что Мэйдзин не вполне чужд театральности, однако, он выглядел очень помолодевшим, словно смыл с себя года.

Четвертого числа на росшей во дворе сливе вдруг появилась пара цветков. Было воскресенье. Начиная с субботы прибывали все новые и новые гости, поэтому игру перенесли в новый корпус. Я неизменно располагался в соседней комнате с Мэйдзином. Его комната находилась в самой глубине нового корпуса, прямо над ней с прошлого вечера две комнаты занимали члены Оргкомитета Партии. Таким образом, вокруг не было никого из посторонних и никто не мог тревожить сон Мэйдзина. Отакэ Седьмой дан занимавший номер на втором этаже, день или два назад тоже переехал вниз. Он сказал, что неважно себя чувствует и что его утомила беготня вверх-вниз по лестнице.

Окна нового корпуса смотрели прямо на юг, перед окнами был двор, поэтому солнечный свет проникал глубоко в комнату и едва не достигал доски. Пока вскрывали записанный 145 ход чёрных, Мэйдзин внимательно осмотрел на доску, слегка наклонив голову набок. Брови сведены к переносице - он выглядел очень строгим. Седьмой дан видимо, предвкушал близкую победу - камни так и порхали в его руках.

Напряжение профессионального игрока в Го после того, как партия вступает в заключительную стадию - ёсэ - далеко не такое, как в начале или середине игры. Кажется, что ощущается нервная дрожь, и это ощущение усугубляется жестокостью схваток на доске. Игроки часто и шумно дышат, словно в самом деле сражаются на самурайских мечах.

Иногда кажется, будто видишь сверкание вспышек духовного огня.

На этой стадии в других, в не столь ответственных играх Отакэ Седьмой дан способен за минуту сделать сотню ходов, наседая на противника, и в этой партии он тоже, несмотря на запас времени в 6-7 часов, казалось, стремился использовать мгновенную реакцию возбужденной нервной системы, старался не упустить волну. Словно подстегивая сам себя, он часто запускал руку в чашу с камнями и лишь потом задумывался. Даже Мэйдзин один раз взял камень и вдруг заколебался.

Видеть такое разыгрывание конечной стадии - это все равно, что наблюдать действие какого-то точного механизма или, если угодно, математического закона, - во всем была красота порядка и систематичности. Пусть это было сражение, но оно проявлялось в красивых формах. Ощущение красоты усиливали сами игроки, которые ни разу не отвели взгляд от доски.

От 177 хода примерно до 180 хода Отакэ Седьмой дан был словно переполнен восторгом, переливающимся через край, его полное круглое лицо казалось умиротворенным ликом Будды. То ли им завладела творческая экзальтация, то ли что ещё, но лицо его несло неопишное выражение. Наверное, он в это время и думать забыл о своих болях в желудке.

Незадолго до этого супруга Седьмого дана не в силах усидеть в комнате от волнения, ходила по дворику, держа на руках своего замечательного крепыша-сына, вылитого сказочного героя Момотаро, и не отрываясь глядела издалека на окна игровой комнаты.

Как раз в тот миг, когда прекратила реветь сирена, звук которой доносился со стороны моря, Мэйдзин сделал 166 ход, а затем вдруг поднял голову:

- Есть место! Проходите сюда! Здесь есть место! - он сделал пригласительный жест, и его голос звучал очень приветливо.

В этот день на судейство приехал Онода Шестой дан, только что закончивший квалификационный осенний турнир в Ассоциации Го. Собрались и другие члены

Оргкомитета - секретарь Ассоциации Явата, Сунада и Гои, корреспонденты газеты "Токио нити-нити" в Ито, и другие, - все они смотрели игру, постепенно подступая все ближе и ближе к играющим. В смежной комнате тоже толпились люди - их тени падали на бумажную раздвижную перегородку. Их-то Мэйдзин и пригласил войти в игровую комнату.

Благодушное, как у Будды, лицо Отакэ Седьмого дана мгновенно переменялось - это вновь было исполненное решимости лицо бойца. Маленькая фигурка Мэйдзина застыла в неподвижности и от этого казалась более внушительной - настолько внушительной, что все вокруг притихли, он часто пересчитывал очки. Когда Отакэ Седьмой дан сделал 191 ход, Мэйдзин наклонил голову, приоткрыл глаза и придвинулся ближе к доске. Наперебой щелкали веера обоих партнеров. На 195 ходу чёрных наступило время обеда.

После обеда игру продолжили на прежнем месте, в шестом номере старого корпуса. Небо затянуло тучами, отовсюду доносились крики ворон. Зажгли лампочку, висевшую над доской. Лампочка была шестидесятиваттной, потому что стоваттная давала бы чересчур яркий свет. На доске виднелись нечетко очерченные отражения чёрных и белых камней, Желая украсить последний игровой день, хозяин гостиницы заменил картину в нише токонома - теперь там висели парные пейзажи кисти Кавабаты Гёсё. Под ними стояла статуэтка Будды, восседавшего на слоне, а рядом стояло блюдо с морковью, огурцами, помидорами, грибами, трёхлепестковой петрушкой и другими овощами.

Мне говорили, что когда какая-нибудь важная игра, наподобие Прощальной партии, подходит к концу, её становится трудно смотреть от волнения. Однако Мэйдзин не проявлял ни тени беспокойства. По его виду никак нельзя было заподозрить, что он проиграл. После двухсотого хода и у него разругались щеки, он впервые за день снял шарф. Он, правда, был слегка возбужден, но его движения нисколько не изменились и были такими же, как всегда. Когда на 237 ходу партия закончилась, Мэйдзин был уже полностью спокоен. И когда он молча заполнил камнем один нейтральный пункт на доске, Онода Шестой дан произнёс:

- Кажется, пять очков...

- Да... пять очков... - проворчал Мэйдзин, он поднял тяжелые веки и перестал оформлять свою территорию для подсчёта очков. Последний ход был сделан в 2.12 пополудни.

На следующий день, когда участники комментировали партию, Мэйдзин с улыбкой сказал:

- Я подсчитал, что будет пять очков, ещё до оформления территории, правда, у меня получилось 66:73, но если бы в самом деле оформили территории, то возможно, подучилось бы чуть-чуть меньше - он сам переоформил территории и счет оказался 56:51.

До тех пор, пока чёрные не воспользовались 130 ходом белых и не испортили их большую территорию, никто не смог бы предсказать разницу в пять очков. Мэйдзин также сказал, что уже после 130 хода, где-то примерно, на 160 ходу он упустил возможность разрезать цепь противника без потери инициативы в пункте -18, и тем самым упустил шанс сократить разрыв в счете. Анализ показал, что это разрезание сокращало разрыв в счете до 3 очков - и это при злополучном 130 ходе. Значит, 130 ход был в самом деле не так уж плох. Не будь "землетрясения", как выразился Отакэ, то интересно, чем бы закончилась партия? Проиграшем чёрных? Мне, любителю, судить трудно, но я не думаю, что чёрные проиграли бы. Зная решимость Седьмого дана, я почти уверен, что он победил бы в любом случае, даже если бы ему для этого пришлось разгрызть камни на куски.

Скорее следовало бы сказать, что шестидесятипятилетний Мэйдзин хорошо играл до тех пор, пока страдая от болезни, не уступил инициативу вписавшемуся в него Седьмому дану, на то время лучшему из новых профессионалов. Мэйдзин не воспользовался оплошностью чёрных, не изворачивался и сам - просто ход события на доске вовлек его в ближний бой. Однако для ближнего боя у него не хватило энергии, возможно, из-за болезни.

“Непобедимый” Мэйдзин проиграл свою последнюю игру. Один из учеников Мэйдзина сказал: “Мэйдзин считал, что только со вторым человеком, то есть, тем, кто идет следом за ним, надо играть в полную силу”. Говорил ли Мэйдзин такие слова в действительности или нет, во всяком случае, всю свою жизнь он поступал именно так.

Когда наутро после заключительного игрового дня я вернулся из Ито домой в Камакура, то был не в силах сразу взяться за обработку моих шестидневных репортажей, и поехал развеяться в Исэ, потом в Киото, словно сбежал с поля боя.

Мэйдзин ещё какое-то время оставался в Ито, как я слышал, поправился на четыре фунта, так что вес его достиг 70 фунтов. Кроме того, он навещал госпиталь, где лежали раненые солдаты, и давал им сеансы одновременной игры на двадцати досках.

Осенью 1936 года гостиницы на горячих источниках уже стали занимать под военные госпитали.

41

Через год с небольшим, в январе ученик Мэйдзина Такахаси Четвёртый дан в своём доме в Камакура открыл частную школу Го. На открытии этой школы присутствовал сам Мэйдзин. Его сопровождали два ученика - Маэда Шестой дан и Симамура Пятый дан. Это было 7 января. После долгого времени мне в этот день удалось встретиться с Мэйдзином.

Мэйдзин сыграл две учебные партии, но выглядел при этом так, словно все это было ему очень тяжело. Камни в руке он держал некрепко, на доску их ставил без энергии - не было слышно характерного щелчка. Во время второй партии он порой так вздыхал, что движение вдоха передавалось плечам. Веки у него немного отяжелели. Правда, не настолько, чтобы это бросалось в глаза, но я сразу вспомнил Мэйдзина таким, каким он был в Хаконэ. Он так и не оправился от той болезни.

В день открытия школы он играл учебные партии с любителями, поэтому никакими осложнениями эта игра не грозила, но Мэйдзин сразу же достиг состояния полной отрешенности. Когда настало время идти ужинать в гостиницу на море, вторую партию прервали на 130 ходу чёрных. Партнером Мэйдзина был довольно сильный любитель первого дана, игравший на четырех камнях форы. В срединной стадии игры чёрные уже начали показывать когти и разрушили большой мешок белых, так что белым приходилось туговато.

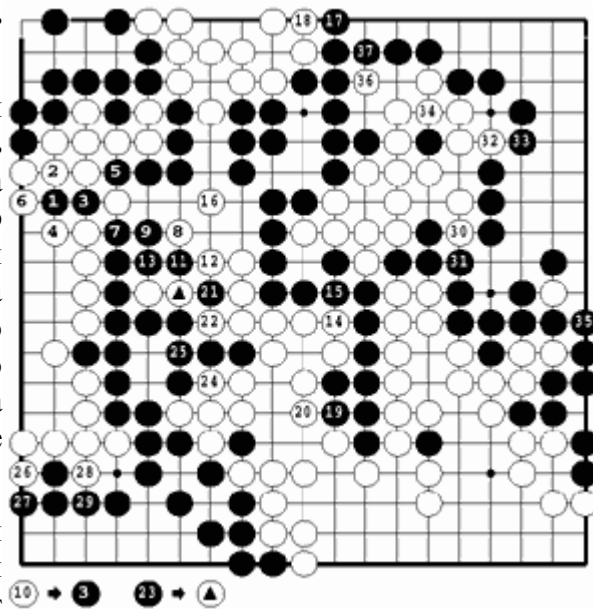
-А чёрные играют неплохо, ничего не скажешь, - заметил я, обращаясь к Такахаси Четвертому дану.

- Да, чёрные побеждают. Стоят прочно. А белым трудно, - ответил Четвёртый дан.

- Мэйдзин изрядно сдал. Его игра теперь не то, что прежде. Всерьёз играть уже не может. Он заметно ослабел после Прощальной партии.

- Он как-то сразу постарел. Да, в то время он был ещё бодрым старичком... Если бы он победил в Прощальной партии, такого наверное, не случилось, всё было бы иначе...

Когда мы прощались перед гостиницей, я сказал Мэйдзину:

- Скоро мы с вами увидимся в Атами.

Мэйдзин с супругой 15 января приехали в Атами и остановились в гостинице Урокоя. К тому времени я уже несколько дней жил в гостинице Дзёураку. Шестнадцатого после обеда мы вдвоем с женой сходили в Урокоя. Мэйдзин долго задерживал меня, предлагал поужинать и поговорить, но я сказал, что сегодня очень холодно и я прошу разрешения откланяться; в другой раз, когда будет теплее, я с удовольствием приглашу его в ресторанчик Дзюбако или Тикуё. Снег в тот день искрился. Мэйдзин любил поесть угрей. После нашего ухода Мэйдзин купался в горячем источнике. Супруга стояла над ним и поддерживала его сзади подмышки. Вскоре, уже в постели, у Мэйдзина начались боли в груди ему стало трудно дышать и сутки спустя перед рассветом он умер. Мне сообщил об этом по телефону Такахаси Четвёртый дан. Я открыл ставни - солнце ещё не вышло из-за горизонта. Я подумал ещё, не повредило ли здоровью Мэйдзина наше позавчерашнее посещение?

- Позавчера Мэйдзин так уговаривал нас остаться на ужин... - сказала моя жена.

- Да...

- И его супруга тоже просила остаться, а мы все ушли... Я в тот же день почувствовала, что надо было остаться. Ведь она даже сказала горничной, что мы будем ужинать вместе с ними.

- Я помню. Но я боялся, что он простудится...

- Не знаю, понял ли он правильно, но он в самом деле хотел, чтобы мы остались. Может быть, мы обидели его тем, что ушли.

Если сказать честно, то мне вовсе не хотелось уходить. Было бы лучше не мудрить, а просто остаться. Может быть он чувствовал себя одиноким?

- Да, но он всегда был одинок.

- Было холодно, а ведь он проводил нас до крыльца.

- Хватит. Ужасно... Ужасно, когда у тебя кто-то умирает.

Покойного в тот же день увозили в Токио. Когда его несли от крыльца гостиницы до машины, завёрнутым в плед, он выглядел таким крошечным, что казалось, будто у покойного тела нет совсем. Мы стояли поодаль, ожидая отправления.

- Нет цветов! - вдруг спохватился я, и сказал жене:

- Где-то здесь была лавка. Сбегай поскорее, купи. Только быстрее, машина вот-вот тронется.

Моя жена вскоре вернулась с цветами, и я передал букет сидевшей в машине супруге Мэйдзина. Кто-то из сопровождающих начал медленно закрывать дверь, а я подумал, что закрывается ещё одна прекрасная страница в истории Го.

Машина тронулась...